

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2022 – 2 (324)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2022**

**Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «Институт научной информации
по общественным наукам РАН»**

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия

Мирзеханов В.С. – д-р ист. наук, профессор, научный консультант (ИВИ РАН, ИНИОН РАН), *Дмитриева Е.Л.* – главный редактор, *Бибикина О.П.* – канд. ист. наук, первый зам главного редактора (ИВ РАН), *Гинесина Н.В.* – отв. за выпуск на англ. яз., *Ниязи А.Ш.* – канд. ист. наук, зам главного редактора (ИВ РАН), *В.Н. Счен-снович* – отв. секретарь

Аликберов А.К., д-р. ист. наук, директор ИВ РАН
Аватков В.А., д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Дипломатическая академия МИД РФ
Белинский А.В., канд. полит. наук, ИНИОН РАН
Белозёров В.К., д-р полит. наук, МГЛУ
Гордон А.В., д-р ист. наук, ИНИОН РАН
Добаев И.П., д-р филос. наук, канд. полит. наук, эксперт РАН, ЮФУ
Кашаф Ш.Р., магистр теологии, ИВ РАН
Кузнецов И.И., д-р полит. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова
Малашенко А.В., д-р ист. наук, ИМЭМО РАН
Малышева Д.Б., д-р полит. наук, ИМЭМО РАН
Следзевский И.В., д-р ист. наук, Институт Африки РАН
Флиши де ла Невиль Т. (Швейцария), канд. юр. наук, Университет в Пуатье, Реннская школа бизнеса (Франция)

**Россия и мусульманский мир : научно-информационный
бюллетень / ИНИОН РАН, Отдел Азии и Африки. – Москва, 2022. –
№ 2 (324). – 134 с.**

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.00

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: №04-32298 от 11.04.2022

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES**

**RUSSIA
AND
THE MOSLEM WORLD**

2022 – 2 (324)

Science-information bulletin

Published since 1992

**Moscow
2022**

**Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)**

Division of Asia and Africa

Editorial Board:

Velihan Mirzehanov – Scientific Consultant, INION, Russian Academy of Sciences, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Elena Dmitrieva* – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Olga Bibikova* – First Deputy Editor-in-Chief, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Aziz Niyazi* – Deputy Editor-in-Chief, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Valentina Schensnovich* – Executive Secretary, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; *Natalia Ginesina* – Managing Editor, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alikber Alikberov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir Avatkov, INION, Russian Academy of Sciences, Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Andrey Belinsky, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vasily Belozеров, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Igor Dobayev, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Thomas Flichy de La Neuville (Switzerland), Institute for the History of Law (University of Poitiers), Rennes School of Business, France

Alexander Gordon, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shamil Kashaf, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Igor Kuznetsov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Alexey Malashenko, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dina Malysheva, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Igor Sledzevsky, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Russia and the Moslem World: Science Information Bulletin / INION RAN, Division of Asia and Africa. – Moscow, 2022. – N 2 (324). – 134 p.

ISSN 1998-1813

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.00

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of Registration № 04-32298 dated 11.04.2022

Journal is indexed in the Russian Science Citation Index
© FSIBS «Institute of Scientific Information for Social Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Сченснович В.Н.</i> Этнические и этноконфессиональные конфликты в современной России. (Сводный реферат).....	9
<i>Абдулагатов З.М.</i> Проблемы политики в контексте читательских интересов газеты «Ас-Салам».....	16

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Сченснович В.Н.</i> Роль религии в межконфессиональных отношениях Республики Башкортостан. (Аналитический обзор).....	25
<i>Дмитриева Е.Л.</i> Ислам в регионах Российского Севера. (Сводный реферат).....	43
<i>Сченснович В.Н.</i> Социально-политическая нестабильность в Казахстане и Киргизии. (Сводный реферат)	48
<i>Дмитриева Е.Л.</i> Влияние прихода талибов к власти в Афганистане на ситуацию в республиках Средней Азии. (Сводный реферат).....	55

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Аватков В.А., Останин-Головня В.Д.</i> Религиозный фактор и мусульманское паломничество в российско-саудовских отношениях	64
<i>Кудаяров К.А.</i> Введение в оборонную политику Турции. (Аналитический обзор).....	72
<i>Погорельская С.В.</i> Ислам и новая идентичность Германии	95
<i>Шарипова Г.У.</i> Краткая история развития мультикультурализма в Малайзии	111

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Атамали К.Е.</i> Ислам и межрелигиозный диалог. (Аналитический обзор).....	122
---	-----

CONTENTS

MODERN RUSSIA: IDEOLOGY, POLITICS, CULTURE AND RELIGION

<i>Valentina Schensnovich</i> . Ethnic and ethno-confessional conflicts in modern Russia. (Condensed abstract)	9
<i>Zaid Abdulagatov</i> . Problems of politics in the context of the newspaper As-Salam readers' interests	16

PLACE AND ROLE OF ISLAM IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE CAUCASSUS AND CENTRAL ASIA

<i>Valentina Schensnovich</i> . The role of religion in interfaith relations of the republic of Bashkortostan. (Analytical review)	25
<i>Elena Dmitrieva</i> . Islam in the regions of the Russian North. (Condensed abstract)	43
<i>Valentina Schensnovich</i> . Socio-political instability in Kazakhstan and Kyrgyzstan. (Condensed abstract)	48
<i>Elena Dmitrieva</i> . The influence of the taliban coming to power in Afghanistan on the situation in the republics of Central Asia. (Condensed abstract)	55

ISLAM IN FOREIGN COUNTRIES

<i>Vladimir Avatkov, Vasily Ostanin-Golovnya</i> . Religious factor and moslem pilgrimage in russian-saudi relations	64
<i>Kanybek Kudayarov</i> . Introduction to Turkey's defense policy. (Analytical Review)	72
<i>Swetlana Pogorelskaja</i> . Islam and the new identity of Germany	95
<i>Sharipova Guzal</i> . A brief history of multiculturalism in Malaysia.....	111

THE MOSLEM WORLD: THEORETICAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS

<i>Ksenia Atamali</i> . Islam and interreligious dialogue. (Analytical review)	122
--	-----

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Сченснович В.Н.¹
ЭТНИЧЕСКИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.
(Сводный реферат)

DOI: 10.31249/gimm/2022.02.01

1. *Найденко В.Н.* Экспертная оценка негативных проявлений, обуславливающих этноконфессиональные конфликты в современной России // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8. № 3(31). С. 149–164.

2. *Гимаев И.З.* Социально-политический аудит межнациональных и межконфессиональных отношений // *Уфимский гуманитарный научный форум*. 2021. № 3 (7). С. 151–160.

Ключевые слова: этнонациональный экстремизм; этнонациональные конфликты; межнациональное согласие; исламистский экстремизм; терроризм; мигранты; русофобия; антисемитизм; межнациональные и межконфессиональные отношения; ксенофобия; социально-политический аудит; социальные технологии; гармонизация отношений.

Найденко В.Н., доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН

Гимаев И.З., кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Институт стратегических
исследований Республики Башкортостан, г. Уфа

¹ Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН,
e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

В.Н. Найдено [1] определяет вероятность возникновения и развития этнонациональных конфликтов в России в ближайшие годы. Негативным фактором общественно-политической жизни РФ является современный этнонациональный экстремизм, который включает идеологию и практику использования насилия и разжигания вражды и ненависти на национальной, расовой или этнорелигиозной основе. Этнонациональный экстремизм чаще всего интегрируется с политическим или религиозным экстремизмом. Особенности развития этнонациональных и конфессиональных отношений в регионах России с населением, исповедующим ислам, обусловили возникновение специфического направления в экстремизме – этнорелигиозного (исламистского) экстремизма. Соединение национального и религиозного начал в исламистском экстремизме усиливает его потенциал, увеличивает опасность идейного и психологического воздействия на участников экстремистского движения и его социальную базу, сакрализирует самые острые формы и методы экстремизма (в том числе и терроризма).

Результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2017 г., показали, что хотя в общественном сознании россиян присутствует понимание необходимости межнационального согласия, но вместе с тем существует и скрытая межэтническая напряжённость, которая при определенных условиях может вылиться в готовность к применению стихийных способов разрешения межэтнических конфликтов, в том числе и насильственного. Дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в России, формирование этнической напряжённости и развитие этноконфликтов оказывают факторы: кризисное состояние экономики, низкий уровень жизни населения, коррупция, миграция, борьба элит и этнических групп в национальных образованиях за ресурсы, а также деятельность иностранных государств.

Этнонациональные конфликты, в зависимости от участвующих субъектов, включают в себя следующие основные типы конфликтов: 1) между различными этносами; 2) между нациями (в том числе и в международном измерении); 3) между этносом и нацией; 4) между этносом и государством (сепаратизм). Эти конфликты происходят, главным образом, в борьбе за ресурсный потенциал путем разделения, противостояния и столкновений участников при солидаризации с одной из сторон конфликта по этническому признаку.

Серьезную угрозу этнонациональной безопасности РФ в современных условиях представляет исламистский экстремизм и наиболее опасная его форма – исламистский терроризм. Автор

статьи опирается на материалы: опроса экспертов; социологических исследований; анализ публикаций СМИ, характеризующих современные негативные проявления, продуцирующие этнонациональные конфликты в РФ.

В феврале – мае 2020 г. был проведен опрос двадцати экспертов, включавший анкетирование и интервью. Опрашиваемым экспертам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете степень вероятности негативных этнонациональных проявлений, генерирующих этноконфликты и представляющих опасность для Российского государства и общества, в ближайшие пять-семь лет?» Самую высокую оценку вероятности негативных проявлений в России в ближайшие годы получили исламистский экстремизм и терроризм. Анализ публикаций СМИ о наиболее резонансных случаях пресечения террористической деятельности исламистских структур в 2019–2020 гг. подтверждает объективность экспертных оценок о высокой степени опасности попыток дестабилизировать социально-политическую обстановку в стране. Среднюю оценку степени вероятности эксперты дали группе следующих негативных проявлений: местного населения по отношению к инокультурным мигрантам из республик Северного Кавказа; местного населения по отношению к инокультурным мигрантам из государств Средней Азии; по отношению к русским в национальных республиках России.

Всероссийское мониторинговое исследование Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенное осенью 2017 г., свидетельствует: зачастую конфликтные столкновения возникают между местным населением и иноэтничными мигрантами. Не случайно принудительное выселение представителей каких-либо национальностей из своего города / села поддерживают 28% опрошенных. Русские одобряют выселение чаще, чем люди других национальностей.

Проведённый ВЦИОМ в октябре 2019 г. всероссийский опрос показал, что на формирование негативного отношения к русским оказывает влияние довольно высокий уровень этнической ксенофобии в российском социуме. Так, на вопрос: «Есть ли в нашем обществе противоречия, неприязнь между русскими и людьми других национальностей?» – были получены ответы: скорее есть – 44%; скорее нет – 49; затруднились ответить – 7%. В группу вероятности негативных проявлений со средней оценкой «3» эксперты включили также проявления в регионах, направленные против политики федеральной власти и против политики региональных властей; проявления, обусловленные усилением притока мигрантов из Китая и по отношению к мигрантам из Украины.

Согласно опубликованным в сентябре 2019 г. результатам опроса «Левада-центра», более половины россиян (53%) выступают за ограничение китайской миграции: 28% опрошенных готовы пускать китайцев в РФ только временно, а 25% выступают за полный запрет на приезд китайских граждан в страну. Видеть выходцев из Китая среди жителей России готовы только 19% респондентов, а среди членов своей семьи или близких друзей – 10%.

Низкую оценку экспертов получили вероятности проявлений антисемитизма и русского национализма, негативных проявлений региональных элит по отношению к федеральной власти и ее представителям, а также негативных проявлений местного населения по отношению к российским гражданам в зарубежных странах.

Представленные в статье результаты исследования свидетельствуют о наличии в российском обществе этнической напряженности и негативных этнонациональных проявлений. В этих условиях возникающие этнонациональные конфликты могут представлять угрозу политической стабильности и общественной безопасности РФ. Наиболее вероятными негативными проявлениями признаны действия исламистского экстремизма. Эксперты отметили возрастание опасности радикальных исламистов, связанных с антироссийской деятельностью этнорелигиозной террористической организации «Исламское государство»* и аффилированных с ней экстремистских структур. Анализ вероятности негативных проявлений, генерирующих этнонациональные конфликты, выводов экспертов подтверждается оценками социологических опросов, доводами учёных.

И.З. Гимаев [2] рассматривает современное состояние межнациональных отношений и государственной политики РФ, проводимой в области нормализации межнациональных отношений.

Как свидетельствуют данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 2010 г. россияне фиксируют рост напряженности в межнациональных отношениях. 49% опрошенных граждан обеспокоены напряженностью и нетерпимостью в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Если показатель напряженности в сфере межнациональных отношений в последние годы возрастает, то, соответственно, показатели терпимости, толерантности, напротив, значительно снижаются.

Несмотря на пристальное внимание со стороны государства на межнациональные вопросы и проводимую государством нацио-

* Запрещена на территории РФ.

нальную политику, всегда возникали и возникают с разной интенсивностью и остротой последствий межнациональные и межконфессиональные конфликты и столкновения. В целях нормализации национальных отношений, предотвращения и профилактики межнациональных конфликтов руководством РФ принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., образован Совет по межнациональным отношениям – совещательный и консультативный орган при Президенте РФ. Создано Федеральное агентство по делам национальностей, основной задачей которого стали выработка и реализация государственной национальной политики, нормативно-правовое регулирование, обеспечение межнационального согласия.

По мысли исследователя, принятие нормативно-правовой базы, укрепление механизмов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, реализация стратегических целей и задач государственной национальной политики недостаточны для гармонизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов. В современных условиях механизмом такой гармонизации сложившейся ситуации может стать развитие социальной технологии в области межнациональных отношений. В сфере межнациональных отношений социальная технология представляет систему последовательных действий этносов и органов управления, в целях достижения конкретного результата. Это управленческо-организационный процесс, направленный на установление между этносами отношений согласия, взаимопонимания, сотрудничества и дружбы, а также развитие культуры межнациональных отношений.

Наиболее общая технология социального управления в области межнациональных отношений может быть представлена в виде управленческого цикла. Ее теоретическое обоснование и использование на практике важны для рационализации управленческого процесса и формирования социально-технологической культуры гармонизации межнациональных отношений. Социальная технология гармонизации межнациональных отношений осуществляется в несколько этапов. На первом этапе устанавливаются взаимопонимание и согласие между этносами. На втором этапе происходит сотрудничество между этносами во всех сферах общественной жизни. На третьем – целью реализации социальной технологии становится достижение дружбы между этносами, взаимного толерантного отношения к историческому наследию и современным тенденциям развития друг друга. На четвертом этапе социальная технология направляет

ется на формирование единого культурного поля, современных цивилизованных взаимоотношений между этносами.

Возрастание в современных условиях управленческой деятельности требует разработки технологии положительного социального конструирования. Социально-технологический подход к проблеме регулирования межнациональных отношений и предотвращения конфликтов предполагает структурирование «стадий управленческого цикла». К первой – целевой стадии – относятся такие процедуры, как выявление главной проблемы, формулирование целей, анализ возникшей ситуации, ее начальное описание. Вторая стадия управленческого цикла принятия решений – дескриптивная, т.е. описательная. Задача социального технолога – в массиве полученной информации вычленить существенно значимую, позволяющую наиболее полно описать возникшую конфликтную ситуацию. Третья стадия – выработка и принятие решения. Управленческое решение определяется как социальный акт, подготовленный на основе вариантного анализа, принятый и имеющий директивное общеобязательное значение. Четвертая стадия – реализационная, когда выработанное решение принимает организационную силу.

Гармонизация межнациональных отношений, подчеркивает автор, – тонкая, деликатная сфера социально-технологической деятельности. Достижения социальных технологий позволяют не только изучать и предсказывать межнациональные отношения, но и активно влиять на их развитие.

Под влиянием господствующих в той или иной среде социальных установок, уровня культуры и образования формирование национального самосознания личности может сопровождаться усилением национальных предрассудков, этноцентричных представлений, создающих почву для возникновения шовинистических и националистических взглядов. Социально-политический аудит данной проблемы приводит к выводу, что формы проявления шовинизма и национализма многообразны. Это культивирование национальной ограниченности, восхваление заслуг и достоинств своей нации и пренебрежительное отношение к другим; защита под видом национальных особенностей реакционных обычаев и традиций; идеализация прошлого и затушевывание социальных противоречий в истории своего народа; пренебрежительное отношение к национальным чувствам, игнорирование национальных особенностей других народов и т.п.

В деятельности по гармонизации межнациональных отношений принципиальное значение имеет сущность национальной политики.

Одним из этнополитических факторов, порождающих дисгармонию межнациональных отношений и конфликты, являются ошибки в политике и практике, связанные со стремлением изменить существующую этническую стратификацию. Государственные структуры выполняют роль консолидирующего механизма, разрешающего конфликты, однако нередко используются и для их обострения. В последние десятилетия существенно возросла роль международных и региональных межгосударственных и общественных структур в их разрешении. Необходимо усилить работу государства с общественными организациями, чья деятельность связана с сохранением и развитием национальных традиций, быта, языка, т.е. направлена на национальную самоидентификацию и самоопределение. Социальная технология в межнациональных отношениях предусматривает не только воспроизводство сильных внутрисистемных связей, но и создание в национально-территориальных образованиях собственных управленческих структур, институтов, придающих социальному организму характер самоуправляемой системы. Один из предлагаемых механизмов реализации национальной стратегии и обеспечения безопасности страны – создание института уполномоченных по защите прав национальных меньшинств и коренных народов в регионах.

В целях применения новых технологий в межнациональных отношениях, отмечает исследователь, нужно изучать опыт других стран и народов, деятельность их партий, общественных организаций, религиозных лидеров. По мере реформирования общества стала проявляться глубинная связь между идеей приоритета общечеловеческого и демократизацией общественной жизни, получившая воплощение в плюрализме мнений, стремлении к консенсусу, отказе от силового решения социальных и межнациональных конфликтов.

Valentina Schensnovich*
Ethnic and ethno-confessional conflicts
in modern Russia. (Condensed abstract)

Keywords: ethno-national extremism; ethno-national conflicts; interethnic harmony; Islamist extremism; terrorism; migrants; Russophobia; anti-Semitism; interethnic and interfaith relations; xenophobia; socio-political audit; social technologies; harmonization of relations.

* Valentina Schensnovich, Research Associate, INION RAS, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Абдулагатов З.М.¹

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ ГАЗЕТЫ «АС-САЛАМ»

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.02

***Аннотация.** В статье представлены основные результаты социологического опроса, проведенного автором среди читателей популярной в России и за ее пределами газеты «Ас-салам». Основная цель статьи: показать особенности информационного интереса читателей к освещению политических процессов вообще и их отношения к вопросам исламской политической деятельности в частности. Из текста следует, что у читателей газеты низкий уровень интереса к вопросам исламской политической деятельности. При этом с их стороны наблюдается интерес к политическим процессам вообще, в особенности происходящим за рубежом. Результаты опроса дают основание к выводу о том, что верующие хотят видеть в религии не политическую силу, а духовную опору.*

***Ключевые слова:** «Ас-салам»; газета; читатели; читательский интерес; политические процессы; ислам; Россия; мусульманские страны; рубрика.*

Введение

Ислам является религией, которая регулирует все стороны жизнедеятельности как отдельного мусульманина, так и мусульманской уммы в целом. В последние десятилетия актуальными не только для мусульман отдельно, но и для общества в целом стали политические аспекты исламской деятельности. Они затронули острые вопросы межконфессиональных отношений (салафиты – суфисты, сунниты – шииты); отношений государства и конфессий (государство – исламские радикалы); отношений государств (Сирия – Россия, Сирия – США, Сирия – Турция, Йемен – Королевство Саудовская Аравия). Политическая деятельность стала наиболее проблемной стороной исламской активности конца XX – начала XXI в. как в России, так и во всем мире.

¹ Абдулагатов З.М., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН (г. Махачкала), e-mail: zaid48@mail.ru

© Абдулагатов З.М., 2022

Одной из популярных исламских газет, издающихся в России, является газета «Ас-салам». Она широко освещает вопросы исламской культуры в ее различных проявлениях, знакомит читателей с историей ислама и современными проблемами. Газета издается на 12 языках, в том числе на английском, азербайджанском, таджикском, турецком. Тираж газеты в 2022 г. составил 245 500 экземпляров. Из этого числа в Дагестане распространяются 68 тыс. экземпляров. Это многократно больше, чем общий тираж всех печатных СМИ республики. Заметим, что тираж «Российской газеты», учредителем которой является Правительство РФ, менее 112 тыс. экземпляров.

По инициативе редакции газеты «Ас-салам», среди читателей газеты был проведен социологический опрос, который затронул различные аспекты её информационной, просветительской работы. В данном тексте представлен небольшой фрагмент этого исследования, который касается вопросов информационного интереса читателей к освещению политических процессов, их отношения к исламской политической деятельности.

Характеристика выборки социологического опроса

Опрос проведен во всех федеральных округах Российской Федерации.

Центральный федеральный округ – 46 человек.

Северо-Западный федеральный округ – 60 человек.

Южный федеральный округ (Крым) – 53 человека.

Северо-Кавказский федеральный округ – 287 человек.

Приволжский федеральный округ – 104 человека.

Уральский федеральный округ – 65 человек.

Сибирский федеральный округ – 28 человек.

Дальневосточный федеральный округ – 35 человек.

Всего опрошено 678 человек. Это означает, что возможная максимальная ошибка по общей выборке с вероятностью 0,95 равна 3,8%.

Кто читает газету «Ас-салам»?

Среди опрошенных читателей 96,3% назвали себя мусульманами. 1,5% читателей оказались православными. Просто верующими назвали себя 4,2%. Еще 0,2% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о своей вере. Сумма процентов превышает 100

по той причине, что небольшая часть мусульман отметили два пункта («я мусульманин» и «я просто верующий»).

По возрастным группам читательская аудитория газеты имеет следующую структуру:

От 15 до 18 лет – 4,2%; от 18 до 25 лет – 9,8; от 25 до 30 лет – 17,2; от 30 до 45 лет – 36,9; от 45 лет до пенсионного возраста – 20,3; пенсионер по возрасту – 11,6%;

Возрастные показатели читателей газеты говорят о том, что в группе молодежи (возраст от 15 до 30 лет), по сравнению со старшим поколением, газету читают меньше – 31,2% против 68,8%.

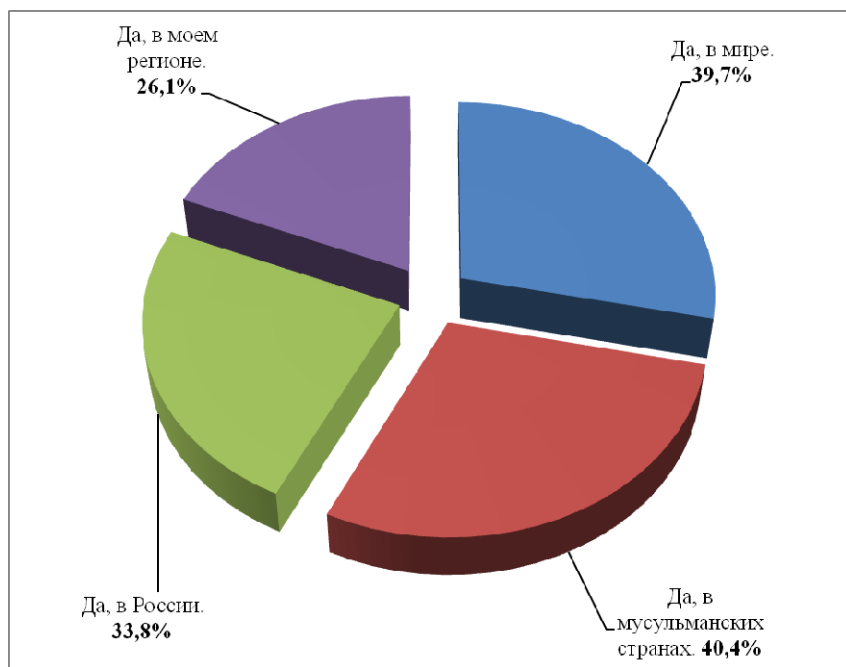
Мужчин в выборке читателей газеты оказалось 67,3%, женщин – 32,7%.

По социальному положению в основную массу выборки вошли рабочие (работники) – 42,9%, пенсионеры – 13,3, домохозяйки – 11,6, руководители частных организаций, предприятий – 9,4%. Большинство читателей газеты это рядовые люди: рабочие, работники, пенсионеры, домохозяйки. В сумме они составили 67,8% выборки опроса.

В разрезе особенностей образования в структуре выборки наиболее представлены лица с высшим образованием – 38,4%, средним специальным образованием – 25,8, средним общим образованием – 18,1%. Респондентов с религиозным образованием оказалось 13,0%.

Читатели о вопросах политики на страницах газеты «Ас-салам»

Один из вопросов, заданных читателям газеты, звучал так: «Как Вы считаете, есть ли необходимость в том, чтобы газета анализировала политические процессы, происходящие: а) в мире; б) в мусульманских странах; в) в России; г) в регионе вашего проживания?» Респондент имел возможность выбрать несколько ответов. Результаты опроса распределились следующим образом (см. диаграмму).

Диаграмма

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, есть ли необходимость в том, чтобы газета анализировала политические процессы, происходящие...?»

(Можно выбрать несколько вариантов ответа). Россия. № 678

Прежде всего надо обратить внимание на характер заданного вопроса. В нем речь не идет отдельно об исламской политической деятельности, об исламских политических процессах. Вопрос касается политических процессов вообще.

Результаты опроса показывают: а) читатели проявляют интерес к информации о политических процессах, публикуемых в газете; б) показатель этого интереса можно определить как «средний»; в) читателей газеты больше интересуют политические процессы, происходящие не в регионе проживания, не в России в целом, а в мусульманских странах. Видимо, причина последнего обстоятельства заключается в том, что о процессах такого характера мусульмане России могут узнавать через многочисленные светские печатные издания СМИ.

По отдельным социальным группам, вошедшим в выборку социологического опроса, в ответах на данный вопрос имеются различия. Результаты опроса в разрезе возрастных групп даны в таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, есть ли необходимость в том, чтобы газета анализировала политические процессы, происходящие: а) в мире; б) в мусульманских странах; в) в России; г) в Вашем регионе?». (Можно выбрать несколько вариантов ответа). Молодежь / старшее поколение. Россия (в %). № 678

Варианты ответа	Группы опроса		
	Молодежь	Старшее поколение	Общее
В мире	39,9	39,1	39,7
В мусульманских странах	48,7	30,6	40,4
В России	48,3	30,6	33,8
В регионе	33,7	23,8	26,1

Тема политических процессов на страницах газеты интересует молодое поколение больше, чем старшее. Это различие еще больше обозначено в вопросах политических процессов в России. Одновременно молодежь наибольший интерес имеет к информации о политических процессах в мусульманских странах.

Косвенным подтверждением этому может быть активное участие молодых дагестанцев на стороне запрещенного в России религиозно-политического движения – ИГИЛ¹. По свидетельству директора ФСБ А. Бортникова, в ИГИЛ «только по подтвержденным данным» на стороне Исламского государства и других отрядов воевали свыше 4 тыс. дагестанцев². Российский этнолог А. Ярлыкапов считает, что таковых в Сирии было не меньше 5 тыс.³ Это явление в той или иной степени имело место и в других исламских регионах России⁴.

¹ ИГИЛ – террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ.

² Алиев Ш. Размен позиций // Черновик. 21.10.2016.

³ Тлисова Ф. Эксперты: «репрессивная» политика Кремля толкает тысячи людей в ряды ИГИЛ // www.Golos-ameriki.ru/a/russia-isis-dagestan/3238957.html. (дата обращения: 23.10.2020).

⁴ См.: Перечень дополнен // Российская газета. 19 сентября, 2018; Перечень дополнен // Российская газета. 11 января, 2019.

Читателям газеты отдельно был задан вопрос об освещении на страницах газеты вопросов исламской политики. На вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы газета писала о вопросах исламской политики?» – на первом месте оказалась выбранная позиция: «нет, газета должна писать только об исламской религиозной жизни без политики» – 34,1%; «да, ислам и политика неразделимы», ответили 32,7%. В целом мнения читателей в ответах на данный вопрос различаются. В ответах и на данный вопрос молодежь проявила больше интереса к публикациям об исламской политике, поддерживая такого рода публикации в «Ас-салам».

Газета «Ас-салам» имеет более 30 рубрик. Интерес в ходе опроса представлял рейтинг рубрики «Политика». Читателям были предложены 26 основных рубрик газеты, в том числе и политического характера, с просьбой выбрать (не более пяти) наиболее интересные для них. Рейтинги рубрик расположились в следующем порядке.

1. Вопрос – ответ – 30,7%.
2. Семья – 30,7%.
3. Ислам в мире, в других странах – 26,5%.
4. История ислама – 26,5%.
5. Здоровье – 26,1%.
6. Ислам в России – 24,9%.
7. Духовность – 23,5%.
8. Женская – 18,6%.
9. Наставление – 17,6%.
10. Детская страница – 16,4%.
11. Назидание – 13,1%.
12. Будни муфтията – 11,8%.
13. Мусульмане в регионах – 11,4%.
14. Поучительно – 10,9%.
15. Познавательная – 10,5%.
16. Личность – 10,0%.
17. Мы в исламе – 8,1%.
18. Аналитика – 7,5%.
19. Культура разных народов – 6,6%.
20. Читательская – 5,5%.
21. Новостная – 5,5%.
22. Интервью – 4,9%.
23. Событие – 4,7%.
24. Социальная – 4,4%.
25. Политика – 4,1%.
26. Искусство – 3,8%.

Рубрика «Политика» оказалась на предпоследнем, 25-м месте. Наибольшее внимание читателей газеты привлекли рубрики (в порядке убывания): «Вопрос – ответ», «Семья», «Здоровье», «Ислам в России», «Духовность», «Женская», «Наставление». В основном это рубрики, которые связаны с пониманием, осмыслением, регулированием исламского социального бытия личности мусульманина. Ответы, данные по этому вопросу читателями, можно было бы без особой натяжки перефразировать как желание видеть в исламе не политическую силу, а духовную опору.

В ходе исследования ставился вопрос о том, насколько рубрики газеты полно охватывают многообразие читательских интересов мусульман России. В связи с этим было предложено выразить свое отношение к возможным новым рубрикам газеты. Респондентам для оценки были предложены шесть новых рубрик, среди которых были рубрики и политического характера (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы отнеслись бы к тому, чтобы в газете «Ас-салам» появились постоянные рубрики под названиями...?» (в %).

Варианты ответа	Группы опроса				
	Город	Село	Мужчины	Женщины	Общее
Исламская философия	23,6	17,4	23,5	19,7	22,1
Исламская политическая мысль	10,1	8,7	12,1	5,2	9,7
Современная наука: проблемы, достижения	17,8	17,4	17,4	20,2	17,7
Салафиты в исламе	10,3	2,5	8,7	7,5	8,4
Шиитский ислам	5,6	3,7	4,6	7,0	5,2
Противодействие экстремизму и терроризму	30,9	29,8	33,3	26,3	30,7
Затрудняюсь ответить	15,3	18,6	15,3	16,9	16,1
Какую новую рубрику Вы могли бы сами предложить?	6,2	7,5	8,0	3,8	6,5

На первом месте у горожан, сельских жителей, мужчин и женщин, так же, как и в общей выборке, оказалась рубрика «Противодействие экстремизму и терроризму» – 30,7%. Эта рубрика по содержанию является политической. Тем не менее ее одобрение на страницах газеты не говорит о том, что читатели склонны поддерживать политическую деятельность в исламе. Рубрика их интере-

сует постольку, поскольку она связана с проблемами мира и стабильности в обществе. Возможная новая рубрика «Исламская политическая мысль» оказалось одной из наименее поддерживаемых читателями – 9,7%. Она еще меньше поддержана сельскими читателями (8,7%) и читателями – женщинами (5,2%). Этот вывод подтверждается и тем, что читателей мало интересуют тема «Салафиты в исламе» (8,4%). Тема салафитов в истории ислама сильно коррелирует с темой межконфессиональных конфликтов и политических противостояний в истории ислама.

Вопрос, есть ли необходимость в том, чтобы газета анализировала политические процессы, происходящие в мире, в различных его регионах, в том числе и в России, имеет и другие аспекты. В частности, это вопрос о том, как опрошенные относятся к политической деятельности духовных лиц. Вопрос о политической деятельности духовных лиц, муфтиятов, церквей был задан автором этих строк в одном из социологических исследований (2002) в мечетях и церквях Москвы, Казани, Дагестана¹. Вопрос был сформулирован так: «Как Вы считаете, допустима ли политическая деятельность для церкви (мечети, духовного управления)?» Основная масса ответивших на вопрос мусульман и христиан – 64,6% – имели отрицательное отношение к политической деятельности религиозных организаций. 23,4% опрошенных считали такую деятельность возможной. Опрос в Махачкалинском кафедральном соборе показал, что махачкалинские православные выступали против участия церкви в политике еще больше – 83,3%. В то же время результаты данного опроса подтверждают интерес читателей к политическим процессам в мире, в различных его регионах, имеет и другое, самостоятельное значение.

Выводы

1. Многочисленные читатели газеты «Ас-салам» в целом интересуются информацией о политических процессах на страницах газеты. Этот интерес в большей степени направлен на политические события, происходящие в мусульманских странах.

2. В разрезе возрастных групп интерес к политической теме в группе молодежи значительно выше, чем у старшего поколения. С учетом высокой активности молодежи в деятельности различных

¹ Социологическая выборка состояла из 1000 респондентов. Из них по Дагестану – 460.

ных экстремистских и террористических групп, ее большей подверженности информационному влиянию, этот интерес требует объективных и ответственных оценок подаваемого информационного материала в самой многотиражной газете России. С учетом преобладающего информационного интереса к исламским странам, такого характера оценки особенно важны в анализе межкультурных взаимоотношений в исламском мире на основе принципов исламской умеренности.

3. Интерес читателей газеты «Ас-салам» к политической тематике вообще сопровождается низкими показателями интереса к исламской политической деятельности. Исходя из результатов данного исследования и исследований более раннего периода, проведенных автором, можно сделать вывод о том, что верующие хотят видеть в религии не политическую силу, а духовную опору, которая ведет и поддерживает их на жизненном пути.

Zaid Abdulagatov*

**Problems of politics in the context
of the newspaper As-Salam readers' interests**

Abstract. The article presents the main results of a sociological survey conducted by the author among the readers of the As-Salam newspaper, popular in Russia and abroad. The main purpose of the article is to show the peculiarities of readers' informational interest in covering political processes in general, their relations to issues of Islamic political activity, in particular. It follows from the text that the readers of the newspaper have a low level of interest in the issues of Islamic political activity. At the same time, there is an interest on their part in political processes in general, especially those taking place abroad. The results of the survey give grounds to the conclusion that believers want to see religion not as a political force, but as a spiritual support.

Keywords: As-Salam; newspaper; readers; readers' interest; political processes; Islam; Russia; Moslem countries; rubric.

* Zaid Abdulagatov, PhD(Philosophy), Leading Research Associate, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the DSC, RAS, e-mail: zaid48@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сченснович В.Н.¹
РОЛЬ РЕЛИГИИ В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.03

***Аннотация.** В поликонфессиональной и полиэтнической Республике Башкортостан проживают 160 национальностей и этнических групп. Здесь представлено около 20 различных религий и религиозных групп. Наиболее многочисленными являются ислам и православие, их объединения составляют более 90% от всех религиозных организаций. В статье на основе социологических опросов рассматриваются межконфессиональные отношения в республике, положительные и негативные тенденции их развития.*

***Ключевые слова:** Республика Башкортостан; верующие; мусульмане; православные; конфессиональная идентичность; межконфессиональные отношения; государственно-конфессиональные отношения; миссионерство; религиозные организации; ЦДУМ РФ; ДУМ РБ; РПЦ.*

Введение

Республика Башкортостан – полиэтнический и поликонфессиональный субъект РФ. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., в Башкирии проживают 160 национальностей и этнических групп. Наиболее многочисленными являются: русские (36,0%), башкиры (28,8%), татары (24,8%), чуваша (2,7%), марийцы (2,6%), украинцы (1%), а также мордва, удмурты, белорусы, немцы, латыши, евреи. В республике представлено около

¹ Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

20 различных религий, деноминаций и религиозных групп. Самыми крупными являются ислам и православие. Их объединения составляют более 90% от общего количества религиозных организаций: около 70% – мусульманские, 20% – православные. Протестантские формирования (баптисты, адвентисты, пятидесятники, мормоны и др.) и прочие верования (старообрядцы, буддизм, языческие верования) – около 10%. В статьях исследователей отражены межконфессиональные отношения в республике.

Верующие Республики Башкортостан

Доктор политических наук Р.М. Мухаметзянова-Дуггал, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева (Башкирия, г. Уфа) [1], анализирует этнический состав, отношение членов православных и мусульманских религиозных организаций Башкортостана к традиционным конфессиям и новым религиозным движениям (НРД). В статье отражены результаты опроса верующих республики по этническому составу, идентичности; дан сравнительный анализ характеристик активных членов православных и мусульманских общин Башкортостана, связанных с межконфессиональными отношениями.

Опросы верующих, осуществленные ИЭИ УФИЦ РАН в 2017 и в 2019 гг., содержали вопросы, касающиеся этнодемографического состава респондентов [пол, возраст, образование, семейное положение, национальность, сфера занятости, объем и структура доходов семьи, национальная идентичность (национальность респондента, его супруга / и, матери, отца и т.д.)], религиозного поведения и религиозного сознания (в том числе религиозного образования), религиозной толерантности, влияния религиозных организаций на различные стороны общественной жизни. Опросы проводились на территории г. Уфы (128 человек) и в малых городах и населенных пунктах республики – Буздяке, Давлеканово, Нефтекамске (49 человек).

Критериями отбора для выборки, репрезентирующей «ядро верующих» православных и мусульман Республики Башкортостан, стали пять показателей религиозного поведения – посещение церкви / мечети, исповедь и причастие, чтение Евангелия / Корана, молитва, пост.

Ислам и православие являются ведущими конфессиями, их объединения составляют 90% общего числа религиозных организаций: около 70% – мусульманские, 19% – православные. Протестант-

ские формирования (баптисты, адвентисты, пятидесятники, мормоны и др.) и прочие верования (старообрядчество, буддизм, языческие верования) – около 10%. В результате обработки анкетных данных получен следующий этнический состав респондентов: мусульмане – татары 52,8%, башкиры – 37,5, русские – 0,9; православные – русские 80,8, татары – 8,2, башкиры – 1,4%.

Таким образом, среди мусульман самые многочисленные группы – татары и башкиры, среди православных – русские и представители других национальностей. Половозрастной состав респондентов: верующие-мусульмане, преимущественно мужчины – 87,5%, женщины-мусульманки – 12,5; у православных верующих, наоборот, преобладают женщины – 69,8 респондентов, мужчины составляют 30,1%.

Конфессиональная идентичность у мусульман занимает первое место – 80,8%. Такое же место занимает конфессиональная идентичность у православных – 78% считают себя христианами. Вторая после конфессиональной идентичности – семейная – 13,7% у православных, 45,2% – у мусульман. На третьем месте у православных – гражданская идентичность – 32,9%, у мусульман – этническая – 28,8%. Четвертое место у православных респондентов отведено профессиональной идентичности – 24,6%, у мусульман – гражданской (31,7%). Пятое место у православных занимает этническая идентификация (34,2%), у мусульман – профессиональная (38,5%).

Ответы верующих Башкортостана показали, что объединяющими началами для мусульман являются: религия – 42,3%, традиции и обычаи – 41,3, общая земля – 31,7, язык – 23, менталитет – 21,2, история – 14,4, политические взгляды – 5,8, добро – 1,9, родственные связи и защита государства – по 0,9%. Для православных объединяющими началами являются: традиции и обычаи – 38,4%, общая земля – 35,6, религия – 34,2, история – 27,4, язык – 15,1, менталитет – 10,9, политические взгляды – 1,4, добро – 1,4%. Автор указывает, что у 89,1% мусульман и у 84,6% православных отношение к традиционным религиям не является негативным, отрицательное отношение демонстрируют 8,9% мусульман и 15% православных.

Наиболее острыми, по мнению респондентов, в Башкортостане являются социально-экономические проблемы: на первом месте и у мусульман (56,7%), и у православных (69,8%) – падение нравственности, на втором – коррупция (55,8% у мусульман и 41% у православных), на третьем – экономические трудности (43,3% у

мусульман, 32,9% у православных). На четвертом месте у мусульман – религиозный экстремизм, у православных – межнациональные отношения. Проблема межконфессиональных отношений у мусульман стоит на восьмом месте (0,9%), у православных – на шестом (9,6%).

Мусульмане негативно оценивают разнообразие течений в исламе – половина опрошенных (49%), почти столько же тех, кто затруднился с ответом или относится нейтрально (44,3%), незначительное число респондентов относятся положительно (5,8%). Отношение православных к другим направлениям христианства (протестантизму и католицизму) в значительной степени нейтральное – 54,1%, положительное – 21,2, отрицательное – 16,4, затруднились ответить – 5,4%.

Результаты исследований демонстрируют отрицательное отношение к новым религиозным движениям – неоязыческим, восточным и мистическим религиозным группам (НРД) более чем у половины респондентов: 65,3% у мусульман и 67,1% у православных. Нейтрально к НРД относятся 18,3% мусульман и 16,4% православных. Положительно относящихся к НРД у мусульман в 2 раза больше (2,9%), чем у православных (1,4%). Полученные ИЭИ УФИЦ РАН данные свидетельствуют о значимости традиционных религий; религиозные потребности и чувства находят выражение в институционализированных российских религиях. Они коррелируют с результатами социологических исследований состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, ежегодно проводимых Центром гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан (ЦГИ МК РБ). Согласно данным Центра, отношения между представителями различных религий в республике оценили как положительные большинство опрошенных – 91,1% в 2017 г. и 90,2% в 2018 г.

В статье кандидата исторических наук А.Н. Кляшева и младшего научного сотрудника ИЭИ УФИЦ РАН Р.Р. Мухамадеевой [2] выявлены основные тенденции выбора религиозной идентичности у регулярных членов религиозных общин Республики Башкортостан, проживающих в различных типах населенных пунктов.

Результаты исследований демонстрируют, что самая крупная группа среди респондентов-мусульман – верующие, которые пришли в ислам самостоятельно, их 34,2% и 48% в 2017 и 2019 гг. соответственно; тех, на принятие ислама которыми повлияли родители, – 22,8% и 24% и друзья – 21,5% и 8%, родственники способствовали приходу к вере – по мнению 16,5% и 16% опрошенных. Роль супругов

и лично не знакомых мусульман незначительна – респондентов, которые стали мусульманами при их содействии, – 2,5% и 4% соответственно в 2017 и 2019 гг. Таким образом, значительную роль в процессе принятия ислама играют родственники (включая родителей и супругов – 41,8%); на втором месте – личные экзистенциальные поиски человека (34,2%), на третьем – друзья (21,5%). 69,6% опрошенных мусульман в 2017 г. и 70% в 2019 г. считают, что они изначально были мусульманами, – 22,8% (2017) и 20,0% (2019), на бывших атеистов приходится 5,1% (2017) и 4,0% (2019). Большой вклад родственников (включая родителей и супругов – 41,8) в принятии ислама и весомое количество респондентов, идентифицировавших себя как верующих, всегда исповадовавших ислам (69,6%), свидетельствуют, по убеждению исследователей, о значительной роли в религиозном выборе постоянных членов мусульманских религиозных общин на территории Башкортостана первичных агентов социализации – родителей, под непосредственным влиянием которых происходит принятие социальных норм и установок религии. Религиозная мобильность как смена в течение жизни индивидом одного вероисповедания другим под воздействием различных факторов (внутри- и внесемейных) в меньшей степени свойственна представителям «религиозного ядра». Ислам является этноконфессиональным маркером, речь, на взгляд авторов, идет о более глубоком вовлечении в реализацию вероисповедных практик. Этот вывод подтверждают данные об этническом составе мусульман РБ: татары – 57,0%, башкиры – 30,4, русские – 1,3 (один респондент), другая национальность – 8,9, нет вариантов – 2,5%. 87,4% приходится на тюркоязычных респондентов – татар и башкир, рассматриваемых этнологической наукой как носители ислама. 34,2% респондентов, пришедших к исламу самостоятельно, обратились в своих экзистенциальных поисках к традиционной для своего этноса (татарского или башкирского) конфессии.

Результаты исследований регулярных членов православных религиозных организаций на территории РБ выявили, что наибольшую роль в процессе принятия ими православия играют родственники (включая родителей и супругов – их в совокупности 42,8% в 2017 г. и 62,5% в 2019 г.); на втором месте – личные экзистенциальные поиски человека (34,2% в 2017 г. и 29,2% в 2019 г.), на третьем – друзья (примерно по 12% в 2017, 2019 гг.). Всегда были православными христианами 53,1% респондентов в 2017 г. и 78,3% в 2019 г., считают, что они всегда были православными, –

28,6% верующих, на бывших мусульман и атеистов приходится по 6,1%, на бывших протестантов – 4,1%.

С точки зрения исследователей, православие, как и ислам, также является (хотя и в несколько меньшей степени) этноконфессиональным маркером для русских, которых в выборке 81,6% (татар – 12,2%, мордвы – 4,1, башкир – 2,0%) – количество респондентов, идентифицировавших себя как верующих, всегда исповедовавших православие, составляет 53,1% (у мусульман – 69,6%). В данном случае, по мнению авторов, речь идет преимущественно о глубоком вовлечении в реализацию вероисповедных практик. В то же время несколько больший процент православных респондентов, исповедовавших ранее ислам, протестантизм и бывших атеистами, свидетельствует о том, что принятие православного направления христианства в значительной степени является результатом трансформаций религиозной идентичности.

Согласно выводам Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН) 2004–2012 гг., структура религиозного населения России состоит из следующих подгрупп: «ядро верующих», в наиболее полной мере реализовывающих религиозные практики в своей жизни (в том числе посещающих храм / мечеть раз в месяц и чаще), численность «ядра верующих» составляет 10–15% населения, из которых православных менее 10%, остальные – мусульмане и представители других конфессий. Вокруг «ядра» существует 30–35% верующих, идентифицированных как «периферия», из них 30% православных, они осуществляют свои права на свободу вероисповедания в несколько меньшей степени, однако считают, что религия играет важную роль в их жизни. Остальная группа респондентов могут быть определены как «культурные православные и мусульмане» – для них религиозная идентичность – этнокультурный маркер, а религиозные ценностные установки не являются определяющими в жизни. Материалы ИЭИ УФИЦ РАН касаются респондентов, составляющих «ядро верующих», в наиболее полной мере реализовывающих религиозные практики в своей жизни. 93,7% респондентов в выборке – мусульмане и 69,4% – православные посещают мечети и храмы еженедельно и чаще; 5,1% мусульман и 22,4% православных – раз в месяц и чаще.

Приведенные в статье данные позволяют сделать предварительные выводы относительно основных тенденций выбора религиозной идентичности у носителей ислама, православия и протестантизма на территории Республики Башкортостан: для мусульман приход в ислам в большинстве случаев означает более

глубокое вовлечение в реализацию вероисповедных практик (переход из категории «культурных» либо «периферийных» мусульман в «ядро»), а также обращение в своих экзистенциальных поисках к традиционной для своего этноса (татарского или башкирского) конфессии; для православных также имеет место преимущественно переход из категории «культурных» либо «периферийных» православных в «ядро», однако значительный процент православных респондентов, бывших ранее мусульманами, протестантами и атеистами, свидетельствует о том, что принятие православия в большей степени, чем принятие ислама, является в том числе результатом трансформаций религиозной идентичности. Религиозный выбор как у мусульман, так и у православных в первую очередь определяется первичными агентами социализации – непосредственно матерью и отцом, а также ближайшими родственниками. Первичный выбор вероисповедания бывает осознанным и не осознанным индивидом. Вторичный религиозный выбор может произойти под воздействием различных внутри- и внесемейных факторов, но может так и не наступить в течение всей жизни индивида; религиозная идентичность индивида в XX в. представляла собой выбор (или отсутствие осознанного выбора) вероисповедания один раз и на всю жизнь; религиозная идентичность индивида в XXI в. как следствие глобализации, мобильности социальных групп подчас представляет собой совокупность религиозных выборов, что требует дальнейших религиоведческих исследований.

Р.М. Мухаметзянова-Дуггал и Р.Р. Мухамадеева [3] на основе социологических данных анализируют ценностные и нравственные представления о роли религии в жизни верующих Республики Башкортостан, рассматривают государственно-конфессиональные отношения, сферы сотрудничества религиозных организаций с государством, а также проблему миссионерства. Авторы опираются на материалы исследования, организованного и проведенного отделом религиоведения ИЭИ УФИЦ РАН в 2020–2021 гг. В статье показаны результаты анкетирования верующих Республики Башкортостан (активных членов религиозных организаций); обобщены представления о роли религии, дана оценка государственно-конфессиональных отношений; проведен сравнительный анализ мнений по данным вопросам представителей православных и мусульманских общин Республики Башкортостан.

Ислам в республике исповедуют две крупнейшие этнические группы – башкиры и татары, православия придерживаются в ос-

новом русские. Критериями отбора в выборку, репрезентирующую «ядро верующих» православных и мусульман Башкортостана, стали пять показателей религиозного поведения: посещение храма / церкви; исповедь и причастие; чтение Евангелия / Корана; молитва; пост.

Исследователи отмечают, что принцип светскости, общие подходы к осмыслению оптимальной модели государственной конфессиональной политики продолжают быть в центре современных научных и общественных дискуссий. Как показали данные опросов активных членов религиозных объединений, подавляющее большинство верующих (мусульмане – 82,3%, православные – 71,0%) признают, что сотрудничество религиозных организаций с государством в различных сферах было бы желательным. Более половины опрошенных (59,8% мусульман и 50,6% православных) считают, что религиозные организации должны влиять на принятие государственных решений. Вместе с тем среди («ядра») верующих есть и сторонники принципа светскости, считающие, что религиозные организации должны работать только в сфере удовлетворения религиозных потребностей (верующих) людей (40,7% мусульман, 40,0% православных) или вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь (13,7% мусульман, 14,8% православных).

Выделенные в статье аспекты в масштабах населения России, поделенного на четыре группы (последователи православия, ислама, внеконфессионально-религиозные лица и атеисты), исследовались в рамках общероссийского опроса Институтом социологии РАН в 2014–2015 гг. Согласно результатам данного опроса, 30% россиян (28% православных, 24% мусульман, 46% внеконфессиональных верующих, 42% атеистов) являются сторонниками принципа светскости. Среди сфер, в которых деятельность религиозных организаций могла бы быть наиболее позитивной, верующие Башкортостана на первое место поставили духовно-нравственное воспитание людей, а также милосердие и благотворительность; на третьем месте: у мусульман – разрешение межнациональных разногласий, у православных – сохранение культурного наследия; на четвертом: у мусульман – сохранение культурного наследия и образование, у православных – образование. Шкала приоритетов в определении сфер позитивной деятельности религиозных организаций у мусульман и православных практически совпадает.

Что касается оценки верующими республики государственной конфессиональной политики на федеральном уровне, ответы демонстрируют, что более чем половина опрошенных мусульман (65,5%),

так же как и православных (52,2%), считают её позитивной, нейтральной или терпимой. В ходе исследования изучена проблема миссионерства и прозелитизма в качестве деятельности по распространению и обращению в ту или иную религию лиц, исповедующих другую религию, в том числе в регионах, для народов которых данная религия не является традиционной. Согласно мнению 56% верующих – регулярных членов религиозных организаций, препятствий для распространения религиозного мировоззрения быть не должно, а мировоззренческий выбор – личное дело каждого, при этом и мусульмане, и православные солидарны в ответе на данный вопрос. В то же время 14% респондентов придерживаются точки зрения, согласно которой распространение нетрадиционных религий связано с усилением конфликтности. Обеспокоенность этой проблемой демонстрируют и мусульмане – 15,3%, и православные – 11,8%.

Цивилизационные приоритеты при выборе стратегии развития страны отражают следующие суждения: «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни» и «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны». Понимание России как особой цивилизации характерно для 82,6% православных и 62% мусульман, лишь 5,6% православных и 10,9% мусульман поддерживают идею о том, что РФ должна следовать правилам западных стран. В исследовании Института социологии РАН подчеркивается, что с 2005–2015 гг. две трети россиян демонстрируют понимание России как особой цивилизации. Данные результаты свидетельствуют о важной роли общечеловеческих ценностей, общей истории и исторической памяти, общих традиций и ценностных ориентиров. К последним относятся любовь к родному краю, к земле, семье, мирные и добрые отношения с соседями. В полиэтничном и поликонфессиональном Башкортостане подобные представления снижают риски конфликтов на религиозной почве и социальной напряженности.

Отмеченные тенденции подтверждаются результатами исследований, проведенных в Башкортостане Отделом религиоведения ИЭИ УФИЦ РАН по вопросам межконфессиональных отношений. Согласно им, у подавляющего числа респондентов-мусульман (89,1%) и 84,6% респондентов-православных отношение к традиционным религиям не является негативным. Наличие конфликтного потенциала демонстрируют 8,9% мусульман и 15% православных. Отвечая на вопрос: «Какие наиболее острые, по Вашему мнению, проблемы в Республике Башкортостан?» – респонденты

главным образом отметили социально-экономические проблемы: падение нравственности, коррупцию и экономические трудности.

Таким образом, результаты опросов отражают следующие тенденции: религиозные объединения Башкортостана все более стремятся влиять на различные сферы общественной жизни граждан; активными верующими определяются социально значимые сферы деятельности религиозных институтов – это духовно-нравственное воспитание людей, милосердие и благотворительность, сфера культуры и сохранение культурного наследия, а также образование. При этом значительная часть верующих поддерживает принцип светскости и в целом положительно оценивает политику государства в отношении религиозных объединений. Понимание России как особой цивилизации отражает осознание верующими единства поликультурного пространства республики, основанного на общечеловеческих ценностях, общей истории и исторической памяти, общих традициях и ценностных ориентирах, и лежит в русле обновленной Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной в июле 2021 г., где в числе приоритетов помимо необходимости совершенствования обороноспособности и развития экономики страны особый акцент сделан на важности сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Религиозные организации Башкортостана

В статье Р.Р. Мухамадеевой [4] рассматривается динамика регистрации религиозных организаций Республики Башкортостан (по данным Минюста России), а также соотношение религиозных организаций по типу конфессии, принадлежности к управлению мусульман, епархии РПЦ, типу населенного пункта, районам и городам РБ, районам Уфы в общем составе всех религиозных организаций, зарегистрированных на территории республики.

Результаты исследований, приведенные в статье, демонстрируют, что пятая часть зарегистрированных на сегодняшний день в Республике Башкортостан религиозных организаций официально оформила собственную деятельность в 2003 г.; мусульманские религиозные организации составили 72,3% всех зарегистрированных религиозных организаций; преобладание мусульманских религиозных организаций среди ежегодно регистрируемых на территории республики религиозных организаций сохраняется. Подавляющее количество православных религиозных организаций

принадлежит РПЦ МП, среди протестантских религиозных организаций пятидесятнических более половины – около 61% (60,5%).

В ходе работы использованы данные сайта Министерства юстиции РФ, в частности информационного портала о деятельности некоммерческих организаций. Полученные сведения легли в основу созданной с участием автора статьи базы данных религиозных организаций Республики Башкортостан, зарегистрированных с 7 мая 1999 по 23 сентября 2019 г., отражающей сведения по следующим критериям. 1. Конфессиональная принадлежность религиозной организации: ислам, православие, протестантизм, католицизм. 2. Духовное управление мусульман: Центральное духовное управление России (ЦДУМ), Духовное управление мусульман Республики Башкортостан (ДУМ РБ). 3. Епархии Русской православной церкви: Уфимская, Салаватская, Нефтекамская, Бирская. 4. Тип протестантской религиозной организации: консервативная, поздняя, пятидесятники. 5. Тип населенного пункта: город, село, деревня, поселок городского типа, закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО). 6. Города Республики Башкортостан.

По состоянию на 23.09.2019 г. в РБ зарегистрировано 1683 религиозные организации. Автор констатирует, что пятая часть зарегистрированных на сегодняшний день в республике религиозных организаций официально оформила собственную деятельность в 2003 г. Одной из причин данного явления стало вступление с 1 июля 2002 г. в силу Закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», который изменил порядок регистрации компаний. Практически 60% (58,7%) зарегистрированных в 2003 г. религиозных организаций составили мусульманские религиозные организации, 31,4% – православные, около 10% – протестантские. В последующие годы преобладание мусульманских религиозных организаций среди ежегодно регистрируемых на территории Башкортостана религиозных организаций сохраняется. Статистические данные Минюста коррелируют с данными социологических исследований, в ходе которых выявлено, что большая часть населения республики разделяет ислам.

В целом в структуре всех зарегистрированных на территории Республики Башкортостан религиозных объединений лидирующую позицию занимают мусульманские религиозные организации, затем православные, протестантские и католические религиозные организации. Мусульманские религиозные организа-

ции составили 72,3% всех зарегистрированных религиозных организаций. 41,7% относятся к ЦДУМ РФ, 56,3% – к ДУМ РБ.

Автор рассматривает динамику регистрации религиозных организаций в Министерстве юстиции РФ по Республике Башкортостан с 1999 по 2019 г. Согласно данным социологического мониторинга, около 42% всех зарегистрированных в городах РБ религиозных организаций находятся в Уфе, 8% – в Стерлитамаке, по 6% в городах Нефтекамск и Октябрьский, другие города составили менее 5%. Из всех зарегистрированных в районах РБ религиозных организаций больше всего расположены на территориях Баймакского (4,6%), Абзелиловского (3,9%), Туймазинского (3,5%), Кармаскалинского (3,1%), Уфимского (3,0%) районов; меньше всего зарегистрированных – в Кигинском и Мишкинских районах (по 0,6%).

Сведения о динамике и структуре религиозных организаций являются основой для понимания религиозных организаций как социальном явлении, они необходимы для взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций, выстраивания концепции развития религиозных организаций на территории Республики Башкортостан, а также понимания проблем и причин реализуемой религиозными организациями деятельности.

Государственно-конфессиональная политика РБ

В статье советника по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан, старшего преподавателя Башкирского ГУ Р.Д. Карамышева [5] рассматривается механизм реализации государственно-конфессиональной политики республики. По состоянию на 01.01.2020 г. в ней действуют 14 религиозных центров, 2050 религиозных объединений различных конфессий, в том числе 1686 религиозных организаций и 364 религиозные группы. На территории Башкортостана находятся 1433 мусульманских религиозных объединения, которые поделены между двумя духовными центрами: ЦДУМ России во главе с Верховным муфтием Талгатом Таджуддином (объединяет 644 общины) и ДУМ РБ (муфтий Айнур Биргалин, включает 789 общин). На территории республики расположено 1057 типовых мечетей и 181 приспособленное под мечети здание, 228 типовых православных храмов и 92 приспособленных под храмы помещения, 45 культовых зданий и приспособленных помещений иных конфессий. Всего, без учета мелких единичных групп, в Башкортостане действует 20 различных вероисповедальных направлений.

Государственно-конфессиональные отношения (ГКО) в современной России предполагают наличие взаимоотношений государственных (федеральные и органы власти субъектов РФ) и муниципальных институтов (органы местного самоуправления), министерств и ведомств с верующими и их религиозными объединениями. Как отмечает автор, государственно-конфессиональные отношения до сих пор не имеют единой концепции, несмотря на многочисленные попытки её выработать. С правовой точки зрения модель ГКО в России можно определить как сепарационную, т.е. религия отделена от государства. Но являясь важным регулятором общественных отношений, религия не может быть отделена от общества, и с точки зрения современных политических реалий модель ГКО в России всё более приближается к модели кооперационной (сотрудничество). Государство сегодня рассматривает лояльные ему религиозные объединения как своих союзников и коллег в реализации важных направлений социальной и внутренней политики, в том числе: в организации и поддержке позитивных социальных действий, работе с малоимущими и нуждающимися, молодёжью, военнослужащими и лишёнными свободы, в профилактике и борьбе с негативными социальными явлениями (алкоголизм, наркомания, преступность), а также экстремизмом, терроризмом и радикализмом в религиозной среде.

Основными целями современной государственно-конфессиональной политики в республике являются: соблюдение федерального и республиканского законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях; организация необходимого взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными объединениями; развитие государственно-конфессионального сотрудничества; сохранение межконфессионального мира и согласия; гармонизация межконфессиональных отношений.

На современном этапе наибольшую роль в конфессиональной сфере Башкортостана продолжает играть государство посредством реализуемых им направлений внутренней политики. Вопросами реализации государственно-конфессиональной политики занимается Совет по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан. В числе главных задач Совета: укрепление межконфессионального согласия; формирование равного отношения государственных органов и должностных лиц к религиозным организациям разного вероисповедания; организация методической и консультативной помощи по вопросам

ГКО органам государственной власти, местного самоуправления и религиозным объединениям. Одним из основных направлений деятельности Совета является повышение эффективности государственной политики в сфере ГКО и расширение взаимодействия с религиозными объединениями. Задачами Совета также являются: проведение системной работы с духовенством, оказание помощи в вопросах развития религиозного образования; участие в проведении курсов повышения квалификации для государственных и муниципальных служащих по вопросам совершенствования ГКО; поддержка религиозных и светских СМИ, освещающих историю, культуру и деятельность религиозных объединений; поддержка профильных научных исследований; противодействие проявлениям экстремизма, терроризма и распространению радикальных идеологий в религиозной среде на территории республики. Совет проводит постоянный анализ и мониторинг религиозной ситуации в Башкортостане, участвует в организации межведомственного взаимодействия. В рамках реализации государственно-конфессиональной политики Совет опирается на комиссии по вопросам государственно-конфессиональных отношений и взаимодействию с религиозными объединениями, действующие в муниципальных районах и городских округах (всего 70 комиссий). В состав комиссий наряду с представителями конфессий входят работники органов государственной власти, силовых ведомств, СМИ, научных кругов, образования и культуры, предприятий и организаций. Основными направлениями работы комиссий являются организация сотрудничества религиозных объединений и верующих с органами власти, противодействие распространению ксенофобии и экстремизма на религиозной почве, предотвращение (мирное разрешение) конфликтных ситуаций в сфере внутриконфессиональных и межрелигиозных отношений.

Советом реализуется трехуровневая система религиозного мониторинга и оперативного реагирования на конфессиональные конфликты по следующей схеме: Комиссия – Глава муниципального образования – Совет по ГКО – руководство Республики Башкортостан. Кроме того, Советом уделяется особое внимание сбору информации о религиозной ситуации через экспертов, лидеров общественного мнения, научное сообщество и иных источников, в том числе результатов системы мониторинга ФАДН в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. Межконфессиональные отношения продолжают оставаться в зоне особого внимания государства, так как эти отноше-

ния могут оказывать существенное влияние на состояние общества, а в периоды их обострения могут являться фактором как стабилизации, так и дестабилизации социально-политической ситуации.

В Республике Башкортостан межконфессиональное взаимодействие в сфере сотрудничества с органами государственной власти и местного управления развивается в русле подписанного в 2015 г. Соглашения о социальном партнёрстве между Республикой Башкортостан и основными конфессиями, которые сегодня наполняются реальным содержанием. Духовным лидерам (основных) конфессий предоставлена возможность регулярных выступлений на телевидении, в республиканских электронных и печатных СМИ. Ведется выпуск духовно-просветительских телепроектов «Дорога к храму», «Йома», «Аль-Фатиха» на телеканале БСТ.

В республике выработан и поддерживается язык межконфессионального диалога и сотрудничества. Проводятся ежегодные международные, всероссийские и республиканские конференции, организуемые при активном участии основных конфессий: «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века» (ЦДУМ России), «Табынские чтения» (Башкортостанская митрополия РПЦ) и др. Молодёжные конфессиональные организации совместно выступают в значимых социальных проектах. В период действия ограничительных противоэпидемиологических мероприятий (по COVID-2019) «Православные добровольцы» Башкортостанской митрополии РПЦ, волонтеры ДУМ РБ и ЦДУМ России приняли участие в республиканских акциях «Мы вместе» и «Наша забота», а также организовали адресную помощь нуждающимся. В 2019 г. в ДУМ РБ началась реализация проекта «Развитие добровольческих движений молодежных отделов ДУМ РБ и Уфимской епархии РПЦ», в рамках которого проходят обучающие семинары и встречи молодежных активистов. В 2020 г. прошли мероприятия, посвященные «Дню поминовения и почитания» в республике. Силами волонтерских движений ДУМ РБ и Башкортостанской митрополии РПЦ были организованы субботники на общих и вероисповедальных кладбищах, особое внимание уделялось захоронениям участников ВОВ. По инициативе Совета в республике прошли три межконфессиональных молодежных форума с участием делегаций (до 100 человек) верующей молодежи (православные, мусульмане, иудеи). На форумах обсуждались актуальные вопросы волонтерского, спортивного, военно-патриотического движения, профилактики радикализма и экстре-

мизма, проводились соревнования, дискуссии, взаимное посещение храмов и мечетей.

В последние годы в республике осуществляется работа выездных межведомственных лекториев по профилактике экстремизма и радикализма в религиозной среде на базе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Работой лекторских групп в течение 2015–2019 гг. ежегодно охватывались 15–20 муниципальных районов и городов. В составе лекторских групп участвовали священники РПЦ, преподаватели Российского исламского университета и имамы ДУМ РБ и ЦДУМ России. По мнению автора статьи, наиболее эффективными с точки зрения поддержания в республике межконфессионального мира и согласия являются формы непосредственного взаимодействия священнослужителей и верующих в различных форумах, акциях, мероприятиях и повседневной жизни, которые необходимо позитивно освещать в СМИ и интернет-пространстве. В результате проводимого ежегодно Советом анализа и постоянного мониторинга религиозной ситуации в республике можно констатировать, что напряженности в области государственно-конфессиональных и межрелигиозных отношений среди жителей, священнослужителей основных конфессий в республике не имеется. Данный вывод подтверждается результатами научных исследований за последние годы. Учеными фиксируется высокий уровень веротерпимости и доверия среди верующих конфессий республики (в 2013 г. – 80% православных и 79,9% мусульман). Многие верующие понимают необходимость проживания в общей стране, высок процент межнациональных браков (20%). Абсолютное большинство опрошенных жителей республики (91,1%) в ходе социологических исследований ГАУ «Центр гуманитарных исследований» Министерства культуры РБ в 2017 г. оценивают отношения между представителями различных религий как положительные (25,5% – доброжелательные, 65,5% – нормальные, бесконфликтные). В 2018 г. положительно оценили межконфессиональные отношения 90,2% респондентов, а в 2019 г. – вновь 91,1%. В 2020 г. результаты исследований ИЭИ УФИЦ РАН также демонстрируют, что у подавляющего числа респондентов (мусульман – 89,1%, православных – 84,6%) отношение к традиционным религиям не является негативным.

Автор подчеркивает, что в межконфессиональном и государственно-конфессиональном взаимодействии отношения строятся во многом исходя из средне- и долгосрочной перспективы развития. Сам характер духовной власти существует в более длин-

ных дистанциях социального времени, а власть иерархов, как правило, пожизненна. Большое значение в этих условиях играет субъективный фактор взаимоотношений духовных лидеров между собой и с чиновниками, отвечающими за ГКО в регионе. Именно поэтому значим уровень квалификации служащих, их знаний и умений, необходимы специальная подготовка и постоянное совершенствование компетенций.

Реализация государственно-конфессиональной политики, включает исследователь, требует постоянного внимания, серьезной социологической и аналитической работы, координации деятельности органов государственной власти и различных ведомств, организации необходимого взаимодействия с религиозными объединениями и продолжает оставаться достаточно динамичным, весомым инструментом реализации внутренней политики на региональном и федеральном уровне.

Заключение

Республика Башкортостан находится в русле общероссийских тенденций, таких как возрождение духовности и уважения к исторической памяти; признание обществом важной роли религии в жизни многих людей; стабилизация темпов роста числа верующих и религиозных общин; повышение уровня и значимости общегражданской идентичности; тесное сотрудничество государства и религиозных объединений. Результаты исследований свидетельствуют, что у подавляющего числа респондентов (89,1% мусульман и 84,6% православных) отношение к традиционным религиям не является негативным. Вместе с тем наличие конфликтного потенциала демонстрируют 8,9% мусульман и 15% православных, и это вызывает определенную обеспокоенность. Значительное число опрошенных (65,3% мусульман и 67,1% православных) отрицательно относятся к новым религиозным движениям.

Важную роль играет работа по профилактике и предотвращению негативных тенденций, а также по дальнейшему совершенствованию государственно-конфессиональных отношений. Необходимо, считают авторы, повышать квалификацию в области государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений как верующим, духовенству, так и госслужащим, представителям власти, в первую очередь муниципальной, так как именно они на местах в настоящее время несут ответственность за межнациональный и межконфессиональный мир и согласие.

Список литературы

1. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Верующие Республики Башкортостан: этнический состав, идентичность, оценка межконфессиональных отношений // Власть. 2020. Т. 28. № 5. С. 159–163.
2. Кляшев А.Н., Мухамадеева Р.Р. Религиозный выбор мусульман и православных Республики Башкортостан // Известия Уфимского научного центра РАН. История, археология, этнология. 2020. № 4. С. 72–78.
3. Мухаметзянова-Дуггал Р.М., Мухамадеева Р.Р. Представления о роли религии в общественной жизни верующих Республики Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 3(52). С. 27–32.
4. Мухамадеева Р.Р. Религиозные организации Республики Башкортостан: динамика численности // Известия Уфимского научного центра РАН. История, археология, этнология. 2020. № 4. С. 100–105.
5. Карамышев Р.Д. Реализация государственно-конфессиональной политики в субъекте Российской Федерации (на примере Республики Башкортостан) // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 226–232.

Valentina N. Schensnovich*

The role of religion in interfaith relations of the Republic of Bashkortostan. (Analytical review)

Abstract. 160 nationalities and ethnic groups live in the multi-confessional and multi-ethnic Republic of Bashkortostan. There are about 20 different religions and religious groups represented there. Islam and Orthodoxy are the most numerous, their associations make up more than 90% of all religious organizations. The articles on the basis of sociological surveys consider interfaith relations in the republic, positive and negative trends in their development.

Keywords: Republic of Bashkortostan; believers; Moslems; Orthodox; confessional identity; interfaith relations; state-confessional relations; missionary work; religious organizations; Central Spiritual Governance for Moslems of the Russian Federation; CSGM of the Republic of Bashkortostan; ROC.

* Valentina Schensnovich, Research Associate, INION RAS, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Дмитриева Е.Л.¹
ИСЛАМ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА.
(Сводный реферат)

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.04

1. Магомедов А.К. Социокультурные факторы возникновения и развития мусульманских сообществ в арктических регионах России // *Социокультурные исследования в современном культурном пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Е.В. Хлыщевой [и др.]. 2021. С. 95–97.*

2. Шустов А.В. Этнические миграции, мусульманские диаспоры и проблемы безопасности в северных регионах Урала // *Вестник социально-политических наук. 2021. № 20. С.122—129.*

Ключевые слова: Российский Север; полярный ислам; социально-трудовая миграция; диаспоры; салафизм; угрозы; терроризм; Средняя Азия; Кавказ; Урал.

Магомедов А.К., д-р полит. наук, профессор кафедры теории регионоведения ИМОиСПН МГЛУ

Шустов А.В., канд. ист. наук, доцент кафедры социологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

А.К. Магомедов [1] в своей работе рассматривает один из самых малоизученных вопросов российского исламоведения, связанный с трудовой миграцией мусульманского населения в северные регионы России. Автор отмечает появление такого феномена, как «полярный ислам», который стал важной составляющей социально-культурных процессов в северной части России. На Российском Севере круглый год работают сотни тысяч выходцев из Средней Азии, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. К этому добавились азербайджанцы, российские татары и башкиры, работавшие здесь с советских времен, а также быстро растущие общины внутренних мигрантов с Северного Кавказа. Автор статьи считает, что ХМАО и ЯНАО можно выделить как

¹ Дмитриева Е.Л., ст. научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, eldmi@list.ru

третий влиятельный мусульманский ареал России после Северного Кавказа и Урало-Поволжья.

Ключевым элементом «новой» миграции стало массовое прибытие на Российский Север со второй половины 2000-х годов выходцев из Центральной Азии, которые воспользовались промышленным бумом в ключевых городах, расположенных на территории от Ханты-Мансийска до Нового Уренгоя. Появились целые сектора городского хозяйства, которые нуждались в дешевой рабочей силе трудовых мигрантов: промышленное и гражданское строительство, уборка улиц, общественный транспорт, питание и торговля.

Приезд и закрепление мигрантов из Центральной Азии и Кавказа в городах северной части России привели к ряду изменений в городском ландшафте – это растущее число мечетей и модельных домов; появление этнических районов с их специфическими магазинами, ресторанами, кафе и базарами. Формируются новые стратегии социальной самоорганизации и взаимопомощи. Например, мигранты из Центральной Азии, как правило, объединяются по национальностям или по регионам, в то время как выходцы с Кавказа (например, дагестанцы) воссоздают свои джамааты (религиозные общины, часто суфийские). Растет количество смешанных браков с русскими или коренными народами.

Мусульманская социальная динамика, связанная с трудовой миграцией и коммуникациями, привела к появлению такого феномена, как «полярный ислам». Последний стал важной составляющей социальных процессов и облика городов Российского Севера: сегодня мечети, мусульманские магазины с халяльной едой воспринимаются как часть архитектурного ландшафта городов, многие из которых расположены за полярным кругом. Данные факты заставляют признать, что ислам вышел за пределы привычных ареалов Северного Кавказа и Поволжья, превратившись не только в значимый фактор российской городской жизни, но и распространившись на северные территории.

Автор статьи полагает, что указанные факты опровергают устоявшееся деление российского ислама на два традиционных макрорегиона: Северный Кавказ и Урало-Поволжье. Нельзя сказать, что в условиях Российского Севера появился особый ислам, совершенно отличный от других мусульманских регионов страны, так как большинство характерных черт, присущих полярному исламу, можно легко найти и в других регионах России – это и растущая многонациональность мусульманских сообществ, и борьба

за контроль над мусульманскими общинами, и расхождения в плане идеологических интерпретаций ислама.

В заключение автор приходит к следующим выводам: растущая роль мусульманских сообществ в критически важных регионах Российского Севера означает, что ислам является неотъемлемой частью общественной жизни России и его нельзя больше рассматривать как религию для локализованных этнических меньшинств, а необходимо воспринимать как широкое социальное явление, которое тесно связано с миграционными процессами и изменением социальной структуры. Автор считает, что не менее интересным может оказаться последующий анализ процесса культурной адаптации мусульманских общин к их новой полярной идентичности. Изучение этих процессов даст ученым возможность ответить на вопрос, что делает полярный ислам «полярным».

В статье А.В. Шустова [2] рассматриваются вопросы этнической миграции, формирования мусульманских диаспор и проблем безопасности в северных регионах Урала, анализируется взаимосвязь между иммиграцией и угрозами национальной безопасности в ключевых для России нефте- и газодобывающих регионах. Автор прогнозирует нарастание террористических угроз и обострение межэтнических конфликтов при условии продолжения неконтролируемой иммиграции из среднеазиатских стран СНГ и южных регионов России.

Автор статьи отмечает, что миграционная привлекательность нефте- и газодобывающих регионов, расположенных на Севере России, привела к значительным изменениям в постсоветский период в этноконфессиональном составе их населения. Возникли новые мусульманские диаспоры, формируемые выходцами из российских регионов Северного Кавказа, стран Закавказья, Средней Азии, и вместе с ними на Севере появились сторонники нетрадиционного для России, радикального ислама. Как следствие, северные субъекты РФ в последние годы стали всё чаще попадать в сводки правоохранительных органов по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

По мнению многих исследователей, на территории северного макрорегиона, объединяющего северную часть Европейской России, Сибири и отчасти Дальний Восток, сегодня формируется третий после Северного Кавказа и Поволжья мусульманский регион страны. Несмотря на обусловленную экономическим кризисом депопуляцию 1990-х годов, крупные добывающие центры на Севере РФ продолжали развиваться. Автор приводит данные восто-

коведов А. Малащенко и А. Старостина, согласно которым к середине 2010-х годов в регионах Уральского федерального округа насчитывалось более 400 мусульманских культовых объектов, включая 267 мечетей, 84 молельных дома и 51 молельную комнату. Для сравнения: в советский период на всей территории современной России насчитывалось всего около 70 мечетей. Подавляющее большинство мусульман до распада СССР на территории Урала составляли татары и башкиры, а политическое влияние ислама было минимальным. По данным переписи 2010 г., число выходцев из Средней Азии на Урале увеличилось на 70%, из Азербайджана – в 2,1 раза, а с Северного Кавказа – в 2,4 раза. Общая численность мусульман в постсоветский период выросла почти на 100 тыс. человек. Причем прирост мусульманского населения происходил почти исключительно за счет «нефтяных» и «газовых» регионов Тюменской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов.

В расселении этнических мусульман на территории северных регионов РФ наблюдаются определенные закономерности: в Мурманской области больше азербайджанцев, в Якутии – выходцев из Средней Азии, а в северных нефтедобывающих регионах – жителей российских мусульманских регионов: Башкирии, Татарстана и Северного Кавказа.

Выходцы с Кавказа и из Средней Азии принесли с собой нетрадиционный, более радикальный и политизированный ислам, которого местное мусульманское население ранее не знало. Вместе с ними на Урале появились исламские фундаменталисты – салафиты, чьи идеи стали пользоваться популярностью у части местной татарской молодежи и даже некоторых русских. Поскольку приток мигрантов из Средней Азии происходил главным образом в города, мигранты из этого региона стали составлять большинство прихожан местных мечетей, тогда как большинство татарских и башкирских мечетей оставались в сельской местности. Как следствие, росла доля выходцев из азиатских стран СНГ и среди имамов городских мечетей. В отличие от местного мусульманского духовенства многие из новых имамов получили религиозное образование в странах Ближнего Востока, что обеспечивало им более высокий авторитет среди верующих мусульман. Распространение салафизма было наиболее заметным в тех регионах, где отмечался максимальный приток кавказских и среднеазиатских мигрантов – Тюменской области, ЯНАО и ХМАО.

Автор статьи обращает внимание на тот факт, что еще с конца 1990-х годов в регионах Северного Урала началось формирование салафитского подполья. Первоначально оно подпитывалось за счет воевавших против федеральных сил на Северном Кавказе боевиков, приезжавших в эти регионы на отдых, лечение или для «легализации». Общая численность приверженцев радикального ислама к середине 2010-х г. оценивалась в несколько тысяч человек, а главными центрами его распространения стали привлекательные для мигрантов Новый Уренгой, Губкинский и Ноябрьск в Ямало-Ненецком округе; Нижневартовск, Радужный, Нефтеюганск, Мегион и Сургут в Ханты-Мансийском округе.

Выходцы из южных мусульманских регионов, отмечает автор, формируют в местах прибытия свои диаспоральные сетевые структуры, которые берут на себя заботу о вновь прибывающих мигрантах. С помощью этих структур они находят жилье, работу, налаживают деловые и соседские связи, договоренности, которые достигаются на встречах в мечетях или халяльных кафе.

Растущая мусульманская иммиграция в северные нефте- и газодобывающие регионы России привела к повышению межэтнической напряженности и угрозы терроризма. Другим фактором превращения этих регионов в один из центров распространения радикального ислама являлась их удаленность от столиц, мегаполисов и европейской части страны, из-за чего внимание силовых структур к ним было не столь пристальным. Ситуация изменилась после участвовавших случаев задержания на Урале сторонников радикального ислама. В марте 2021 г. секретарь Совета безопасности РФ Н. Патрушев в ходе совещания по вопросам безопасности в УФО, состоявшемся в Ханты-Мансийске, заявил, что приток мигрантов из-за рубежа ведет к активизации исламских радикалов и к формированию «спящих» ячеек радикальных исламистов. В 2017 г. на территории округа было обнаружено более 26 ячеек террористов, а число выявленных экстремистских преступлений выросло в 2,5 раза по сравнению с началом 2000-х.

Прямым следствием высокого миграционного притока стал также рост националистических и протестных настроений. Причинами этого являлись следующие факторы; приток мигрантов из южных регионов России и среднеазиатских стран СНГ, вытеснение ими местного населения из ряда сфер деятельности, рост нагрузки на систему образования и здравоохранения.

Взаимосвязь между неконтролируемой иммиграцией, нарастанием террористических угроз, а также усилением националисти-

ческих и протестных настроений коренного населения заставляет обратить пристальное внимание на источник этих проблем. Очевидно, что свободный въезд в РФ граждан из южных стран СНГ с их молодым, быстро растущим, не имеющим работы и легко радикализирующимся населением ведет к дальнейшему расширению социальной базы радикального ислама. Усугубление проблем терроризма, экстремизма и обострение межэтнических отношений в северных регионах Урала, где расположены основные нефтяные и газовые месторождения РФ, создает не только экономические и внутриполитические риски, но и может угрожать целостности страны.

Elena Dmitrieva*

**Islam in the regions of the Russian North.
(Condensed abstract)**

Keywords: Russian North; polar Islam; social and labor migration; diasporas; Salafism; threats; terrorism; Central Asia; Caucasus; Urals.

Сченснович В.Н.¹

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ
В КАЗАХСТАНЕ И КИРГИЗИИ. (Сводный реферат)**

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.05

1. *Иванов Е.А., Малков С.Ю.* Анализ уровня социально-политической нестабильности в Казахстане и Киргизии: современное состояние и прогноз // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник / отв.ред.: Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, Д.А. Быканова. Волгоград. 2020. С. 592–614.*

2. *Шаруева М.В.* Основные проблемы социально-экономического развития Кыргызстана (конец XX – начало XXI в.) // *Вестник РГГУ. Сер. Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2021. № 3. С. 130–140.*

Ключевые слова: Казахстан; Киргизия; социально-политическая нестабильность; ислам; расколы элит; оппозиция; прогнозы развития;

* Elena Dmitrieva, Senior Research Associate, INION RAS, e-mail: eldmi@list.ru

¹ Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

дестабилизация; экономика; трудовая миграция; межэтнические конфликты.

Иванов Е.А. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Малков С.Ю. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

МГУ им. М.В. Ломоносова

Шаруева М.В. кандидат юридических наук,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

В статье Е.А. Иванова и С.Ю. Малкова [1] дан анализ социально-политической ситуации в Казахстане и Киргизии, прогнозируются сценарии их дальнейшего развития. В среднесрочной перспективе (2021–2025) можно ожидать нарастания различных проявлений социально-политической дестабилизации в странах бывшего СССР, особенно там, где процессы политической и экономической модернизации отстают от темпов мировых лидеров. Очевидно, что за сменой поколений политических элит и трансформацией режимов последуют сдвиги в других сферах.

В Казахстане сегодня происходит контролируемый трансфер власти. Покинув президентский пост, Нурсултан Назарбаев сохраняет ключевые рычаги управления страной. Это обеспечивает политическую стабильность на данном отрезке времени. Тем не менее перед Казахстаном встают новые вызовы, решение которых может потребовать оригинальных решений и кардинальных перемен в стране. Киргизии не хватает того, что есть у Казахстана, – политической стабильности и способности элит добиваться консенсуса, действующего на протяжении длительного периода. Киргизии необходимо укреплять государственность. Вопросы распределения властного ресурса должны решаться не методами «уличной демократии», а через устойчивые институты и практики. Помимо прочего, экономика Киргизии не имеет казахстанского запаса прочности.

Политические системы Казахстана и Киргизии получили модернизационный импульс будучи в составе СССР, однако дальнейшее развитие было осложнено переходным периодом от плановой экономики к рыночной, от советского полуизоляционизма – к открытости, от аналогового технологического уклада – к цифровому. Политический режим Казахстана характеризуется централизацией и устойчивостью. Киргизия – государство с фрагментированным об-

ществом и с крайне высокой турбулентностью политических процессов. Авторы рассматривают основные линии размежеваний, которые могут послужить основой для социально-политической дестабилизации в Казахстане и Киргизии в ближайшие годы.

С середины 2000-х годов Казахстану и Киргизии удалось снизить неравенство в распределении доходов. Несмотря на это, в Казахстане, благодаря наличию ресурсной ренты, сформировалась прослойка состоятельных бизнесменов. В Киргизии предпринимателей такого масштаба меньше, но и размер ее экономики в 20–30 раз меньше казахстанской (по показателям ВВП).

Ввиду непростой мировой политической и экономической конъюнктуры ожидается резкий спад уровня жизни во многих странах. Для противодействия негативным тенденциям Казахстан и Киргизия имеют разные возможности. Казахстан предпринимает меры по выравниванию жизни в городской и сельской местности, по совершенствованию инструментов адресной помощи, но пока они не дают желаемых результатов. Но даже в Казахстане они сокращаются в связи с тем, что экономика республики в значительной мере зависит от экспорта углеводородов и металлов. К тому же сегодня этим странам затруднительно претендовать на международную помощь. Страны Запада не рассматривают Центральную Азию в качестве приоритетного региона, а помощь со стороны Китая чревата усугублением кредитных обязательств в долгосрочной перспективе. В свою очередь, это открывает коридор возможностей для усиления влияния арабских стран, но взамен монархии Залива будут требовать проводить курс на исламизацию, что сопряжено с трудностями социально-идеологического плана.

Рассматривая раскол «ислам – светское», авторы замечают, что в постсоветский период, хотя идеология и материалистический подход вытесняли религиозное сознание, у многих людей сохранялся определенный уровень религиозности, а отдельные очаги православия, ислама, буддизма и других религий смогли пережить все репрессии и давление. В период активной десекуляризации начали формироваться два больших раскола. Первый – общий между советскими атеистами и сторонниками клерикализации 1990-х годов. Этот раскол наиболее характерен для Центральной России, Украины и Беларуси. Второй раскол – между «старыми» верующими и адептами «новых» толкований. Подобное размежевание затронуло государства и регионы, где большая часть жителей относятся к так называемым этническим верующим. В этих сообществах сохранялись остатки собственных религиозных традиций,

например ислама. Пройдя через советский период и смешавшись с местными традициями, такая версия ислама приобрела статус «народной». Молодые поколения, получившие возможность учиться в мировых центрах исламской религии (в Египте, Сирии и др.), возвращались на родину и вступали в конфликт со старшими поколениями, чье понимание ислама расценивалось молодежью как «неправильное».

В Казахстане исламизация происходила более сдержанными темпами, чем в Киргизии, которая на государственном уровне оказалась неспособна противостоять стихийной исламизации, сопряженной с проникновением в страну радикальных и экстремистских идей. Долгое время в Киргизии работали организации, признанные экстремистскими в ряде стран, включая Россию. Возникновение «Исламского государства» (ИГ – запрещено в России) в Сирии и Ираке обнажило глубину этих проблем. Многие граждане Киргизии оказались завербованы сторонниками ИГ и отправились воевать на Ближний Восток. Часть из них – трудовые мигранты, работавшие в России. Отток радикалов в ИГ из Казахстана был не таким большим, но показал, что в стране существуют скрытые ячейки и одиночки-радикалы. Прежде всего, в зоне риска западный и южные регионы страны, где происходило проникновение радикальных идей, завезенных извне. Кроме того, в Казахстане среди молодежи можно выделить два типа: первый – умеренно религиозная / нерелигиозная городская молодежь, ориентированная на Запад или развитые страны Азии; второй – религиозная молодежь, связанная с мировыми исламскими центрами (Саудовская Аравия, Катар, Турция). Поэтому в Казахстане раскол между светским и религиозным (исламским) может быть глубже, чем в Киргизии, где уровень исламизации выше. При этом риски дестабилизации, связанные с действиями радикалов и экстремистов, в Киргизии существенно выше.

Исследователи обращаются также к теме внутриэлитных расколов. К 2021 г. политический режим Казахстана на протяжении двух лет находился в состоянии управляемого «мягкого» трансфера власти от персоналистской модели во главе с Нурсултаном Назарбаевым к иной конфигурации политических институтов и элитных групп. Касым Жомарт Токаев, заняв президентский пост, выступает за умеренные преобразования режимной конструкции с уважительным отношением к наследию Н. Назарбаева. Чтобы смягчить процесс передачи власти и позволить оппозиции «выпустить пар», администрация Токаева проводит точечную ли-

берализацию политической сферы. На данный момент Токаев сохраняет основы сложившейся политической системы. Его цель – вдохнуть новую жизнь в устоявшуюся конструкцию за счет кадровых замен и внедрения новых подходов к управлению.

В Киргизии 2020 г. стал годом третьей революции – на этот раз октябрьской. В парламентских выборах участвовали 16 партий, многие из которых были оппозиционны действующей власти и пользовались общественной поддержкой. После объявления предварительных результатов голосования в центре Бишкека стали собираться несогласные граждане. Штурм правительственных зданий привел к столкновениям с милицией и последующей эскалации насилия. Политику С. Жапарову, возглавившему протесты, и его сторонникам удалось добиться отмены результатов октябрьских выборов, отставки С. Жээнбекова с поста президента и назначения новых президентских и парламентских выборов. Устойчивость политической системы в ближайшем будущем будет зависеть от компромиссов между местными элитами.

Авторы, рассматривая вопросы внешнеполитического курса, отмечают, что Казахстан проводит сбалансированную внешнюю политику. Россия – главный торговый партнер Казахстана, опережает даже Китай, который проводит активную экспансию на мировых рынках. По мнению авторов, Казахстану важно придерживаться выбранного курса: диверсифицировать круг внешнеполитических партнеров, поддерживая позитивные связи со всеми. В среднесрочной перспективе Казахстан может стать государством с преобладанием этнических казахов, для которых важно сохранить независимость и самодостаточность своей страны.

Для жителей Киргизии внешнеполитический выбор также имеет большое значение. Здесь авторы выделяют три основных условных партии. Первая – это «партия миграции», ориентированная на евразийский интеграционный вектор, формируемый Россией и Казахстаном. В целом отношение к сближению с Россией среди граждан Киргизии положительное: более 80% опрошенных позитивно относятся к ЕАЭС. Вторая сила – «партия реэкспорта», или «партия контрабанды». Экономическую основу данной партии составляют предприниматели и бизнесы, завязанные на перевозку товаров из Китая с нарушением законодательства. Третьей силой является «партия либеральной демократии», или «партия НКО», сторонники которой выступают за ориентацию на Запад, в первую очередь на США и ЕС. Представители этой партии активно работают через СМИ, создавая

идеологическую платформу для формирования лояльной прослойки из числа наиболее активной и образованной части общества.

Исследователи делают следующие выводы об особенностях социально-политической ситуации в Казахстане и Киргизии и возможных сценариях ее дальнейшего развития. И в Казахстане, и в Киргизии наблюдается значительный потенциал социально-политической дестабилизации. Основными факторами раскола в Казахстане являются социально-экономический и внутриэлитный.

В Киргизии ситуация отличается от казахстанской. Если в Казахстане расколы практически не имеют проекции в публичное политическое поле, то в Киргизии вокруг каждого раскола формируется коалиция заинтересованных игроков (политиков, партий и их спонсоров). Основными расколами в Киргизии в настоящее время являются: региональный (Север – Юг) и внутриэлитный (кланы Севера – кланы Юга). По всей видимости, Киргизия будет оставаться полюсом нестабильности до тех пор, пока в стране не удастся достичь политико-экономического равновесия и зафиксировать его на ближайшие 10–15 лет.

М.В. Шаруева [2] рассматривает экономические последствия государственных переворотов в Киргизии, господства клановой системы и разделения политических элит на «северные» и «южные», политики лавирования, к которой неоднократно прибегали киргизские лидеры, вынужденные искать компромисс между различными группами влияния внутри страны и за ее пределами. Подчеркивая значимость межэтнических отношений для стабильного развития экономики, М. Шаруева указывает факторы риска, с которыми приходится сталкиваться Киргизии.

Тридцатилетний юбилей обретения независимости (1991) позволяет подвести некоторые итоги. Автор анализирует экономические достижения и потери страны, выделяет основные тенденции социально-экономического развития Киргизии в 1990–2010-е годы. В стране закрылись сотни заводов и фабрик, продукция которых оказалась невостребованной в новых условиях. Сохранились только предприятия добывающих отраслей, поскольку нефть, газ и металлы пользовались спросом в дальнем зарубежье. В декабре 1998 г. Киргизия стала первой страной на постсоветском пространстве, которая вступила в ВТО. Ради сокращения процедуры вступления власти республики пошли на беспрецедентные уступки в сфере торговли товарами и оказания услуг, в том числе банковских. Это позволило международным компаниям и организациям фактически захватить все сегменты национального рынка страны.

Объем иностранных инвестиций оказался гораздо ниже ожидаемого, при этом власти республики лишились возможности защищать национальный рынок, а производители не смогли конкурировать с дешевым и качественным импортом.

Однако были в 1990-е годы и достижения. В кратчайшие сроки с помощью иностранных инвесторов строились высокотехнологичные заводы и фабрики. Постепенно экономика адаптировалась к правилам рынка. Но поступательное развитие республики остановили политические события. Государство вступило в эпоху нескончаемой «президентской чехарды», когда каждый новый президент отменял все реформы предшественников (иногда эффективные) и утверждал другие векторы развития. Межэтнические противоречия, наравне с коррупцией, организованной преступностью, неопределенностью политического и экономического курса страны, нанесли ущерб национальной экономике. «Взрывоопасным» с этнополитической точки зрения является юг Киргизии, где проживают около 1 млн этнических узбеков, причиной межэтнических конфликтов остается в том числе и экономический фактор. Поскольку местный бизнес находится под узбекским контролем, уровень жизни узбеков выше уровня жизни киргизов. Взаимные претензии узбеков и киргизов выливаются в многочисленные конфликты с большим количеством убитых и раненых с обеих сторон. Дело доходит до столкновения воинских подразделений на границе Киргизии и Узбекистана.

В дальнейшем ситуация в республике может еще более обостриться под воздействием геополитических факторов. Боевики из движения «Талибан» (запрещено в России) уже спровоцировали несколько военных конфликтов с Таджикистаном и Узбекистаном – непосредственными соседями Киргизии, а сама республика может стать жертвой последующей экспансии талибов.

Valentina Schensnovich*
Socio-political instability in Kazakhstan
and Kyrgyzstan. (Condensed abstract)

Keywords: Kazakhstan; Kyrgyzstan; socio-political instability; Islam; elite splits; opposition; development forecasts; destabilization; economy; labor migration; interethnic conflicts.

* Valentina Schensnovich, Research Associate, INION RAS, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Дмитриева Е.Л.¹
ВЛИЯНИЕ ПРИХОДА ТАЛИБОВ К ВЛАСТИ
В АФГАНИСТАНЕ НА СИТУАЦИЮ
В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ.
(Сводный реферат)

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.06

1. *Тахир М. Тахир, Эршад А. Сияд.* Геополитические последствия трансформации афганской государственности после прихода к власти талибов для стран Центральной Азии // *Вопросы политологии.* 2022. Т. 12. Вып. 2(78). С. 550–562.

2. *Зарудный Б.Г.* Обстановка в Афганистане и риски террористической активности в регионе // *Международная жизнь.* 2022. № 1. С. 28–33.

Ключевые слова: Афганистан; талибы; республики Средней Азии; международное сообщество; Россия; геополитика; этнополитическая ситуация; международные террористические организации.

Тахир М. Тахир, д-р юр. наук,
Валахский гос. университет, Афганистан
Эршад А. Сияд, аспирант, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, Татарстан
Зарудный Б.Г., начальник отдела Антитеррористического
центра государств – участников СНГ

Статья Тахира М. Тахира и Эршада А. Сияда [1] посвящена анализу геополитической ситуации, сложившейся в Среднеазиатском регионе в результате прихода к власти талибов в Афганистане. Авторы рассматривают различные варианты развития событий и считают, что «афганский вопрос» превратился в ключевой фактор, определяющий геополитическую стабильность всего региона Средней Азии. Двадцатилетнее противостояние на афганской земле объединенного Запада, возглавляемого США, и движения «Талибан» (организация, запрещенная в России) завершилось в августе 2021 г., когда после ухода американских военных президент

¹ Дмитриева Е.Л., ст. научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН,
e-mail: eldmi@list.ru

Афганистана Ашраф Гани бежал из страны, предварительно сложив с себя полномочия. К власти пришли талибы.

На события, происходящие в Афганистане, чутко реагирует весь регион Средней Азии. Но также ситуация в Афганистане представляет собой реальную опасность и национальной безопасности России: приток исламских экстремистов и террористов в Россию является давней проблемой. Вопросы трансформации афганской государственности после прихода к власти талибов и его геополитических последствий для стран Средней Азии нельзя назвать решенными. Пришедшие к власти талибы объявили о своем намерении превратить Афганистан в исламский эмират.

«Афганский клубок» для многих государств стал испытанием на прочность и в сфере международных отношений. На территории Афганистана столкнулись интересы разных стран. Пакистан долгое время разыгрывал карту «Талибана» и «борьбы с экстремизмом», стараясь заручиться как можно более щедрой финансовой помощью со стороны США, для того чтобы получать на регулярной основе поддержку во внешнеполитическом противоборстве с Индией. Авторы отмечают, что мир в Афганистане во многом зависит от отношений между двумя ядерными державами – Пакистаном и Индией. Россия, Китай и Иран, в свою очередь, также включились в «большую игру» после ухода США из Афганистана. Именно этим объясняется проведение серии встреч на высшем уровне с делегациями талибов в Москве, Пекине и Тегеране. Антиамериканский альянс «Москва – Пекин – Тегеран» способствовал падению Кабула благодаря демонстрации косвенной поддержки талибов. По той же причине посольства всех трех перечисленных выше стран сейчас полноценно функционируют в столице Афганистана, в то время как многие государства поспешили эвакуировать свой персонал.

Говоря о положении дел в настоящее время, авторы отмечают, что новая афганская парадигма меняет весь среднеазиатский политический ландшафт. В сложном положении оказались непосредственно граничащие с Афганистаном государства. Специфика положения каждой из этих стран опирается на принципиальные различия в позициях и приоритетах внешней и внутренней политики по отношению к Афганистану, а также в целях, которые преследует каждое из этих государств. Таджикистан, имеющий самую протяженную общую границу с Афганистаном (более 1000 км), исторически связан кровно-родственными узами со второй (после пуштунов) по численности этнической группой в Афганистане –

афганскими таджиками. Узбекистан, с его небольшим участком общей границы с Афганистаном, исторически выступал коридором, по которому на протяжении многих лет поддерживались тесные контакты с лидером афганских узбеков Р. Дустумом, всегда стремившимся проводить независимую политику на подконтрольных ему территориях (в так называемом «Дустумистане»). Туркменистан – довольно близкая афганскому населению в этническом плане страна. Это государство в значительной степени изолированное, и его внешняя политика отличается небольшой активностью. Туркменистан декларирует на международной арене принцип нейтралитета, но при этом установил дипломатические отношения с режимом талибов еще в период их первого прихода к власти в 1990-х годах.

Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан заметно различаются в своих позициях по отношению к современному Афганистану, но одновременно все они преследуют в рамках диалога с новой афганской властью вполне конкретные цели. Казахстан и Киргизия не только не имеют общей границы с Афганистаном, но этническая связь с афганским народом для них является либо минимальной (Киргизия), либо вовсе отсутствует (Казахстан). Так что для этих двух стран региона Афганистан – это неперспективная в плане выстраивания долгосрочных партнерских отношений территория, вопрос о которой поднимается на повестке дня только в контексте международных антитеррористических и гуманитарных операций.

Сложность межгосударственных контактов для соседних с Афганистаном территорий заключается в том, что над ними довлеет история отношений с афганской властью и статус движения «Талибан». Пока властные элиты Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана заняли выжидательную позицию: закрыто большинство пунктов пропуска через границу и жестко регулируется приток афганских беженцев. Но в случае укрепления режима талибов признание нового Афганистана станет лишь вопросом времени.

Авторы отмечают, что «Талибан» – не просто организация, признанная террористической в мире и в СНГ. В структуру этого движения интегрированы как минимум пять международных террористических организаций – «Аль-Каида», Исламская партия Восточного Туркестана, Исламское движение Узбекистана, Хатиб Имам аль-Бухари и Джамаат Ансаруллох (запрещенные в России), которые активно действуют на идеологическом и террористическом фронте против государств Средней Азии и России. Сегодня

эта разрушительная сила придвинулась вплотную к границам Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и фактически контролирует их со стороны Афганистана. Появление столь серьезного противника на рубежах СНГ – это реальность. Хотя группировка ОДКБ и в состоянии обеспечить полный контроль над таджикско-афганской границей, но механизмы взаимодействия ОДКБ с Узбекистаном и Туркменией пока оставляют желать лучшего. Потенциал разведки Узбекистана невысок, поэтому при оценке обстановки узбекской стороной на прилегающей к ее границе афганской территории приходится опираться на результаты визуального наблюдения, что абсолютно неэффективно, так как если противник прибегнет даже к несложной маскировке и стремительным броском преодолает приграничную линию обороны, то бои могут разгореться уже на узбекской территории.

В отношении Туркменистана ситуация многократно осложняется, во-первых, из-за большей протяженности границы (около 800 км), а во-вторых, из-за политически нейтрального статуса республики. Если в случае с Узбекистаном потенциального противника могут сдерживать факт наличия военных соглашений между Москвой и Ташкентом и перспектива подключения к конфликту, то нейтральный Туркменистан будет восприниматься боевиками как беззащитная жертва. Именно поэтому равный и заинтересованный разговор с афганской стороной возможен, по мнению авторов, лишь после решения вопроса о гарантиях безопасности в регионе.

В отличие от Запада региональные акторы с большей вероятностью в конечном итоге сделают шаг навстречу в дипломатическом признании южного соседа, в первую очередь по причине своего географического положения. На данный же момент происходит своеобразная рекогносцировка – среднеазиатские страны стремятся разглядеть в тумане гражданского противостояния в Афганистане признаки стабилизации ситуации, но пока ничего жизнеутверждающего не наблюдают – время для «шага навстречу», по их мнению, пока не пришло.

Афганистан, как инкубатор терроризма, может стать неразрешимой проблемой для многих стран региона, которые всерьез обеспокоены перспективами появления здесь ISIS-K – «Исламского государства в провинции Хорасан» (так называют филиал запрещенной в России организации ИГИЛ в Афганистане). Из близлежащих к Афганистану государств только Таджикистан занял решительно антиталибскую позицию (в основном по внутривнутриполитическим причинам).

Таджикистан с готовностью принимает у себя лидеров афганского сопротивления и вряд ли признает правительство талибов независимо от потенциальных преимуществ такого шага. То же самое можно сказать и об Индии, которая принимает в расчет тесные отношения движения «Талибан» с Пакистаном.

В заключение авторы статьи приходят к выводу, что нынешняя ситуация крайне сложна и угроза её дестабилизации весьма реальна, но противостоять деструктивным тенденциям можно и нужно, причем делать это следует единым фронтом. С установлением власти талибов мощный импульс получила идея джихада, которая наполнилась новыми смыслами и стала вполне осязаемой для всей Средней Азии. Соседние с афганскими территориями страны сегодня вынуждены в той или иной форме поддерживать связь с талибами в интересах обеспечения собственной национальной безопасности, а также для сдерживания активности талибов доступными политическими средствами. Однако геополитические угрозы, которые актуализирует для Средней Азии движение «Талибан», все же не следует недооценивать, впрочем, как и преувеличивать.

Начальник отдела Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств (АТЦ СНГ) Б.Г. Зарудный [2] отмечает, что данная структура уделяет самое серьезное внимание ситуации, складывающейся в Афганистане, так как именно в этой стране долгое время находился основной источник угроз дестабилизации обстановки для республик Средней Азии. Приход к власти признанного СБ ООН террористическим движения «Талибан» закономерно вызвал «восхищение» всего радикального мира, и нынешнее правительство талибов рассматривается исламистами как успешная попытка создания фундаменталистского государства. Руководство страны практически полностью состоит из талибов-пуштунов. Лидеры движения «Талибан» (запрещенного в России) выступили с рядом заверений, гарантируя мирное сосуществование с соседними государствами. Они обещают сдерживать террористов в их попытках действовать из Афганистана против других стран, однако есть ряд причин сомневаться, что талибы смогут это сделать. В связи с этим существуют следующие основные риски: не меняется идеология движения, наблюдается нарастающее преследование различных групп населения по политическому, религиозному, гендерному и иным вопросам, возвращены публичные казни. Все эти ограничения и жестокие наказания будут способствовать росту протестных настроений и воз-

никновению локальных акций вооруженного сопротивления, что негативно отразится на безопасности приграничных с Афганистаном государств.

Афганистан, как и ранее, остается территорией сосредоточения террористических организаций. Происходит возрождение «Аль-Каиды». Численность влившихся в движение «Талибан» группировок достигает 4–5 тыс. человек, включая граждан Казахстана, Киргизии, Китая (уйгуры), России, Таджикистана, Узбекистана. Эти иностранные боевики растворились среди боевиков «Талибана», присягнув им на верность, и теперь вместе с ними составляют единое целое. После захвата власти талибы выпустили из тюрем крупных городов практически всех (около 5–6 тыс.) задержанных по подозрению в терроризме, которые являются членами других террористических группировок, и профессионалов-наемников. Боевики практически всех находящихся в Афганистане террористических организаций активно сотрудничают с движением «Талибан». Отряды большинства из них сосредоточены в северных провинциях, которые граничат с государствами СНГ. В составе группировок преобладают этнические казахи, киргизы, таджики, узбеки, выходцы с Кавказа и из мусульманских регионов России.

Эти этнические группировки представляют наибольшую угрозу для Средней Азии, поскольку имеют известную самостоятельность. У них есть свои программы и цели, которые они планируют достигнуть за пределами Афганистана, они имеют собственное понимание, где, как и когда нужно строить исламское государство. Возможно, на первых порах талибы постараются сдержать активность этих групп на своей территории, поскольку в период становления им крайне важно получить признание мирового сообщества и добиться исключения «Талибана» из списков запрещенных террористических организаций, что повлечет снятие политических и экономических санкций. Однако данное обстоятельство не помешает радикалам превратить страну в площадку мирового терроризма, откуда в дальнейшем их влияние сможет активно распространиться по всему региону.

После прихода к власти талибов отмечается усиление дистанционной интернет-пропаганды экстремистской идеологии. Информационно-идеологическое воздействие ведется на население соседних стран с целью формирования «спящих» террористических ячеек и вовлечения новых рекрутов в бессистемную деятельность террористов-одиночек. Анализ социальных сетей и прочих электронных ресурсов показывает, что наибольшее число

«писем» и «поздравлений» талибам после захвата власти пришло из Таджикистана, Узбекистана, Башкирии, Поволжья, с Северного Кавказа. В этих «письмах» отмечается, что «Талибан» «изгнал Америку», «заставил считаться с собой Россию», и теперь «настало время устанавливать шариат на пространстве от Прикаспия и Поволжья до Сибири».

Заметно активизировалась пропаганда «Талибана» на русском и таджикском языках. Причем качество пропаганды по некоторым позициям превысило качество пропаганды ИГИЛ (организация, запрещенная в России). Используются и профессионального качества видеоряды, и короткие, хлесткие ролики, и яркая цветовая гамма, и различные психологические приемы в аудиозаписях вербовочного характера. Можно утверждать, что талибами формируется медиапроект «успешного джихада». Если игиловцы призывали к переезду «в земли Халифата», то талибы призывают совершать джихад на месте. Основную финансово-ресурсную базу для талибов по-прежнему составляет наркобизнес. Поставки афганского героина ведутся по сформированным годами маршрутам с отточенной логистикой. Одним из наиболее оживленных направлений является наркотрафик через Таджикистан и Узбекистан в Киргизию, Казахстан и Россию с последующей переброской в страны дальнего зарубежья. Несмотря на заявления талибов о необходимости борьбы с производством наркотиков, в стране всё еще существует более 30 тыс. гектаров маковых полей, который является источником 90% мирового производства героина, и большинство сельскохозяйственного населения Афганистана вовлечено в культивирование опийного мака. Этот продукт дает быструю и высокую финансовую отдачу, гораздо большую по сравнению с той, которую можно получить от производства традиционных сельхозкультур. Без серьезной и реальной гуманитарной и экономической поддержки со стороны мирового сообщества нынешние правители Афганистана не смогут переломить ситуацию.

Со сменой власти в стране произошло резкое падение и без того низких доходов и жизненного уровня населения. Сейчас обычный афганец живет на один-два доллара в день. В условиях жесточайшего экономического кризиса и этот доход многими считается за благо. Инфраструктура во многих частях страны разрушена, включая медицинские учреждения, системы электро- и водоснабжения. В случае невозможности «Талибана» стабилизировать ситуацию высока вероятность сравнительно быстрого смещения населения в крайнюю нищету. Возрастают риски социальных бунтов и,

как следствие, появления неконтролируемого потока беженцев, в числе которых на территории соседних среднеазиатских государств могут просачиваться получившие боевой опыт в Афганистане и Сирии боевики-террористы.

Необходимо учитывать, отмечает автор, что в «Талибане» и других террористических группировках воюют этнические киргизы, таджики, узбеки, причем многие из идейных соображений – как оппозиция властям своей страны. Так, талибы передали шесть северных провинций Афганистана, в том числе афганотаджикскую границу, под оперативное управление террористической организации «Джамаат Ансоруллах» – боевого подразделения запрещенной в Душанбе «Партии исламского возрождения Таджикистана». В этом контексте реальностью становится перспектива перехода боевиков через реку Пяндж в соседний Таджикистан.

Опасность для соседних стран по-прежнему представляет деятельность ишиковцев. С 2018 г. после нанесения существенного урона «Исламскому государству» на Ближнем Востоке наблюдается непрекращающаяся переброска боевиков в Афганистан. Это в основном граждане среднеазиатских государств. Территория Афганистана рассматривается в качестве запасной площадки для создания опорных пунктов в целях дальнейшей экспансии в Среднюю и Южную Азию.

Возрождение «Аль-Каиды» на территории Афганистана также вполне реально. Ее активизации способствует появление разногласий между полевыми командирами «Талибана», часть из которых разделяют принципы и методы действий «Аль-Каиды». Центром «Аль-Каиды» в Афганистане была и остается восточная провинция Нуристан.

В заключение автор делает вывод, что складывающаяся ситуация в Афганистане крайне опасна для стран Средней Азии, хотя на данный момент прямой угрозы для региона со стороны «Талибана» не наблюдается, так как его лидеры увлечены формированием нового правительства, построением системы управления государством и решением экономических вопросов, прежде всего проблемы выживания населения. Без сомнения, опасность представляют действующие на территории страны отдельные отряды террористов.

Elena Dmitrieva*

**The influence of the Taliban coming
to power in Afghanistan on the situation
in the republics of Central Asia.
(Condensed abstract)**

Keywords: Afghanistan; Taliban; Central Asian republics; international community; Russia; geopolitics; ethno-political situation; international terrorist organizations.

* Elena Dmitrieva, Senior Research Associate, INION RAS, eldmi@list.ru

Аватков В.А.¹, Останин-Головня В.Д.² **РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И МУСУЛЬМАНСКОЕ** **ПАЛОМНИЧЕСТВО В РОССИЙСКО-САУДОВСКИХ** **ОТНОШЕНИЯХ**

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.07

***Аннотация.** В XXI в. религиозный фактор стал играть всё более значимую роль в мировой политике. Это прослеживается как в глобальных и региональных процессах, так и на уровне отдельных стран. Отношения России и Саудовской Аравии являются подтверждением данного тезиса. Несмотря на определенные разногласия по ряду вопросов, Москва и Эр-Рияд поддерживают тесные контакты с начала 1990-х годов. Важную роль в развитии российско-саудовских отношений сыграл религиозный фактор. После распада СССР мусульманские народы России и Постсоветского Востока получили возможность совершать паломничество к святым местам ислама в Саудовской Аравии, что напрямую отразилось в государственной политике обеих стран.*

***Ключевые слова:** Саудовская Аравия; Россия; Постсоветский Восток; религиозный фактор; российско-саудовские отношения; хадж.*

На современном этапе Саудовская Аравия входит в число «тяжеловесов» Ближнего Востока и является одним из претендентов на региональное лидерство. Вместе с тем королевство, на территории которого располагаются священные для ислама Мекка и Медина, позиционирует себя в качестве естественного центра «му-

¹ **Аватков В.А.**, д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока, ИНИОН РАН, Москва, e-mail: v.avatkov@gmail.com

² **Останин-Головня В.Д.**, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока, ИНИОН РАН, Москва, e-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

сульманского мира». С упором на экономический потенциал Эр-Рияд развивает свою внешнюю политику, согласно этим логикам, через два вектора: *региональный* (стремление к статусу ведущего государства Арабского Востока и гегемона в зоне Персидского залива) и *общемусульманский* (укрепление имиджа «родины ислама» и главного защитника исламских ценностей в мире)¹. В рамках второго направления особое внимание уделяется странам, где подавляющее большинство или значительная часть населения представлена мусульманскими народами. К числу таких стран относится и Россия: по официальным данным, более 6% граждан в 2022 г. считают себя последователями мусульманского вероучения², а на конец 2019 г. в РФ более 19% зарегистрированных религиозных организаций принадлежат к исламским конфессиям³. И хотя сегодня российско-саудовские отношения активно развиваются во многих сферах, религиозный фактор играет в них особую роль.

Отношения Российской Федерации и Саудовской Аравии по историческим меркам имеют непродолжительную, но очень интересную и непростую историю. Формально они начались в 1926 г., когда Советская Россия первой в мире признала независимость королевства династии Аль Сауд, боровшейся за объединение Аравии. Фактически же двусторонние отношения между Москвой и Эр-Риядом получили активное развитие после 1991 г., так как в период с 1938 по 1990 г. СССР и КСА не поддерживали прямых и постоянных дипломатических контактов. Становление политического взаимодействия пришлось на середину 1990-х и начало 2000-х годов, которые были отмечены чередой «кризисов» на фоне

¹ Останин-Головня В.Д. Саудовская Аравия и региональная суннитская солидарность // Сборник по итогам III Международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова. 2019 / под ред. В.А. Аваткова. – М., 2019. – С. 106.

² Великий пост – 2022. (Аналитический обзор): Таблицы [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2022> (дата обращения: 10.03.2022).

³ Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на конец 2018 г. (Обновлено 22.04.2019) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/02-11.docx> (дата обращения: 10.03.2022).

конфликтов на Северном Кавказе и на Балканах¹. После распада СССР и Югославии монархии Залива получили возможность прямого взаимодействия с мусульманскими общинами отдельных регионов РФ и новых независимых республик. Естественно, это взаимодействие шло не только на официальном уровне, вместе со строительством мечетей и духовных центров на саудовские деньги началось проникновение различных исламистских структур, придерживавшихся экстремистской идеологии.

Под удар тех, кого с легкой руки журналистов окрестили «фундаменталистами», попал не только Кавказ, но и мусульманские общины тюркских народов России, вследствие чего в стране стал наблюдаться рост антимусульманских настроений. В своей монографии Р.Г. Ланда утверждает, что в 1992–1993 гг. 60% респондентов в Москве считали ислам большей угрозой, чем экспансию Запада². С началом первой чеченской кампании 1994–1996 гг. в российско-саудовских отношениях начались первые сложности из-за противоположных позиций по ситуации. Эр-Рияд подвергся обвинениям в распространении «ваххабитской» идеологии и спонсировании сепаратистов на Северном Кавказе, что особенно усугублялось на фоне озабоченности КСА «судьбой косовских албанцев-мусульман» в ходе Югославских войн³.

Единичные случаи участия подданных королевства в боевых действиях на стороне экстремистов и сепаратистов, безусловно, имели место быть. Однако, по большому счету, антисаудовский алармизм носил поверхностный и односторонний характер. Об этом свидетельствует как минимум тот факт, что имевшая поистине впечатляющие масштабы деятельность исламистского движения Фетхуллаха Гюлена на постсоветском пространстве в период 1990–2000 гг. оставалась практически без внимания⁴. Более того, влияние на мусульманские республики Постсоветского Востока оказывалось и через официальные государственные структуры Турции. Управление по делам религии «Диянет», деятельность

¹ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С., Филоник А.О. Российско-саудовское политическое взаимодействие // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 4 (55). – С.128–130.

² Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – С. 262.

³ Косач Г.Г. Россия и Саудовская Аравия: эволюция отношений // Свободная мысль. – 2015. – №6 (1654). – С.130–131.

⁴ Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез государственной идеологии Турции // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 12 (294). – С.72–74.

которого регламентируется статьей 136 Конституции Турецкой Республики¹, с момента распада СССР также активно способствовала популяризации ислама среди тюркских народов России и Средней Азии.

* * *

По историческим причинам политический курс, образ и сама суть Саудовской Аравии неразрывно связаны с исламом, так как сама ее государственность возникла благодаря союзу клана Аль Сауд с богословом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом (основоположником ханбалитско-салафитского (ваххабитского) течения), который был заключен в 1744/45 г.² После провозглашения единого королевства в 1932 г. Саудиты и семейство потомков М. ибн Абд аль-Ваххаба создали своеобразный правящий тандем, где политическая власть принадлежит первым, а ведущая роль в религиозно-богословских делах – вторым³. Ислам оказывал и оказывает непосредственное влияние на политический курс Саудовской Аравии, но обвинять ее в спонсорстве международного терроризма на государственном уровне можно лишь по косвенным и достаточно сомнительным причинам. После теракта с захватом Большой мечети Мекки в 1979 г. группировкой радикальных салафитов саудовское руководство начало борьбу с экстремизмом и провозгласило курс на «умеренность». Во второй половине 1990-х годов произошел раскол главной оппозиционной фракции исламистов ас-Сахва аль-Исламия («Исламское пробуждение»), в результате которого одна из трех фракций заняла салафитско-джихадистскую позицию⁴. Однако, несмотря на борьбу с терроризмом внутри страны, Эр-Рияд поддерживал связь с некоторыми сомнительными движениями в соседних регионах.

¹ Constitution of the Republic of Turkey [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi. – Режим доступа: https://global.tbmm.gov.tr/docs/constitution_en.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

² Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). – 2-е изд., расш. и доп. – М.: Классика плюс, 1999. – С. 88.

³ Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – С. 142–143.

⁴ Сейранян Б.Г. Ислам и духовенство в Саудовской Аравии // Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия: сборник научных статей, посвященный 60-летию В.В. Наумкина. – М., 2005. – С. 268–269.

Катализатором для приведения внешнего курса в соответствие с внутренним послужили трагические события 11 сентября 2001 г. После обнародования данных американских спецслужб о том, что из 19 террористов, угнавших самолеты, 15 были подданными королевства¹, саудовский истеблишмент сосредоточился на защите репутации «ваххабитского королевства», и именно по этой причине КСА стало инициатором чрезвычайной сессии Организации исламского сотрудничества (ОИС)² на уровне министров иностранных дел по терроризму, которая прошла в столице Малайзии Куала-Лумпуре 1–3 апреля 2002 г.³ Помимо очевидных причин, принятие Куала-Лумпурской декларации о международном терроризме, провозгласившей принцип «исламской солидарности»⁴, было необходимо Саудовской Аравии для сохранения нормальных связей внутри «мусульманского мира», перед которым королевство несёт прямую ответственность за возможность исполнения паломничества – одной из ключевых культовых практик, входящих в число так называемых «столпов ислама» (араб. أركان الإسلام).

Хадж и *умра* (малое паломничество) имеют особое значение не только для исламского вероучения, но и для внешней политики Саудовской Аравии. Организация паломничества играет важную роль как в экономике, так и в «мягкой силе» королевства. С одной стороны, ежегодный приток паломников обеспечивает приток финансов. В 2017 г. одна лишь *умра* принесла бюджету КСА более \$4 млрд, а *хадж* – около \$8 млрд, что, по мнению некоторых экспертов и аналитиков, делает эту отрасль вторым по величине источником дохода после экспорта углеводородов⁵. С другой стороны,

¹ CIA Document «DCI Testimony Before the Joint Inquiry into Terrorist Attacks Against the United States» [Электронный ресурс] // CIA. – Режим доступа: https://www.cia.gov/news-information/speeches-testimony/2002/DCI_18_June_testimony_new.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

² До 2011 г. – Организация Исламская конференция (ОИК).

³ The Extraordinary Session of the Islamic Conference of Foreign Ministers on terrorism [Электронный ресурс] // The Organization of Islamic Cooperation. – Режим доступа: http://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/final.htm (дата обращения: 10.03.2022).

⁴ Kuala Lumpur Declaration on international terrorism [Электронный ресурс] // The Organization of Islamic Cooperation. – Режим доступа: http://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/declaration.htm (дата обращения: 10.03.2022).

⁵ *Cochrane P.* The annual pilgrimage of Muslims to Mecca is a massive logistical challenge for Saudi Arabia, which has been making significant investment in infrastructure [Электронный ресурс] // Association of Chartered Certified Accountants (ACCA). – Режим доступа: <https://www.accaglobal.com/an/en/member/member/>

«индустрия хаджа» предполагает выстраивание сложной логистической системы, охватывающей все части «мусульманского мира». Визы для *хаджа* и *умры* выдаются консульствами Саудовской Аравии, а заявление на их получение подается через лицензированные профильным министерством КСА туристические агентства¹. Таким образом, Эр-Рияд в межгосударственных отношениях, помимо взаимодействия на уровне официальных ведомств, имеет обширные связи в сфере публичной дипломатии, в основе которых лежат религиозные вопросы.

Несмотря на значительную либерализацию визовой политики в рамках программы «Видение-2030», визы для паломников остаются особой категорией. На основе ряда соглашений ОИС Саудовская Аравия на каждый год устанавливает квоты на посещение Мекки и Медины, предполагающие 1 тыс. паломников на 1 млн всего мусульманского населения страны, но в силу статистических погрешностей и иных факторов саудовское руководство подходит к этому вопросу достаточно гибко. Российская Федерация, будучи страной – наблюдателем ОИС с 2005 г., также имеет свою квоту на *хадж* и *умру* – она определяется через Хадж-Миссию России по линии посольств и Министерства *хаджа* и *умры* КСА. Официально в РФ есть восемь лицензированных операторов, занимающихся организацией паломничества²: АВН ТУР, БУЛГАР-ТУР, ДУМ РТ ХАДЖ, «Марва-Тур», «Муслим Тур», «Сафа-Тур», «Умма Тревел» и ТФ «КАВКАЗ». Официальная квота для российских мусульман составляет 20,5 тыс. человек в год, но, как правило, это число, по согласованию с ОИС, изменяется в большую сторону. Например, до введения коронавирусных ограничений в 2019 г. из России в паломничество отправились 25 тыс. верующих³.

accounting-business/2018/07/insights/economics-hajj.html (дата обращения: 10.03.2022).

¹ Hajj Visa [Электронный ресурс] // Saudia. – Режим доступа: <https://www.saudia.com/before-flying/travel-information/hajj-and-umrah/hajj-visa> (дата обращения: 10.03.2022).

² Хадж операторы [Электронный ресурс] // Хадж-Миссия России. – Режим доступа: <https://hajjmission.ru/operators> (дата обращения: 10.03.2022).

³ 25 тыс. российских мусульман совершат хадж в этом году [Электронный ресурс] // Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ). – Режим доступа: <https://dumrf.ru/regions/77/event/15654> (дата обращения: 10.03.2022).

Нельзя сказать, что российско-саудовские отношения развиваются исключительно в положительном ключе. Кризисы, подобные тем, что возникали в период 1990–2000-х годов, периодически возникают и на современном этапе. Расхождения между Москвой и Эр-Риядом наблюдались на фоне «арабской весны» 2010-х годов, сирийского конфликта в 2015 г. и «ценовых войн» за котировки нефти на мировом рынке 2020 г. Однако за каждым подобным эпизодом непременно следовал процесс «разрядки», который был бы невозможен без поддержания постоянного диалога.

Вне зависимости от состояния двусторонних отношений Российской Федерации и Саудовской Аравии, константой прямых контактов оставались вопросы, связанные с организацией паломничества российских мусульман в Мекку и Медину. При этом *хадж* является важным элементом выстраивания отношений России не только с саудовским королевством, но и с «мусульманским миром». Межцивилизационный диалог необходим как для профилактики конфессиональных и этнических конфликтов внутри страны, так и для выстраивания более глубокой, учитывающей культурную специфику политики Москвы на Постсоветском Востоке, где начиная с периода 1990-х годов исламский фактор с каждым годом играет все более важную роль.

Список источников и литературы

1. *Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1993. – 399 с.
2. *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). – 2-е изд., расш. и доп. – М.: Классика плюс, 1999. – 672 с.
3. *Косач Г.Г.* Россия и Саудовская Аравия: эволюция отношений // Свободная мысль. – 2015. – № 6 (1654). – С. 129–142.
4. *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С., Филоник А.О.* Российско-саудовское политическое взаимодействие // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 4 (55). – С. 127–138.
5. *Киреев Н.Г.* Исламо-турецкий синтез государственной идеологии Турции // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 12 (294). – С. 69–83.
6. *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 312 с.
7. *Останин-Головня В.Д.* Саудовская Аравия и региональная суннитская солидарность // Сборник по итогам III Международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова. 2019 / под ред. В.А. Аваткова. – М., 2019. – С. 104–114.

8. *Сейранян Б.Г.* Ислам и духовенство в Саудовской Аравии // *Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, Древняя Аравия: сборник научных статей, посвящённый 60-летию В.В. Наумкина.* – М., 2005. – С. 258–273.
9. *Уолд Э.* SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 272 с.
10. Великий пост – 2022 (Аналитический обзор): Таблицы [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2022> (дата обращения: 10.03.2022).
11. Хадж операторы [Электронный ресурс] // Хадж-Миссия России. – Режим доступа: <https://hajjmission.ru/operators> (дата обращения: 10.03.2022).
12. Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на конец 2018 г. (Обновлено 22.04.2019) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/02-11.docx> (дата обращения: 10.03.2022).
13. 25 тысяч российских мусульман совершат хадж в этом году [Электронный ресурс] // Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ). – Режим доступа: <https://dumrf.ru/regions/77/event/15654> (дата обращения: 10.03.2022).
14. *Cochrane P.* The annual pilgrimage of Muslims to Mecca is a massive logistical challenge for Saudi Arabia, which has been making significant investment in infrastructure [Электронный ресурс] // Association of Chartered Certified Accountants (ACCA). – Режим доступа: <https://www.accaglobal.com/an/en/member/member/accounting-business/2018/07/insights/economics-hajj.html> (дата обращения: 10.03.2022).
15. Constitution of the Republic of Turkey [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi. – Режим доступа: https://global.tbmm.gov.tr/docs/constitution_en.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
16. CIA Document “DCI Testimony Before the Joint Inquiry into Terrorist Attacks Against the United States” [Электронный ресурс] // CIA. – Режим доступа: https://www.cia.gov/news-information/speeches-testimony/2002/DCI_18_June_testimony_new.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
17. Hajj Visa [Электронный ресурс] // Saudia. – Режим доступа: <https://www.saudia.com/before-flying/travel-information/hajj-and-umrah/hajj-visa> (дата обращения: 10.03.2022).
18. Kuala Lumpur Declaration on international terrorism [Электронный ресурс] // The Organization of Islamic Cooperation. – Режим доступа: http://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/declaration.htm (дата обращения: 10.03.2022).
19. The Extraordinary Session of the Islamic Conference of Foreign Ministers on terrorism [Электронный ресурс] // The Organization of Islamic Cooperation. – Режим доступа: http://ww1.oic-oci.org/english/conf/fm/11_extraordinary/final.htm (дата обращения: 10.03.2022).

Vladimir Avatkov,* Vasily Ostanin-Golovnya**
Religious factor and moslem pilgrimage
in Russian-Saudi relations

Abstract. In the 21st century, the religious factor began to play an increasingly significant role in world politics. This can be seen both in global and regional processes, and at the level of individual countries. The relations between Russia and Saudi Arabia are a confirmation of this thesis. Despite certain differences on a number of issues, Moscow and Riyadh have maintained close contacts since the early 1990s. The religious factor played an important role in the development of Russian-Saudi relations. After the collapse of the USSR, the Moslem peoples of Russia and the post-Soviet East were given the opportunity to make pilgrimages to the holy places of Islam in Saudi Arabia, which was directly reflected in the state policy of both countries.

Keywords: Saudi Arabia; Russia; post-Soviet East; religious factor; Russian-Saudi relations; Hajj.

Кудаяров К.А.¹
ВВЕДЕНИЕ В ОБОРОННУЮ ПОЛИТИКУ ТУРЦИИ.
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.08

Аннотация. В обзоре анализируются публикации девяти турецких специалистов, дающих представление о современной оборонной политике Турции, основных этапах ее развития и реализации. Авторы предоставляют исчерпывающую информацию теоретического и практического характера для лучшего понимания процессов, происходящих в военной сфере. Большое внимание уделено внутри- и внешнеполитическим процессам, предопределившим дальнейшее развитие турецкой оборонной политики, конечной целью которой является превращение Турецкой Республики в сильную региональную державу. Стратегическая

* Vladimir Avatkov, DSc(Political Science), Leading Research Associate, Department of the Middle and Post-Soviet East, INION RAS, Moscow, e-mail: v.avatkov@gmail.com

** Vasily Ostanin-Golovnya, Research Associate, Department of the Middle and Post-Soviet East, INION RAS, Moscow, e-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

¹ Кудаяров Каныбек Акматбекович, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, e-mail: kana8306@mail.ru

автономия, которой добивается официальная Анкара как в сфере военно-промышленного производства, так и в других секторах жизнедеятельности государства, — является неременным условием для достижения поставленной цели.

Характеризуемые в обзоре исследования претендуют на то, чтобы внести важный вклад в понимание логики, которой придерживается турецкое руководство в реализации своей региональной политики.

Ключевые слова: Турция; оборонная политика; оборонная промышленность; вооружение; военный конфликт; безопасность.

Введение

В последние годы оборонная политика и стратегии ее реализации становятся все более востребованной темой для обсуждения не только в экспертных и научных кругах Турции, но и привлекают внимание широкой общественности. Стремительное развитие турецкого военно-промышленного комплекса и определенные технические достижения в национальном оборонном секторе дают основания считать, что в этом направлении удалось добиться большого прорыва. Наметившийся тренд на усиление военной мощи произошел несколько десятилетий тому назад, а по некоторым сведениям, и гораздо раньше, являясь естественной реакцией турецкой власти на внешние и внутренние угрозы национальной безопасности. Сегодняшняя геополитическая ситуация по периметру внешних границ Турции лишь ускорила эти процессы и сформировала освещение данной проблематики в ее динамике, не уделяя при этом должного внимания ее вводной части и истокам формирования данного дискурса. Именно этот факт послужил причиной написания данной книги коллективом турецких экспертов, восполняющих некоторые пробелы в освещении данного вопроса.

Коллектив авторов во главе с Ферхатом Пиринчи и Муратом Ечильташем провел исследование оборонной политики Турции. Среди затрагиваемых аспектов значатся такие, как: оборона и международная безопасность (Рыфат Ёнджелъ); отношения обороны и вооружения (Ферхат Пиринчи); оборонная экономика (Селями Сезгин); оборонное планирование (Мехмет Хильми Оздемир и Нурсима Шанкулубей Байкал); новые оборонные технологии (Эрджюмент Карапынар); история турецкой оборонной промышленности до 1974 г. (Хюсю Ёзлю); развитие оборонной промыш-

ленности Турции в 1974–2020 гг. (Мэрве Сэрен); оборонные стратегии Турции (Мурат Аслан); политика Турции в области военного партнерства и оборонного сотрудничества (Рыфат Ёнджель); военная и оборонная стратегии Турции (Мурат Ещильташ).

Оборона и международная безопасность

Докторант Ближневосточного технического университета (Анкара, Турция) Рыфат Ёнджель полагает, что с точки зрения обеспечения безопасности многополярная система миропорядка представляется более стабильной по сравнению с однополярной. Поскольку первая, на его взгляд, снижает риск конфликта и расширяет сферы возможного сотрудничества. Свою позицию Ёнджель объясняет тремя моментами. Во-первых, по мере увеличения числа независимых участников в многополярных системах количество компромиссов будет увеличиваться, а возможности сотрудничества будут расширяться, снижая риск конфликта. Во-вторых, увеличение числа крупных держав в системе снизит риск конфликта за счет повышения порога напряженности, поскольку эти государства рассредоточат свои фокусы. Например, как это было между США и СССР во время холодной войны. Помимо аспекта безопасности шла также острая борьба, превращавшая противоположный лагерь во враждебный. Поскольку не было другой силы, которая могла бы бросить вызов материальным возможностям этих государств, все их внимание было сосредоточено друг на друге. В-третьих, уравновесить поведение акторов с помощью союзов будет легче, поскольку в системе предполагается наличие множества крупных держав. Таким образом, тенденции в области наращивания вооружений замедлятся и вероятность возможного конфликта между сторонами уменьшится, благодаря заключаемым альянсам и союзам, которые будут играть сдерживающую роль.

Согласно второй точке зрения, биполярные системы являются более стабильными по сравнению с многополярными и больше фокусируются на динамике союзнических отношений. Согласно этой точке зрения, чем больше в системе крупных держав, тем больше неопределенности и ненадежности. В то время как в многополярных системах крупные страны должны будут тратить время и ресурсы на координацию действий с союзниками и управление альянсом, в биполярных системах они могут создавать свои стратегии в соответствии со своими собственными расчетами [1, с. 12]. В биполярных системах малые государства больше зависят от

сверхдержав в вопросах безопасности и не могут проводить независимую политику. В однополярном мире страна-гегемон определяет зону безопасности исходя из своих собственных интересов. Независимо от поведения гегемона другие государства будут испытывать недоверие к гегемону из-за чрезмерной асимметрии власти и порождаемого этим чувства незащищенности. Это побуждает другие государства увеличить свою мощь либо создавать контр-коалиции.

Причина возникновения войн во многом объясняется анархией, преобладающей в международной системе, где отсутствует некий субъект, обладающий несравненно большей властью, чем остальные, и способный удерживать другие государства от применения силы. В таком случае конфликты между государствами будут иметь долгосрочный характер и способны перерасти в полномасштабную войну в силу отсутствия сдерживающих факторов [1, с. 16]. Одной из причин возникновения войн является создание ситуации, называемой «ловушкой Фукидида», т.е. наличия ситуации, когда стремительно развивающееся в экономическом и военном отношении государство начинает теснить другие (развитые) государства, оспаривая их права на некую привилегированную субъектность в международных отношениях. В результате формируется конкурентная во всех отношениях среда, наблюдается противостояние между относительно равными по мощи новыми и старыми геополитическими силами [1, с. 16], которое вполне естественно может перерасти в войну. В качестве примера уместно привести характер и динамику отношений между КНР и США, которые, по словам автора, непременно попадут в «ловушку Фукидида». Автор приходит к выводу, что не существует формулы, которая бы могла гарантированно предотвратить войну.

Отношения обороны и вооружения

Ферхат Пиринччи (Университет Улудаг, Бурса, Турция) полагает, что вооружение представляется одним из важнейших инструментов оборонной политики, если рассматривать его в контексте национальной и международной безопасности. Между обороной, вооружением и войнами существует неоспоримая взаимосвязь. Среди большого числа угроз безопасности государств наибольшую опасность представляют войны. Для противостояния подобным угрозам государства усиливают оборонный потенциал посредством активного вооружения. Вооружение является одним из

главных направлений для сотрудничества на международной арене начиная с XX века. Развитие оружейных технологий существенно повысило важность обороны в политике безопасности.

Взаимосвязь обороны и вооружения объясняется тем, что государства вооружаются для обеспечения внутренней стабильности, однако со временем их также начинает беспокоить и внешний фактор, связанный с нерешенными проблемами как по внешнему периметру своих границ (территориальные споры, идеологические конфликты, историческая неприязнь и т.д.), так и в более широком географическом ареале. Таким образом, вооружение становится не просто целью, а средством обеспечения защиты и безопасности [2, с. 47].

Вооружение одного государства может быть воспринято как сигнал для активизации аналогичного процесса у государства-оппонента и привести к определенной гонке вооружений. Под гонкой вооружений автор понимает соревнование между двумя и более государствами за военное превосходство. Эта конкуренция может быть вызвана как существующими проблемами обеспечения безопасности, так и другими объективными и субъективными причинами: например, недоверием и враждебностью между определенными государствами. Модель, разработанная Льюисом Ф. Ричардсоном для выяснения гонки вооружений в Первой мировой войне, внесла важный вклад в эту концепцию. Принимая во внимание деятельность основных стран в области вооружений, Ричардсон предсказал, что если вооружение будет превалировать над торговлей, то гонка вооружений будет прогрессировать и через некоторое время вызовет войну между сторонами. Под влиянием поведенческой школы Ричардсона было проведено множество математических анализов гонки вооружений в международных отношениях. Гонка вооружений ведет к союзу, а союзы в свою очередь усугубляют гонку вооружений. Фукидид в «Пелопоннесских войнах» сделал особый упор на союзы и гонку вооружений между Спартой и Афинами. Согласно Фукидиду, Спарта воспринимала усиление Афин и создание союзов как угрозу для себя и обратилась к увеличению своей военной мощи и заключению союзов, чтобы сохранить свое влияние. В работе Фукидида подчеркивается, что такая политика (имеется в виду гонка вооружений между Спартой и Афинами, установление союзов, сдерживание и многое другое) сыграла важную роль в возникновении войны [2, с. 50]. Исследования на теоретическом уровне показывают, что вооружение и союзы через некоторое время приводят к войне между со-

перничающими державами. Причем к войне прибегает сторона, которая боится потерять превосходство в гонке вооружений и считает необходимым нейтрализовать противника, пока для этого имеются военные возможности.

Немаловажным аспектом в гонке вооружений являются и методы вооружения. С давних времен и до сегодняшнего дня оружие считалось наиболее важным инструментом защиты от угроз. В отношении собственного производства оружия можно сказать, что здесь важны два момента: 1) государства не способны удовлетворять свои оборонные потребности и при этом не отставать от темпов развития оружейных технологий, не имея при этом необходимого экономического потенциала, поскольку научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в военной области требуют очень больших финансовых вливаний, а системы вооружений, произведенные в результате каждого предпринятого проекта, не всегда могут дать нужный результат. Следовательно, если у государства нет достаточных технологий и средств на их разработку и совершенствование, то ему остается только закупать вооружение, что, разумеется, является менее затратным [2, с. 60]. В качестве исключения стоит назвать Мексику, которая обладает необходимой экономической и технологической инфраструктурой для производства базовых систем вооружения, но не производит его; 2) многие государства продолжают свои инициативы по внутреннему производству вооружений, несмотря на эти затраты. К 1945 г. только США, СССР, Великобритания, Канада и Швеция производили эти системы вооружений. Однако уже к 1980-м годам более 50 стран мира предприняли попытки развивать базовые системы вооружений с помощью собственной оборонной промышленности. Здесь возникает дилемма между экономическими и стратегическими расчетами затрат, производимых государствами. Стратегически это оправдано, поскольку государство, производящее собственное вооружение, является более независимым и на внешнеполитическом поприще. Несмотря на экономическое бремя, развитая отечественная оборонная промышленность может положительно повлиять на экономическое развитие страны путем расширения экспортной линейки за счет продукции военного назначения. Еще одним существенным плюсом является то, что военная промышленность дает толчок для развития других экономических отраслей государства. Одним из методов производства вооружения является лицензионный, позволяющий не только сэкономить значительные средства государству – приобретателю

лицензии, но и в будущем производить свое вооружение на основе опыта, полученного за счет лицензионного производства. Другим методом производства вооружений является организация совместного производства со страной – обладателем технологий. Однако этот метод распространен в меньшей мере, нежели первый. Недостающие виды вооружений государства обычно приобретают за границей. В торговле оружием участвуют продавец, поставщик и покупатель. Нужно учитывать, что страны-продавцы и государства-покупатели сотрудничают лишь в случае отсутствия конфронтации между ними. Практически все страны – производители вооружений достигли четвертого технологического поколения в производстве военной продукции и 11-го этапа в области вооружений. В продаже вооружения поставщики часто руководствуются не только экономическими, но и политическими и стратегическими целями. В случае продажи военной продукции, сотрудничество на этом не заканчивается, поскольку требуется также проводить инструктаж по его использованию, организовывать тренинги, проводить своевременную модернизацию вооружения. Среди целей стран – поставщиков вооружений стоит отметить их желание оказывать влияние на страну-покупателя в том числе в качестве рычага давления на принимающую страну [2, с. 65]. Среди других выгод заметим, что в случае продажи вооружения стране, находящейся в состоянии войны с другим государством, производитель имеет возможность напрямую проверить технические характеристики новых образцов вооружения, лично не вступая в конфликты с одной стороны, и экономя на НИОКР – с другой [2, с. 66].

Оборонная экономика

Селями Сезгин (Сииртский университет, Сиирт, Турция) полагает, что важность и необходимость экономики обороны возросли в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Оборонный спрос, гонка вооружений, военные закупки, военные кадры, торговля оружием, оборонная промышленность, отношения развития и обороны – являются наиболее исследуемыми темами в оборонной экономике. Существует немало исследований, изучающих баланс между расходами на оборону и занятостью; отношения между развитием оборонного сектора и региональным развитием и т.п. При этом не проводились эмпирические исследования на предмет влияния расходов на оборону на объемы заимствований военно-технического и технологического характера в Турции. Однако было обнаруже-

но, что общие расходы на оборону, в том числе и расходы на оборонное оборудование, не повлияли на объемы заимствования, за исключением заимствований, связанных с импортом оружия [3, с. 79].

Спрос на оборону. Существует множество моделей, объясняющих определяющие факторы расходов на оборону. Вопросы внешней безопасности не являются главной заботой обороны в развивающихся странах, уступая место проблемам обеспечения внутренней безопасности. Хотя расходы на оборону в Турции производились в течение многих лет, внутренние, а не внешние угрозы были преобладающими. Наиболее важными факторами, определяющими расходы на оборону, являются возможности бюджета и степень ограниченности ресурсов. Основными детерминантами государственных расходов являются: ВВП страны и доходы населения. Расходы на оборону определяются в соответствии с доходом и структурой населения страны [3, с. 83]. Было проведено множество исследований на предмет выделения основных факторов, составляющих оборонные расходы в Турции. Согласно исследованию, охватывающему период 1949–1998 гг., национальные расходы на оборону определяются расходами на оборону НАТО, а также угрозами Турции, исходящими со стороны Греции. Однако в последние годы греческая угроза уступила место террористической опасности (как внутри, так и за пределами государства) в качестве фактора, определяющего расходы на оборону. Согласно исследованиям, проведенным в Греции, оборонные расходы Турции, по-видимому, по-прежнему являются основным фактором, определяющим оборонные расходы официальных Афин.

Как известно, странами с развитой и эффективной оборонной промышленностью являются именно высокоразвитые страны, в которых военно-промышленная отрасль развивается как определенный сектор, нацеленный на то, чтобы удовлетворить внутренние потребности страны в продукции военно-промышленного комплекса. Анализ оборонной промышленности затруднен тем, что он представляет собой сложную структуру, в которой сосредоточены комбинированные виды экономической деятельности. Важной отличительной особенностью таких предприятий / компаний является то, что они производят продукцию для государства и благодаря этому формируются монополистические рынки. Оборонные предприятия необходимо рассматривать не только как предприятия по производству оружия, но и как важную часть оборонно-промышленного комплекса, определяющую уровень расходов на

оборону. С этой точки зрения оборонная промышленность играет очень важную роль в защите страны [3, с. 90].

На сегодняшний день турецкие оборонные компании входят в сотню лучших в мире. В рейтинге журнала *Defense News* за 2020 г. количество турецких оборонных компаний достигло семи. Компания *Aselsan A.Ş.*, занявшая 48-е место в общем списке, является лидирующей турецкой компанией в оборонном секторе. Несмотря на то что она была основана еще в 1975 г., существенных изменений в обороте удалось добиться только в последние годы, доведя его до 2 млрд 172 млн долл. в 2019 г. Вторую строчку в общетурецком рейтинге занимает компания *Tusaş (Turk Havacilik ve Uzay sanayii A.Ş.)*, занявшая 53-е место. Далее следуют *BMC*, *Roketsan*, *STM*, *FNSS* и *Havelsan*, соответственно находящиеся на 89, 91, 92, 98, 99-м местах. Среди стран с наибольшим количеством компаний в Топ-100 Турция стала четвертой страной с семью компаниями, уступив США (41 компания), Великобритании (10 компаний) и КНР (восемь компаний).

Автор отмечает, что расходы Анкары на оборону составляли самую высокую долю в бюджете за период 1923–2004 гг. И лишь начиная с 2004 г. стали уступать первенство сфере образования. Примечательно, что уменьшение расходов на оборону происходит на фоне увеличения количества угроз (проблемы с Грецией в Восточном Средиземноморье, проблема Кипра, сирийский кризис, нестабильность в Ираке, армянская проблема и борьба с террористическими группировками (*FETÖ*, *DNKP-C*, *PKK*, *DEAŞ*)).

Оборонное планирование

Мехмет Хильми Оздемир и Нурсима Шанкулубей Байкал, представляющие анкарскую компанию *Savunma Teknolojileri Mühendislik ve Ticaret A.Ş.*, определяют термин «оборона» как всеобъемлющее понятие, которое может трактоваться по-разному применительно к разным дисциплинам. С военной точки зрения «оборону» можно определить как некую услугу, включающую в себя понятие «безопасность», которая оказывается вооруженными силами для защиты / устранения угроз с использованием имеющихся ресурсов. При рассмотрении «обороны» с политической точки зрения происходит ее обобщение (вместо обсуждения конкретных событий или деталей), что способствует отходу от первоначального значения данного термина. Переходя к определению термина «планирование обороны», следует сказать, что под ним

подразумевается действенный способ использования ресурсов, выделяемых на оборону для защиты национальных интересов, конечной целью которого является обеспечение желаемого уровня безопасности. По словам авторов, во времена, когда о концепции «асимметричной угрозы» не могло быть и речи, главной целью вооруженных сил было превосходить противника численностью в живой силе и вооружении. К примеру, долгосрочное оборонное планирование Пентагона во время холодной войны было очень простым: оно предусматривало изучение того, какие системы были на вооружении у СССР, после чего запускалось массовое производство аналогичных систем вооружения (самолетов, авианосцев, танков и т.д.).

Пересмотр планирования обороны. Изменения в планировании обороны связаны с важными историческими и геополитическими событиями, с процессами регионального и общемирового масштаба, усиливающими неопределенность в мире. К их числу можно отнести Вторую мировую войну, крушение Берлинской стены и распад СССР, окончание периода холодной войны, теракты 11 сентября 2001 г., крах иракского режима, события «арабской весны» и многое другое. К примеру, после распада Советского Союза американцы заявили, что СССР больше не представляет угрозы для Западной Европы и что планирование вооруженных сил НАТО следует рассматривать в контексте управления кризисами [4, с. 128].

Как полагают эксперты, сегодня мы находимся в среде, где изменения и преобразования, особенно в технологиях и реальной политике, происходят довольно быстрыми темпами, приводя к параллельному изменению среды безопасности и росту неопределенности. Специалистам по оборонному планированию следует понимать, что используемые ими подходы должны быть нацелены на создание гибких и эластичных планов. Планирование обороны должно вестись с учетом анализа уроков прошлого и реалий современности.

Новые оборонные технологии

Эрджумент Карапынар (Анкарский научный университет, Анкара, Турция) справедливо подчеркивает, что прогресс в науке и технологиях во многом обусловлен оборонными потребностями. Развитие различных технологических решений, основанных на кибернетических, квантовых, космических, био- и иных техноло-

гиях, – всерьез продвинуло оборонные проекты на качественно новый уровень. С четвертой промышленной революцией регулирующая роль промышленного сектора достигла высокого уровня. Развитие оборонных технологий изменило понимание и возможности государств в области проектирования. Карапынар уверен, что в эту новую эпоху искусственный интеллект (ИИ) достигнет невиданных размеров, особенно за счет сочетания машинного обучения, беспилотных систем и робототехники. На стратегическом и оперативном уровнях ИИ повысит четкость разведанных, оценит незначительные изменения в больших базах данных и уменьшит влияние человека на планы и решения [5, с. 146]. Процессы принятия решений будут меняться по мере того, как системы будут становиться все более автономными. Системы с искусственным интеллектом и автономные системы также изменят использование человеческой силы. По мере развития технологий все больше разработок будут приносить с собой инновации. Для государства важно повышать осведомленность о развитии оборонных технологий и, соответственно, иметь оборонные технологии высокого уровня.

Турецкая оборонная промышленность в период до 1974 г.

Хюсню Ёзлю (Университет национальной обороны, Стамбул, Турция) проводит анализ истории турецкой «оборонки» прошлого века, когда происходили наиболее важные события, определяющие динамику военной промышленности Турции. Османское государство сохраняло свое военно-технологическое превосходство до конца XVII в. Однако с XVIII в. оно начинает отставать от Европы и лишь с XIX в. начинает проводить политику по активному развитию оборонной промышленности. Наиболее динамичным в этом отношении представляется XX век, на который приходится зигзагообразное развитие турецкой оборонной промышленности, подвергшейся прямому влиянию внешнеполитических факторов. Например, вслед за стремительным ростом военного производства в начале XX в. последовало его сокращение (предписанное в рамках заключения Мудросского перемирия 1918 г.). Тем не менее дальнейшее создание военных заводов в Анатолии связано с начавшейся национальной борьбой Турции во главе с Ататюрком против войск оккупантов. Эти заводы впоследствии перешли под управление Главного управления военных заводов Турции, соз-

данного в 1921 г. В связи с условиями, сложившимися после Второй мировой войны в оборонном секторе, была создана новая (ведущая) организация – Корпорации машиностроения и химической промышленности (МКЕК). К 1940 г. был достигнут значительный прогресс в оборонной промышленности, однако помощь по «плану Маршалла» и «доктрины Трумена» привела в большинстве случаев к закрытию турецких военных предприятий, в то время как меньшая ее часть подверглась перепрофилированию. Таким образом, в 1950–1960-е годы оборонная промышленность Турции практически прекратила свое существование, поскольку в рамках американской военной помощи, с одной стороны, восполнялся военный инвентарь, но, с другой стороны, это тормозило развитие турецких военных заводов, уменьшая внутренние заказы и создавая бремя для бюджета. В этих условиях в 1968 г. пришлось преобразовать в текстильную фабрику авиазавод, производящий легкий транспортный самолет ТНК-5А. Такая же участь постигла и многие другие военные предприятия.

Только после кипрских событий (1974) начинается отсчет этапа возрождения турецкой оборонной промышленности. Кипрская миротворческая операция и эмбарго на поставки оружия, наложенное на Турцию после этой операции, выявили необходимость развития оборонной промышленности, основанной на национальных ресурсах [6, с. 175]. Несмотря на многочисленные сложности, стоящие на пути развития оборонного сектора, Турции удалось не только существенно продвинуться в данном направлении и добиться 75% импортозамещения военной продукции, но и перейти к экспорту своей военной продукции.

Турецкая оборонная промышленность с 1974 г. по настоящее время

Эксперт Мэрве Сэрен (Университет Баязида Молниеносного, Анкара, Турция) рассматривает положение современного турецкого ВПК, основы которого были заложены в середине 1970-х годов. Как известно, по причине помощи, оказываемой США Турции в 1940–1970-е годы, последняя к 1960-м годам превратилась в страну, зависимую в финансово-экономическом и военном отношении от США и НАТО. Однако с 1960-х годов, несмотря на все возможности и преимущества, которые Турция и ее союзники предлагали друг другу, в отношениях между ними начали возникать проблемы. В Турции стали накапливаться разочарования по поводу про-

водимой в отношении нее политики со стороны США и партнеров по Североатлантическому договору. Первый случай впадения турок в некую фрустрацию был связан с выводом Вашингтоном ракет «Юпитер» из Турции без уведомления официальной Анкары. Вторым неприятным для турецких властей моментом стали разногласия с американцами во время кипрских событий 1963–1964 гг., в которых США категорически были против использования Турцией военной помощи США для решения Кипрского вопроса (военной интервенции на Кипр). Кризис в турецко-американских отношениях стал стимулом для возрождения турецкой оборонной промышленности. Полному развороту турецкой политики в сторону поддержки собственного ВПК способствовали дальнейшие действия США. Например, американское эмбарго на поставки вооружения в Турцию на период 1975–1978 гг. не только в очередной раз обнажило проблему поставок вооружения западных образцов, но и актуализировало вопросы нехватки собственных ресурсов для их производства. Несмотря на существующие проблемы, именно в 1970-е годы заметно ускоряется индустриализация, проводившаяся под «эрбакановским» девизом «сделаем собственный танк и двигатель». В 1973 г. была создана компания TAI (Turkish Aerospace Industries), в 1975 – Aselsan и Tümosan.

Череда важных событий, происходящих с конца 1970-х годов, к числу которых относится Иранская революция (1979), советское вторжение в Афганистан (1979), Ирано-иракская война (1980–1988) и др. события, – повысили геополитическую и геостратегическую значимость Турции в НАТО, позволившую возобновить военную помощь Турции [7, с. 208]. Однако уже с 1990-х годов в этих отношениях отмечается очередной кризис, вызванный различиями в определении и подходах к решению проблем турецкой безопасности, поскольку борьба Турции с Рабочей партией Курдистана (РПК), незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия, нелегальной иммиграцией не получила достаточного внимания и поддержки со стороны ЕС и НАТО.

С начала 1980-х годов были созданы Aspilsan, Tusaş и др. оборонные предприятия. Несмотря на государственную монополию в оборонном секторе, с середины 1980-х годов частные компании начали поощряться к инвестированию в ВПК. В 1985 г. был принят закон N 3238, направленный на производство различных видов оружия, инструментов и оборудования для турецких нужд. Для развития и модернизации ВПК было создано Управление развития и поддержки оборонной промышленности (SAGEB). Турец-

кая оборонка сделала большой рывок вперед с созданием оборонных предприятий на проектной основе [7, с. 211].

В последние два десятилетия в основе понимания турецкой обороны и безопасности находятся три базовые концепции: «внутренняя концепция», «национальная концепция» и «концепция стратегической автономии». Основная особенность этих концепций заключается в удовлетворении внутренних военных потребностей за счет своих собственных ресурсов. Были достигнуты большие успехи в разработке и инвентаризации отечественных и национальных продуктов, таких как вертолет АТАК, вертолет общего назначения Hürkuş, танк Altay и Milgem. В перечень TAF (Turkish Air Force) вошли наземные, воздушные и морские платформы, такие как бронемшины, БПЛА, учебно-тренировочные самолеты, системы ПВО и т.д. Турецкая оборонная промышленность начала превращаться в новую структуру, которая ставит во главу угла такие модели закупок, как «совместное производство / передача технологий», «оригинальный дизайн» и «НИОКР», вместо практиковавшихся ранее «умных закупок» и «лицензионного производства». Уровень удовлетворения внутренних потребностей Турции вырос с 25% в 2002 г. до 70% к 2020 г. При этом продолжают процессы исследования, разработки, а также производства сложных технологических продуктов, количество которых стремительно выросло с 66 (2002) до 667 (2018). Пропорционально развитию отечественного ВПК растет и их финансирование, выразившееся в выделении в 2018 г. из государственного бюджета 60 млрд долл., из которых на нужды НИОКР приходится 1,45 млрд. Объем экспорта Турции в оборонной и аэрокосмической отрасли вырос с 248 млн долл. (2002) до 2,2 млрд (2018). Количество компаний, работающих в оборонной промышленности, увеличилось с 56 до 1500. Большим достижением является и то, что семь турецких компаний (Aselsan, Havelsan, Roketsan, TAI / Tusaş, STM, BMC, FNSS) смогли попасть в международный рейтинг Defence News Top 100, где представлено 100 ведущих производителей, занятых в оборонной отрасли.

Оборонные стратегии и политика Турции

Мурат Аслан (Университет Хасана Калионджу, Газиантеп, Турция) полагает, что стратегия безопасности и обороны Турции фактически определялась требованиями, продиктованными международными структурами во время холодной войны, и была

пригодна в условиях ведения обычной либо ядерной войны. Современная стратегия безопасности Турции изложена в «Документе о политике национальной безопасности» (MGSB), также известном как «Красная книга» (из-за цвета ее обложки). Что же касается стратегии ведения региональной войны, то она была разработана с учетом опыта кипрской проблемы в 1970-х [8, с. 230]. Однако начиная с 1990-х годов на первый план в рамках данной стратегии вышли угрозы сепаратистского терроризма.

В то время как оборонная политика определяет приоритеты, принципы и цели обороны, оборонная стратегия относится к методу реализации политики. Оборонная политика отражена в документе под названием «Национальная политика Турции» [8, с. 238]. Турецкая национальная военная стратегия (разрабатываемая Министерством национальной обороны и одобряемая президентом) определяет основные принципы военно-политического характера в соответствии с приоритетами, определенными MGSB. «Документ о политике национальной безопасности» разрабатывается Советом национальной безопасности при президенте Турции и охватывает теоретическую основу. Этот процесс включает три части: планирование защиты / обороны, управление защитой и ее осуществление. Управление обороной это системное выполнение процессов планирования, организации и укомплектования персоналом, ориентации и мониторинга / надзора, направленных на достижение цели [8, с. 244]. Планирование обороны проводится в штаб-квартире Министерства национальной обороны. Управление защитой осуществляется Высшим координационным советом оборонной промышленности (SSYKK), который обеспечивает координацию между министерствами. Также имеются Исполнительный комитет оборонной промышленности (SSIK), финансирующий закупки и принимающий руководящие решения, и Управление оборонной промышленности (SSB) при президенте, координирующее цепочку поставок. В процессе закупок SSYKK, SSIK и SSB основное внимание уделяется возможностям, требуемым военной стратегией в соответствии с MGSB. Десятилетняя программа закупок и поставок готовится / обновляется в соответствии с планом оперативных потребностей турецких вооруженных сил (TAF) и стратегическим целевым планом, подготовленным со ссылкой на военную стратегию Турции. Таким образом, MGSB, где разрабатывается стратегия безопасности Турции, и национальная военная стратегия, определяющая оборонную политику, составляют основу усилий по управлению обороной.

Политика Турции в области военного партнерства и оборонного сотрудничества

Рыфат Ёнджел (Ближневосточный технический университет, Анкара, Турция) полагает, что во время холодной войны Турция стремилась вступить в НАТО с целью получения долгосрочных гарантий безопасности. Однако турецкая заявка на вступление в НАТО дважды отклонялась по причине особой позиции Великобритании, не желавшей терять свое влияние на Турцию, а также из-за нежелания Скандинавских стран, опасавшихся втягивания Альянса в ненужные конфликты в случае принятия турецкого государства [9, с. 265]. Участие Турции в Корейской войне на стороне США, другие внешнеполитические действия официальной Анкары, а также собственные внешнеполитические интересы США способствовали включению Турции в НАТО. Американцы полагали, что потеря Турции (и Греции) приведет к потере Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Турция рассматривалась как ведущая страна в предотвращении распространения советского влияния на Ближнем Востоке. Однако письмо Линдона Джонсона Исмету Иненю (1964) сильно подорвало двусторонние отношения. Этим воспользовался СССР, который стал оказывать Турции большую материальную помощь. Подписанное в 1969 г. Совместное соглашение об обороне и сотрудничестве (*Ortak Savunma ve İşbirliği Anlaşması*, OSIA) ограничивало полномочия Вашингтона и передавало турецкой стороне права собственности на многие базы, построенные американцами и турками совместно, оставшиеся были определены как базы НАТО. Также соглашение запрещало военное присутствие США в Турции вне миссий НАТО.

Следующий кризис в турецко-американских отношениях был вызван введенным американцами эмбарго на поставки оружия (1975–1978) из-за кипрской миротворческой операции Турции в 1974 г. Турция, со своей стороны, также приостановила действие (OSIA). Это сильно ограничило возможности США по наблюдению за формированием и передвижением советских войск. С другой стороны, действия США заставили турецкое правительство задуматься над диверсификацией источников поставок оружия и уменьшением зависимости от американских военных технологий. Начались закупки вооружения в Италии (истребители, вертолеты, ракеты класса «воздух–воздух»), Германии и Франции (противотанковое вооружение, боевые танки, учебно-тренировочные само-

леты, торпедные катера и корабли противоминной защиты) [9, с. 275]. Турция осознала важность создания собственной оборонной промышленности для обеспечения своей безопасности. Для достижения этой цели турецкими властями начали предприниматься определенные шаги, среди которых не последнюю роль сыграло турецко-американское соглашение 1980 г., предусматривавшее американскую помощь в этом направлении (Savunma ve Ekonomik İşbirliği Anlaşması – SEIA). В рамках данной помощи в 1984 г. компания TAI основала Turkish Aerospace. Целями TAI были производство, системная интеграция и летные испытания самолетов F-16. В этом контексте TAI проработал с 1987 по 1995 г. На протяжении 1980-х годов Турция была третьей страной по объемам военной помощи, полученной со стороны США (после Израиля и Египта). В бытность президентом США Джимми Картер снял введенное эмбарго на поставки вооружения Турции. Однако это произошло во многом благодаря событиям на Ближнем Востоке, всерьез повысившим геостратегическое значение Анкары в глазах США и НАТО. Свержение шахского режима в Иране и вторжение СССР в Афганистан вызвали новые проблемы безопасности для Турции и США, создав вакуум безопасности на востоке Турции. Были модернизированы имевшиеся базы и открыты новые военные базы на востоке и юго-востоке Турции.

Распад СССР и исчезновение российской угрозы имели серьезные последствия для безопасности Турции. Потребность турок в американцах и «натовцах» уменьшилась, и Турция начала проводить более независимую внешнюю политику. После холодной войны НАТО превратилась из организации коллективной обороны в организацию коллективной безопасности. С 1994 г. Турция начала участвовать в программах НАТО «Партнерство ради мира (ПРМ)», а TAF – выполнять важные обязанности в операциях НАТО на Балканах. Тем не менее разное восприятие угрозы, различная ментальность, культурно-цивилизационные различия и многое другое – затрудняли реализацию различных аспектов турецко-американского сотрудничества. Это впоследствии еще неоднократно сказывалось в виде трудностей закупок американского вооружения для Турции, в создании которых большую роль играли конгрессмены армянского и греческого происхождения. Несмотря на эти факты, сотрудничество по модернизации истребителей F-16 и другой военной техники продолжалось.

Военная и оборонная стратегия Турции: цели, вспомогательные элементы и результаты

Мурат Ешилташ (Анкарский университет социальных наук, Анкара, Турция) полагает, что новые военная и оборонная стратегии Турции претерпели значительные изменения с тех пор, как «арабские события» начали менять региональный порядок на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Распространение негосударственных вооруженных группировок, ослабление традиционного государственного суверенитета, попытки пересмотра границ национальных государств в регионе, борьба за власть и опосредованные войны между странами по всей Северной Африке и Ближнему Востоку пошатнули среду безопасности и вынудили Турцию принять новую военную стратегию. Эта стратегия проявилась в быстро развивающихся трансграничных военных операциях Турции, а также в ее стремительно растущей оборонной промышленности. На трансформацию ее стратегии влияет целый ряд внутриполитических, региональных и международных событий. Не вдаваясь в подробности, лишь отметим, что в результате напряженной политической борьбы между турецкими правительством и армией, первому удалось одержать победу над вторым и передать в ведение гражданского правительства военный и оборонный секторы. Новое видение внешней политики, инициированное правительством, начало определять приоритеты оборонной промышленности, и в конечном итоге вооруженным силам пришлось смириться с проводимым курсом правительства и адаптироваться к новым условиям. На первом этапе правления Партии справедливости и развития (ПСР) (2002–2008) армия была единственным субъектом, который принимал независимые от правительства решения по вопросам внешней политики Турции с учетом своего собственного стратегического видения, сфокусированного на защите республиканского (кемалистского) режима [10, с. 298]. Однако в последующие годы ПСР изменила баланс в пользу демократизации военно-гражданских отношений. Военно-промышленная политика в Турции, попытка военного переворота 15 июля 2016 г. были поворотным моментом в истории военно-гражданских отношений Турции. После неудавшегося *coup d'état militaire* Министерство обороны стало высшим органом в процессе принятия военных решений, одним из первых решений которого была реорганизация структуры ТАФ. Благодаря переходу от парламентской системы правления к президентской (после референдума 2017 г.)

президент стал влиятельным игроком в военно-гражданских отношениях и оборонной архитектуре Турции. Оборонная промышленность стала восприниматься и развиваться как неотъемлемая часть инструментов «жесткой силы» Турции для получения большей стратегической свободы маневра против угроз безопасности в регионе. Новая стратегия Турции, сочетающая в себе усиленную оборонную промышленность и военную активность во время кризиса безопасности, проложила путь к более решительной позиции в области вооруженных сил и обороны. Ухудшение дипломатических отношений, а также рост тактических и стратегических различий в отношении сирийского конфликта и других региональных кризисов привели к тому, что турецкие руководители потеряли доверие к партнерству с западными странами, в то время как это оказало значительное влияние на военную и оборонную стратегию Турции. В контексте сирийского конфликта рост террористических организаций – Рабочей партии Курдистана (РПК) и ИГИЛ, усиление YPG (Отрядов курдской народной самообороны в Сирии, являющихся отделением РПК) – создали серьезную стратегическую проблему для национальной безопасности Турции. Эта ситуация вынудила Турцию принять более решительную военную стратегию для предотвращения экспансии и военной активности РПК-YPG. Второй доминирующей динамикой на региональном уровне была глубокая геополитическая враждебность между основными региональными державами, создающая очень ограниченную среду безопасности, в которой все региональные игроки принимают стратегические обязательства, ориентированные на безопасность. Одни игроки использовали прямое военное вмешательство в другие государства, другие – применили асимметричную стратегию конфликта и войны. Еще одним следствием нестабильности на громадном геополитическом поле, включающем Ближний Восток, Переднюю Азию и регион Магриба, стало возникновение трех геополитических осей: 1) Турция – Катар; 2) Египет – Саудовская Аравия – ОАЭ – Израиль; 3) Иран – Сирия. В то же время Россия, как полагает автор, изменила правила игры в сирийском кризисе, поставив под угрозу главные приоритеты безопасности Турции. Помимо геополитической и геоэкономической динамики в Средиземноморье, регионализация ливийского конфликта также внесла определенные изменения в стратегическую ориентацию Турции. Конкуренция на местном и региональном уровне, в том числе и за углеводородные ресурсы, вынудила Турцию реорганизовать свою военную и оборонную стратегию.

И, наконец, третий фактор, проявляющийся на международном уровне, где возрастает геополитическая конкуренция и возобновляется гонка великих держав, побудил Анкару принять решительную стратегию как во внешней политике, так и в политике безопасности, что, разумеется, изменило оборонные предпочтения Турции.

Стратегическая автономия. Концепция стратегической автономии не нова. Она появилась в сфере оборонной промышленности и долгое время была основной стратегической целью, определяющей вопросы обороны и безопасности. Стратегическая автономия означает способность государства преследовать свои национальные интересы и проводить предпочитаемую им внешнюю политику без ограничений со стороны других государств. Цели стратегической автономии также являются неотъемлемой частью регионального геополитического видения Турции, которое открывает второе измерение целей новой военной и оборонной стратегии. Турция пытается проявить себя в качестве одного из доминирующих игроков в своем регионе, добиваясь стратегической автономии. Эта внешнеполитическая цель стала превалировать в региональной стратегической ориентации Турции с 2002 г. В условиях отсутствия безопасности после «арабской весны» стремление Турции стать региональной державой приобрело новую стратегическую направленность. Ее военная и оборонная стратегии были перестроены в соответствии с этими новыми для турецкого государства целями. В то время как важные инвестиции в оборонную промышленность были направлены для обеспечения более решительной военной позиции, военная активность Турции стала еще заметнее в контексте ее региональной политики.

Для обеспечения безопасности большое значение имеют подготовка к военной службе и боевая готовность, способность вооруженных сил сражаться и выполнять поставленные задачи. Одним из важнейших элементов здесь выступает боевая готовность, под ней подразумевается управление вооруженными силами и их составными частями и соединениями, боевыми кораблями, самолетами, системами вооружения или другой военной техникой и оборудованием, которые будут использоваться во время военных операций или в соответствии с целями, предназначенными для них. Вторая не менее важная вещь – поддержка военной и оборонной стратегии Турции – наличие превентивной структуры и стратегии особенно в борьбе с терроризмом. Заключительным элементом военной и оборонной стратегии является демонстрация

военного сдерживания. Его характеристика – проекция силы, которая определяется как способность государства применять некоторые элементы военной мощи для быстрого и эффективного развертывания и поддержки своих сил в целях укрепления региональной стабильности, содействия сдерживанию и реагирования на кризисы [10, с. 321]. Учитывая стремление Турции стать региональной державой и определенный уровень развернутой мощи, миссии Турции по проецированию военной мощи можно разделить на две категории: операции с использованием «мягкой» военной силы и операции с использованием «жесткой» военной силы. К задачам проекции «мягкой силы» относились: защита морских коммуникаций, эвакуация гражданского населения в случае кризиса, гуманитарная помощь и миротворческие операции после стихийных бедствий. Задачи проецирования «жесткой силы»: символическое военное присутствие, демонстрирующее интересы, использование угрозы применения военной силы для сдерживания потенциальных врагов, использование карательной или наступательной силы и военное вмешательство. Как полагает автор, стратегия передового военного развертывания Турции является наиболее важным и конкретным стратегическим шагом в проецировании мощи и должна рассматриваться как неотъемлемая часть ее стратегических приоритетов в прилегающих к ней районах. Например, военная миссия Турции в Сомали представляет собой инструмент «мягкой силы», в то время как турецкая политика в Катаре и Ливии являются проявлениями ее стремления стать региональной державой.

Заключение

Чтобы преодолеть проблемы безопасности и геополитические вызовы, Турция усилила военную составляющую в своей внешней политике и перешла к активным военным действиям в зонах турецких жизненно важных интересов. Во многом это стало возможным благодаря развитию отечественной оборонной промышленности. Выбранная Турцией стратегия, направленная на решение краткосрочных и среднесрочных внешнеполитических задач, пока вполне себя оправдывает. Тем не менее нужно понимать, что военная и оборонная стратегии Турции не должны нести серьезных политических, экономических и иных издержек самому государству. При этом также важно поддерживать действующий курс на развитие высокотехнологичного производства и обеспе-

чить необходимую для этого ресурсную базу. Динамика и география военных действий ни в коем случае не должны выходить за рамки, приемлемые для турецкой стороны. Поскольку это может, с одной стороны, истощить материально-техническую базу, без которой мобильность и активность ведения дальнейших военных действий будут в значительной степени затруднены. С другой стороны, восстановление военной техники турецких военных частей представляется весьма затратным. Как полагает автор, важно регулировать связь между внешней политикой и военной стратегией, исходя из характера конфликта, количества и состава участников, вовлеченных в кризис, а также характеристик военной оперативной среды.

После «арабских событий» стратегическая среда Турции была ареной конфликтов, конкуренции и ограничений, где государственные и негосударственные субъекты сражались друг с другом. В данных условиях решительная военная стратегия Анкары оценивается как лучший способ обеспечить ее безопасность и разрешить геополитические проблемы. Однако опора Турции на военную составляющую в своей политике как на единственный инструмент для преодоления своих геополитических проблем неминуемо приведет к формированию коалиции против Анкары. И это представляется еще одним серьезным вызовом для Турции. Контркоалиция – естественное следствие военного и геополитического соперничества. Решительные военная и оборонная стратегии Турции также открывают путь для различных видов контркоалиционных движений, которые могут привести к высоким стратегическим издержкам. Они способны нанести серьезный ущерб интересам Турции в ее геополитической среде.

Список литературы

1. Ёнджель Р. Оборона и международная безопасность. *Öncel R. Savunma ve uluslararası güvenlik // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.).* – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 13 – 42. – Турец. яз.
2. Пиринччи Ф. Отношения обороны и вооружения. / *Pirinççi F. Savunma ve silahlanma ilişkisi // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.).* – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 43 – 74. – Турец. яз.
3. Сезгин С. Оборонная политика. / *Sezgin S. Savunma ekonomisi // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.).* – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 75 – 102. – Турец. яз.

4. Özdemir M.H., Baykal N.Ş. Savunma planlaması // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.). – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 103 – 134. – Турец. яз.
5. Карапынар Э. Новые оборонные технологии. / Karapınar E. Gelişen Savunma teknolojileri // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.). – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 135 – 166. – Турец. яз.
6. Ёзлю Х. История и основание: турецкая оборонная промышленность в период до 1974 года / Özlü H. Geçmiş ve kuruluş : 1974 öncesi döneminde türk savunma sanayii // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.). – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 167 – 192. – Турец. яз.
7. Сэрен М. Расширение и подъем: турецкая оборонная промышленность с 1974 года по настоящее время / Seren M. Genişleme ve yükseliş : 1974'ten günümüze türk savunma sanayii // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.). – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 193 – 224. – Турец. яз.
8. Аслан М. Оборонные стратегии Турции. / Aslan M. Türkiye'nin savunma stratejileri ve politikaları // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.). – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 225 – 252. – Турец. яз.
9. Ёнджель Р. Политика Турции в области военного партнерства и оборонного сотрудничества / Öncel R. Türkiye'nin ittifak politikaları ve savunma iş birlikleri // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.). – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 253 – 282. – Турец. яз.
10. Ецильташ М. Военная и оборонная стратегия Турции: цели, вспомогательные элементы и результаты / Yesiltas M. Türkiye'nin askeri ve savunma stratejisi: hedefler, destekleyici unsurlar ve sonuçlar // Savunma politikasına giriş / Pirinççi F., Yeşiltaş M. (ed.). – İstanbul : SETA Kitapları, 2021. – P. 283 – 317. – Турец. яз.

Kanybek Kudayarov*

**Introduction to Turkey's defense policy.
(Analytical Review)**

Abstract. The review analyzes the publications of nine Turkish specialists who give an idea of the modern defense policy of Turkey, the main stages of its development and implementation. The authors provide comprehensive theoretical and practical information for a better understanding of the processes taking place in the military sphere. Much attention is paid to the domestic and foreign policy processes that predetermined the further development of the Turkish defense policy, the ultimate goal of which is to transform the Republic of Turkey into a strong regional power. Strategic autonomy, which official Ankara seeks both in the field of military-industrial production and in other sectors of the state's life, is an indispensable condition for achieving this goal.

* Kanybek Kudayarov, PhD(History), Research Associate, Asia and Africa Department member, INION RAS, e-mail: kana8306@mail.ru

The studies described in the review claim to make an important contribution to understanding the logic that the Turkish leadership adheres to in implementing its regional policy.

Keywords: Turkey; defense policy; defense industry; armament; military conflict; security.

Погорельская С.В.¹ ИСЛАМ И НОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГЕРМАНИИ

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.09

***Аннотация.** Последние два десятилетия Федеративная Республика Германия усиленно пытается интегрировать свою мусульманскую общину в существующий правовой порядок. Каким образом в стране, никогда не имевшей коренного мусульманского населения, сложилась настолько разветвленная и многообразная диаспора, что государство вынуждено искать с ней диалог? Влияет ли ислам на новую идентичность Германии?*

Проанализировав формирование диаспоры и представленные в ней силы, от умеренных до исламистских, а также меняющуюся государственную политику по отношению к исламу, автор приходит к выводу, что ислам не сможет стать частью немецкой идентичности. Государство в настоящее время интегрирует умеренный ислам в существующий правовой порядок, отсекая и маргинализируя радикальные части диаспоры, что могло бы создать предпосылки для усиления культурного проникновения. Однако сама мусульманская диаспора слишком разнородна, чтобы иметь общую идентичность. В ней представлены разные этнические группы и разные, иной раз враждующие, направления ислама. «Гибридные идентичности» как медиумы внедрения ислама в общественное сознание в Германии редки, это лица интеллектуальных профессий или политики. Ислам не имеет в стране тех глубоких исторических корней, которые имеют христианство или иудаизм, и не внес в ментальность общества определяющего культурного вклада. Миссионерская деятельность среди немцев, ведущаяся местными исламистами, перечеркивается террористическими атаками заезжих джихадистов, стремящихся не обращать, а воевать.

¹ Погорельская С.В., кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, e-mail: pogorelskaja@yahoo.de (ORCID: 0000-0001-9208-5889, GND: 115267158)

Таким образом, даже прекратив быть религией мигрантов и иностранцев, ислам не сможет в обозримом будущем изменить идентичность Германии.

Ключевые слова: Германия; ислам; «немецкий ислам»; немецкая идентичность; гибридная идентичность; исламизм.

В 2010 г. нерв немецкого общества затронули слова Федерального президента ФРГ, консервативного политика Кристиана Вульфа, произнесенные им в речи по случаю 20-летия объединения двух германских государств: «Ислам принадлежит к Германии»¹. Они вызвали недоумение не только его христианско-демократических однопартийцев, не желавших видеть эту религию частью германской идентичности, но и ряда радикальных исламских организаций в стране, не желавших к Германии принадлежать. И тем не менее эти слова наилучшим образом характеризовали сложную и противоречивую ситуацию, в которой оказалась германская политика в начале нового тысячелетия в связи с внутригерманским исламом.

После террористических актов 11.9.2001, манифестировавших окончательное наступление эпохи новых конфликтов, западные демократии впервые всерьез обратились к собственным мусульманским диаспорам. В годы противостояния блоков исламский мир находился в тени конфликта общественно-политических систем, «социализма» и «капитализма», в новых же условиях он стал актором «конфликта цивилизаций». Для немцев было настоящим откровением, что один из главных участников террористического акта в Нью-Йорке, студент Мухаммед Атта, приехавший в Германию из Египта изучать физику, радикализовался уже в Германии, в Гамбурге, в кругах, сформировавшихся вокруг местной мечети, принадлежавшей радикальному исламскому союзу, и там же был завербован «Аль-Каидой».

В течение почти полувека, прошедшего после организованного въезда в Германию первых турецких «гастарбайтеров» (само название которых подразумевало их временный, гостевой статус) и, позже, политических беженцев из исламских стран, в стране

¹ «Ислам между тем уже тоже принадлежит к Германии». См.: Wulf Ch. “Der Islam gehört zu Deutschland”. – Handelsblatt 3.10.2010, S.3 – Mode of Acces: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/wulff-rede-im-wortlaut-der-islam-gehoert-zu-deutschland-seite-3/3553232-3.html>

стихийно сложилась и разрасталась многообразная и мультиэтническая мусульманская диаспора, с развитой системой не только религиозных, но и культурных и общественных организаций и союзов, охватывающих практически всю повседневную жизнь мусульманского населения. Поскольку, по мере усиления роли ислама в мировом процессе, радикальная составляющая этой диаспоры начала усиливаться, перед немецкой политикой встала неизбежная задача – интегрировать умеренный ислам в государственный правовой порядок, пока его не интегрировал в себя исламизм. Однако станет ли интегрированный ислам частью современной немецкой идентичности? Иными словами, станет ли ислам в Германии «немецким исламом»¹?

В предлагаемой статье процесс интеграции мусульман будет рассмотрен именно в идентитарном контексте.

* * *

Вопрос о том, что есть «немецкость» – традиционный для немецкого мышления. Он занимал поэтов, мыслителей, политиков по мере консолидации двух последних рейхов и был неразрывно с этой консолидацией связан. Возникшая в силу раздробленности тенденция «немецкости» прежде всего в культурном, а лишь затем в государственном измерении, усиливалась или, наоборот, ослабевала в связи с геополитической ситуацией страны, изменением ее границ, численностью компактно проживающих этнических групп, то оказывавшихся «за рубежом», то вновь становившихся частью страны, а также в связи с культурной силой немецких диаспор². Тем не менее понятие «культурная нация» всегда несло в себе компонент государственного мышления, подразумевающего либо объединение культурных немецких пространств в государственное единство либо же, если сил или возможностей для этого нет, идентитарную связь этих пространств с Германией³.

¹ «Ислам в Германии – немецкий ислам», – под таким лозунгом в 2007 г. стартовала Исламская конференция ФРГ (постоянно действующий форум под эгидой МВД ФРГ). DIK – Deutsche Islam Konferenz – Startseite (deutsche-islam-konferenz.de).

² Например, немецких диаспор в Южной Америке.

³ Например, понятие «немецкий Восток» подразумевает отнюдь не бывшую ФРГ, а регионы Восточной Европы, сформировавшиеся под немецким культурным влиянием или же являющиеся местом компактного проживания немецких

С концом Третьего рейха концепция «крови» и «почвы» была вытеснена из политического обихода, как и целый ряд более безобидных концепций и понятий, дискредитировавших себя в силу их употребления гитлеризмом. Составляющей частью насаждавшейся с поддержкой западных союзников новой немецкой идентичности стало чувство вины, так называемой исторической вины за развязывание Второй мировой войны и за преступления гитлеризма. «Национальные» понятия (например «национальные интересы») были табуизированы, сама тема «немецкости» была вытеснена из общественного дискурса и в считавшихся «приличными» кругах не обсуждалась¹. Даже патриотизм западным немцам предписывался не национальный, а «конституционный», означавший верность не национальному государству и не национальной идее, а демократической конституции страны, ее Основному закону².

Общественный, а следовательно, и научный и политический дискурс Западной Германии в вопросах «немецкости» в годы, когда в стране между делом стихийно формировалась мусульманская диаспора, определялся интеллектуалами франкфуртской школы (от Адорно до Хабермаса). «Сумрачным сердцем» (как образно пишет Травни) той немецкой идентичности, которую исповедовала общественность [Trawny, с. 25] со времен Адорно, был Аушвиц (Освенцим), т.е. немецкая историческая вина. Ущемлять в этих условиях иностранцев, да еще к тому же бедных и малоразвитых, но дружественных в их культурном разнообразии, казалось просто невыносимым. Да ими особенно и не интересовались. Ведь иммиграционное законодательство было построено так, что при всей либеральности в вопросах культурных привычек и права на свои идентичности обосноваться иностранцу в стране на постоянном базисе было нелегко.

Действительно, будучи отвергнута принципиальной политической, концепция «крови» осталась в иммиграционном законодательстве, пусть и в формальном виде. Право в любом случае быть

этнических групп. Забота о сохранении «культурного наследия немецкого Востока» – часть германской внешней политики.

¹ Об этом хорошо пишет вуппертальский философ Петер Травни: Trawny P. Was ist Deutsch. Adornos verratenes Vermächtnis. – Mathes & Seitz. – Berlin, 2016. – 112 S.

² Наиболее известные авторы в теме конституционного патриотизма: Дольф Штернбергер (консервативный вариант), Юрген Хабермас (леволиберальный вариант).

принятым страной сразу на постоянное жительство и со всеми видами социального обеспечения имели только немцы, проживавшие за рубежом именно как немцы по крови, сохранившие язык и культуру и способные это доказать. Более того, в эпоху противостояния блоков положение о «поздних переселенцах», т.е. немцах, въезжающих в страну уже после массивных и вынужденных переселений первых послевоенных лет, открыло двери в ФРГ немцам из Восточной Европы и даже из бывшего СССР.

Других иностранцев Германия на постоянной основе не принимала. Возможность натурализации осуществлялась через индивидуальные лазейки типа воссоединения семей, браков, через бизнес, реже – через длительные трудовые отношения. Реже потому, что иностранцев, после запрета на ввоз рабочей силы в 1973 г.¹, брали на сроки, не перешагивающие времени, после которого с рабочей визой можно было претендовать на постоянный вид на жительство. Поскольку такая натурализация происходила всякий раз в индивидуальных случаях и главной заботой служб по делам иностранцев являлось сокращение числа таких случаев, систематической интеграции новых жителей в немецкое правовое, гражданское и культурное пространство государством не предусматривалось. Затраты на интеграцию оправдывают себя лишь в том случае, если государство является так называемой «принимающей страной», т.е. имеет критерии, по которым она принимает большие контингенты иностранных мигрантов на постоянное жительство.

Таким образом, масса мусульманского населения, кроме незначительного числа натурализовавшихся, в западногерманские времена, да и в первые годы после воссоединения, считалась пребывающей в стране временно. В этой временности сложилось постоянство диаспоры, живущей в стране поколениями, но не являющейся ее частью.

Формальная «временность» пребывания мусульманского населения в стране, с одной стороны, облегчала жизнь государству – не нужно было заботиться об интеграции этих масс, достаточно было следить за статусом пребывания и выдворять тех, у кого он истек. С другой же стороны, она, перейдя, так сказать, в состояние «постоянной временности», привела к созданию параллельных обществ. Мусульманская община имела практически всю нужную для жизни инфраструктуру – от потребительской до обществен-

¹ До 2004 г. действовал норматив «Регулятор исключений к запрету», разрешавший ввоз малоквалифицированной рабочей силы по временным договорам.

ной и даже образовательной. Поскольку в школах в рамках предмета «религия» ислам не преподавался, дети школьного возраста посещали в мечетях (которые содержались мусульманскими союзами и получали мулл из-за рубежа) школы Корана. Работали и частные школы для мусульман, например, известная Академия короля Фахда в Бонне, содержавшаяся саудитами на принадлежавшем им земельном участке. По данным немецких спецслужб, многие известные им исламисты посылали своих детей в эту школу¹.

Структура диаспоры была непроницаема, в ее глубинах создавались целые «халифаты», например вокруг семьи Капланов из Турции. Метин Каплан, знаменитый «кёльнский халиф», десятилетия жил в Германии, как и его отец Джемаледин, со статусом «политического беженца», а в Турции был в розыске за терроризм². Когда немецкое государство наконец-то занялось исламом, именно Метина СМИ приводили в пример как «проповедника ненависти» (Hassprediger) – в своих проповедях он долгие годы призывал паству «превратить своих детей в острие копья, нацеленного в неверных».

Различные организации мусульманского населения были объединены в союзы. Самый крупный, «Дитиб», союз той лояльной и Германии и Турции части турецкой диаспоры, которая составляет ее большинство и берет свои истоки от «гастарбайтеров», непосредственно связан с турецким государством и получал в свои мечети муфтиев, назначаемых из Турции. Другой крупный союз турецкой диаспоры – Милли Гёруш, напротив, представлял радикальные силы, стоящие в оппозиции турецкому режиму и в истоках своих объединял тех, кто жил в стране со статусом «политических беженцев». Многие входящие в него организации находятся под наблюдением спецслужб в силу их исламизма.

Кроме того, существовали менее крупные союзы, представлявшие иные направления ислама и другие этнические группы.

¹ Именно в силу этого в 2017 г. она была окончательно закрыта, а участок перекуплен городом для своих нужд. См.: Stadt Bonn hat Saudi-Arabien ein Angebot gemacht // Generalanzeiger Bonn. – 26. Januar 2021. – Mode of Acces: https://ga.de/bonn/bad-godesberg/stadt-bonn-hat-saudi-arabien-ein-angebot-gemacht_aid-55871491

² Движение «Государство Халифат» Джемаледина Каплана, оно же «Союз исламских объединений», как радикальное ответвление Милли Гёрюш (1984), выступало за создание в Турции «исламского государства» и было запрещено в Германии лишь в 2002 г. После запрета большинство его 4 тыс. членов пополнили салафитские группировки.

Большинство союзов составили две конкурирующие головные организации «Исламский совет Германии», объединяющий организации турецких суннитов, и «Центральный Совет мусульман Германии», в котором в основном представлен арабский ислам.

Идентитарные процессы внутри мусульманской общины мало интересовали государство и общество, разве что к середине 1990-х годов социологи обратили внимание, что в отличие от второго и третьего поколения «гастарбайтеров», стремившихся интегрироваться в жизнь Германии на более высоком уровне, нежели стоявшие у заводских конвейеров родители, и давшее диаспоре плеяду турецких учителей, врачей, журналистов и даже политиков, у четвертого поколения, у молодежи, наблюдается обратное развитие – приверженность своей турецкой идентичности и исламу, причем нередко в радикальной форме.

Эти процессы чаще всего объясняли кризисом идентичности, жизнью между двумя столь различными странами, как Турция и Германия, связанным прежде всего с тем, что большинство в диаспоре обладали не немецким гражданством, а той или иной формой вида на жительство или разрешения на пребывание, которое регулярно следовало продлевать. К тому же диаспора постоянно пополнялась новыми членами, поскольку и жен и мужей выросшим в Германии детям предпочитали брать из Турции, из тех сельских регионов, откуда вышли когда-то первые «гастарбайтеры». Кроме того, с приходом к власти Эрдогана турецкое государство начало уделять особое внимание живущим в Германии соотечественникам, сам Эрдоган, будучи в Германии с официальными визитами, несколько раз использовал их для выступления перед турецкой диаспорой с призывами не забывать свои корни.

Теоретики пытались изыскать некую «гибридную идентичность»¹, гармонично связывающую этническое происхождение и немецкую социализацию, однако как раз в случае четвертого поколения турецкой диаспоры это понятие не работало. Достаточно сказать, что значительная часть молодых мужчин, согласно опро-

¹ Понятие «гибридная идентичность» подразумевало одновременную принадлежность сразу к нескольким идентичностям. См.: Foroutan N. *Hybride Identitäten – muslimische Migrantinnen und Migranten in Deutschland und Europa* // *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 23.1.2009. – Mode of Acces: <https://www.bpb.de/apuz/32223/hybride-identitaeten-muslimische-migrantinnen-und-migranten-in-deutschland-und-europa>

сам, считала своим президентом Эрдогана¹, Меркель же как главу государства просто не воспринимала. «Мы – Германия!» – скандировали в 2016 г. в Кёльне десятки тысяч турок, восторженно приветствуя Эрдогана². Можно также вспомнить, сколько угроз из диаспоры получили турецкие депутаты бундестага (в основном из партии Зеленых), голосовавшие в 2016 г. в резолюции в связи со 100-летием геноцида армян в Османской империи³.

Таким образом, концепция «мультикультурализма», или, как его ласково называли левые либералы, «мульти-культи», принималась и государством и обществом, причем причины, по которым «мульти-культи» терпели, были взаимоисключающие. Общественно-политический мейнстрим, определяемый леволиберальными интеллектуалами и догматом немецкой исторической вины, понимал новую «немецкость» как принципиальную открытость иным народам и культурам, иммиграционное же законодательство позволяло надеяться, что все эти народы и культуры на территории Германии долго не задержатся. По сути своей «мульти-культи» подразумевал мирное и дружелюбное сосуществование в рамках одного государства множества широко понятых «культур» (религию при этом тоже считали «культурной особенностью»), разумеется, на базисе общего для всех правового порядка.

Долгое время мусульманская община жила в «закукленном» состоянии, и власти это не волновало. Плохо стало, когда из куколки выпорхнула бабочка – ислам в Германии окреп настолько, что почувствовал себя вправе заявить о своих претензиях к государству, начать миссионировать «неверным». Если в 2004 г. (год приема нового иммиграционного закона) в Германии проживали более 3 млн мусульман (из которых лишь 750 тыс. имели немецкое

¹ Эта тенденция появилась с первой речи Эрдогана в Кёльне в феврале 2008 г. и отслеживалась в последующие годы; см., например: Demirkan O. Sie wählen ihre Heimat, nicht Erdogan // Handelsblatt, 08.03.2017. – Mode of Acces: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/deutsch-tuerken-durchtrennt-nicht-eure-bande-zur-tuerkei/19485102-2.html>

² Pfizner F. Erdogans Anhänger in Köln: Wir sind Deutschland // Osnabrücker Zeitung, 31.07.2016, Demonstrationen: Erdogan-Anhänger in Köln: „Wir sind Deutschland“ (noz.de)

³ Все 11 депутатов с турецкими корнями, проголосовавшие за осуждение Турции, подверглись оскорблениям и угрозам убийства. См.: DPA. Armenien-Resolution. Mordaufrufe gegen Bundestagsabgeordnete. – Die Zeit, 6. Juni 2016. – Mode of Acces: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2016-06/tuerkei-recep-tayyip-erdogan-armenien-resolution-morddrohungen>

гражданство) и работали около 3 тыс. мечетей (из которых около 100 были под наблюдением спецслужб в связи с пропагандой исламизма)¹, то в последующие годы их число росло, более того, под мечети стали переоборудоваться покинутые из-за нехватки паствы христианские церкви. Турецкие родители, исповедующие ислам, все чаще выдвигали иски против школ, требуя освобождать дочерей от уроков плавания или же от экскурсий с ночевками, мусульманские женщины вели процессы против работодателей, требуя разрешения носить хиджаб на работе, более того, в судах мусульманские адвокаты начали ссылаться на «шариат» как на часть идентичности.

Усиление исламского сознания внутри страны шло рука об руку с повышением значимости исламского фактора в мировом политическом процессе. Разумеется, открытый исламизм и джихадизм в Германии постоянно находились в поле зрения спецслужб, однако публично проблема была признана лишь после 11.9.2001, когда стало известно, что один из главных исполнителей террористического акта, Муххамед Атта, студент из Египта, изучавший физику в Гамбурге, радикализовался и вышел на контакт с эмиссарами «Аль-Каиды» уже в Германии, в исламистских кругах, «тусовавшихся» вокруг местной мечети, содержавшейся в то время «Арабским культурным союзом»². В срочном порядке был принят новый закон о въезде и пребывании (2004), подготовленный уже давно, но долгие годы обсуждавшийся в бундестаге и тормозившийся Советом федерации. Он связал натурализацию с интеграцией. Концепцию «мульти-культи» стали сворачивать, хотя и с большим трудом преодолевая серьезное сопротивление левых интеллектуалов. Лишь в 2010 г. Меркель публично подтвердила полный отказ от нее³.

¹ Эти данные приводил один из ведущих консервативных политиков тех лет, Вольфганг Босбах, в своей речи в бундестаге, см.: Bosbach W. Rede des stellvertretenden Vorsitzenden der CDU/CSU Bundestagsfraktion Wolfgang Bosbach MdB in der Debatte des Deutschen Bundestages am 02. Dezember 2004. S.4, S.7. – Mode of Acces: https://wobo.de/politische_arbeit/reden/rede-antrag-islamismus-02122004.pdf

² Мечеть, после долгих проволочек, была закрыта властями лишь в 2010 г., в связи с непрекращающейся активностью джихадистских группировок вокруг нее. Примечательно, что пятничную молитву там вел сириец с немецким гражданством, находившийся в Испании в розыске в связи с террористическими атаками в Мадриде, но не выдаваемый Германией в силу формальных правовых препятствий.

³ «Мультикультурализм в Германии потерпел абсолютный крах» – цитата из речи Ангелы Меркель в Потсдаме на съезде Молодого союза, DPA. Merkel

Выдворить накопившуюся десятилетиями массу методами правового государства было невозможно: процесс по выдворению одного лишь Метина Каплана, несмотря на откровенную исламскую радикальность и на враждебность этого «политического беженца» конституционному строю Германии, длился несколько лет. Кроме того, далеко не все радикалы были мигранты. Многие обладали уже немецкими корнями, а некоторые, например известный салафист Пьер Фогель, вообще были этническими немцами, конвертировавшимися в ислам.

Поэтому в своей новой политике по отношению к исламу государство пошло единственным верным в данной ситуации путем – переговоры и интеграция. Под эгидой МВД с 2007 г. начал работать постоянный институт диалога – Исламская конференция (DIK, Deutsche Islam Konferenz). К участию в ней были приглашены как самые крупные исламские союзы¹, так и представлявшие не охваченных организацией мусульман, интеллектуалы мусульманского вероисповедания. Государство предложило интегрируемому исламу ряд удобств в обмен на некоторые уступки. Неинтегрируемый же ислам подлежал политической маргинализации и тихому удушению на правовых путях. За годы, прошедшие с начала работы Исламской конференции (работы, осложненной противоречиями между меняющимся руководством МВД и участвующими в конференции союзами), удалось тем не менее договориться об обучении муфтиев в Германии (основной источник радикализации – проповедники из-за рубежа), а пока что об экзамене на знание немецкого языка для приезжающих. Несколько исламских союзов (принадлежащих к ахмадийскому джамаату) получили в силу своей упорядоченной структуры статус «корпораций общественного права», дающий ряд выгод в сотрудничестве с государством.

Маргинализация неинтегрируемого ислама проводилась в основном по ходу борьбы с исламским терроризмом, причем не только с откровенными джихадистами, но со всей логистикой исламизма, сформировавшейся в Германии за годы «мультикультурной» жизни. Иными словами, исламистов ущемляют не только в

erklärt Multikulti für gescheitert. – Der Spiegel, 16.10.2010. – Mode of Acces: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/integration-merkel-erklaert-multikulti-fuer-gescheitert-a-723532.html>

¹ В том числе головные Исламский совет Германии, Центральный совет мусульман в Германии, Союз исламских культурных центров и Турецкий исламский союз (ДИТИБ, турецкие сунниты, лояльный Турции союз).

реализации их радикализма, но во всем, даже в их общественных, нацеленных на немцев, проектах, например известный салафистский миссионерский проект «Читай!» был удушен на путях запрета его организации, группировки «Истинная религия»¹.

Миграционный кризис, изменивший состав диаспоры в пользу арабского ислама, принес Германии молодых джихадистов, не интегрированных даже в местный исламистский ландшафт и, впервые, террористические акции внутри страны, самая крупная – в 2016 г. на Рождественском рынке в Берлине². С 2016 по 2021 г. немецкими спецслужбами, создавшими в Берлине специальный «Объединенный центр по предотвращению терроризма»³, были предотвращены 11 исламистских покушений⁴, усилен контроль всей «исламистской сцены», т.е. всего круга, в той или иной мере связанного с исламом, а также симпатизирующих ему. По данным спецслужб, в исламистском ландшафте Германии на сегодняшний день представлены салафитские, джихадистские и легалистские группировки, не считая просто радикальной молодежи, из числа которой в основном и вербуются будущие террористы⁵. Причем во внутригерманской исламистской сцене растет число

¹ В рамках данного проекта с 2011 по 2016 г. в немецкоязычном пространстве немусульманскому населению на улицах и в мусульманских магазинах раздавали бесплатный хорошо изданный Коран на немецком языке. Интересно, что в ответ, как знак противодействия, гражданские активисты из ХДС раздавали не Библии, а Конституцию ФРГ.

² Тунисский исламист, въехав в толпу на грузовике, убил 11 и ранил 55 человек.

³ В него входили 8 федеральных и 32 земельные службы, включая внутреннюю, внешнюю и военную разведку, полицию, и федеральную службу по делам мигрантов и беженцев. [BKA, Bundeskriminalamt. – BKA – Gemeinsames Terrorismusabwehrzentrum (GTAZ). – Mode of Acces: https://www.bka.de/DE/UnsereAufgaben/Kooperationen/GTAZ/gtaz_node.html

⁴ Эти данные приводит Служба защиты конституции (внутренняя спецслужба): BfV, Bundesamt für Verfassungsschutz. Islamismus und islamischer Terrorismus – Mode of Acces: https://www.verfassungsschutz.de/DE/themen/islamismus-und-islamistischer-terrorismus/islamismus-und-islamistischer-terrorismus_node.html

⁵ BfV, Bundesamt für Verfassungsschutz. Islamismus in Deutschland. Begriff und Erscheinungsformen. – Mode of Acces: https://www.verfassungsschutz.de/DE/themen/islamismus-und-islamistischer-terrorismus/begriff-und-erscheinungsformen/begriff-und-erscheinungsformen_artikel.html

мотивированных молодых женщин, берущих на себя прежде всего «хоум офис», работу в Интернете¹.

* * *

Так может ли ислам стать частью Германии? Единства по этому поводу нет даже в самом министерстве, курирующем Исламскую конференцию. Вольфганг Шойбле (ХДС), под руководством которого конференция была создана, был убежден, что это так². Следующий за ним министр, Томас де Мезьер (ХДС), убежден уже не был, а министр последнего правительства Меркель, Хорст Зеехофер (ХСС), заявил, что «ислам к Германии не принадлежит»³, ратуя в то же время на заседаниях Исламской конференции за «немецкий ислам», подразумевая под ним собственных, подготовленных в Германии муфтиев и проповеди на немецком языке⁴.

Размышляя о том, оказала ли немецкая идентичность в том виде, как официально (через Федеральный центр политического образования, политику, СМИ, общественный дискурс) она насаждалась в ФРГ, влияние на проживающих в стране мусульман, следует отметить, что до сих пор воздействие это было минимальным. Будучи вынужденными принимать существующий правовой порядок, а также используя в своих интересах либеральные ценности, мусульмане (за исключением малозначительного числа интеллектуалов и политиков) не одобряли таких особых составляющих современной немецкой идентичности, как толерантность к сексуальным меньшинствам, коллективная историческая вина немцев за

¹ «Они мотивируют молодых людей, работают для исламистов в Интернете, занимаются там вербовкой, в общем, предоставляют исламистам всю логистику и к тому же путешествуют с ними туда-сюда». Hoyer F. – Bonner Polizeipräsident: „Das Personal reicht natürlich nie“ // Generalanzeiger Bonn. – 6. Juli 2020. – Mode of Acces: <https://ga.de/bonn/stadt-bonn/bonn-polizeipraesident-frank-hoyer-im-interview>

² Schäuble W. Der Islam ist Teil Deutschlands. – <https://www.wolfgang-schaeuble.de/wp-content/uploads/2015/04/060925sz.pdf>

³ Seehofer H. Der Islam gehört nicht zu Deutschland // Süddeutsche Zeitung, 15.03.2018. – Seehofer: Der Islam gehört nicht zu Deutschland - Politik – SZ.de (sueddeutsche.de)

⁴ Seehofer H. Rede des Bundesinnenministers zur Ausbildung religiösen Personals islamischer Gemeinden (Imamausbildung) // Deutsche Islamkonferenz, 12.11.2020. – <https://www.deutsche-islam-konferenz.de/SharedDocs/Meldungen/DE/rede-seehofer-videokonferenz-imamausbildung.html>

преступления национал-социализма или дружба с Израилем. В своем неприятии Израиля, например, арабские исламисты нередко смыкались с немецкими ультраправыми¹. Кроме того, мусульманская община Германии постоянно растет и пополняется за счет мигрантов из стран, где распространен радикальный ислам.

Сложные и длительные процессы изменения немецкой идентичности после воссоединения двух немецких государств и по ходу «срастания» новых и старых федеральных земель воедино, а также по мере перехода от «боннской» к «берлинской» республике, до сих пор практически не затронули замкнутое на себя и свои интересы мусульманство Германии.

Размышляя же о возможном воздействии ислама на немецкую идентичность, следует отметить следующие важные моменты.

В немецком случае, во-первых, нет смысла говорить об «исламской идентичности» диаспоры как таковой. В силу особенностей ее формирования в Германии в ней представлены разные этнические группы и, соответственно, разные, иной раз и враждующие, направления ислама. До иммиграционного кризиса в 2014–2016 гг. около 63% живших в Германии мусульман были турки. Им следовали арабы, боснийцы, пакистанцы, афганцы, чеченцы, косовские албанцы и немцы, перешедшие в ислам. Соответственно количественно преобладали турецкие сунниты, затем шииты (алевиты, иранские имамиты, турецкие шииты, исмаилиты), ахмади, суфийские группы. Приняв в 2015–2016 гг. сразу более 1 млн мусульман, Германия стала обладательницей не просто крупнейшей мусульманской диаспоры Европы (5,6 млн человек, что соответствует 6,7% от общего числа населения²), но и разнообразнейшей. Эта мультиэтническая диаспора не имеет собственной целостной идентичности. В силу этого (и в силу особенностей ислама) она не может даже в собственных интересах создать единую головную организацию для переговоров с государством в важнейших вопросах

¹ Случаи были так часты, что стали предметом исследования Федерального центра политического образования, см.: Pfahl-Traughber A. Das Verhältnis von Islamisten und Rechtsextremisten. – Bundeszentrale für politische Bildung, 26.11.2006. – Das Verhältnis von Islamisten und Rechtsextremisten | bpb

² Данные штудии Федеральной службы по делам мигрантов и беженцев, цит.: Pick U. Zahl der Muslime deutlich gestiegen // Tagesschau, 28.04.2021. – Studie der Bundesregierung: Zahl der Muslime deutlich gestiegen | tagesschau.de

своего повседневного функционирования¹, не говоря уже о том, чтобы как-то целенаправленно влиять на сложившуюся идентичность общества в стране проживания.

Во-вторых, «гибридные идентичности» в немецком случае – редкое явление, присущее в основном мусульманским либеральным интеллектуалам, политикам, лицам интеллигентных профессий, как врачи или учителя, или же немецким конвертидам. Идентичности же основной массы мусульманского населения страны не включают в себя немецких компонентов, несмотря на жизнь в Германии, а завязаны на страны происхождения, на исповедуемое направление ислама и на меру его радикальности.

В-третьих, ислам, даже если его сделают интегрируемым, готовым к кооперации с государством, союзам удастся получить статус «корпораций общественного права», а с ним и условия функционирования в правовом поле, аналогичные тем, в которых действуют признанные в Германии конфессии, не станет частью современной германской идентичности. Не только потому, что это идентичность светского правового государства, но и потому, что ислам не имеет в стране тех глубоких исторических корней, которые имеют христианство или иудаизм. Он не является исторически религией какой-либо части коренного населения и не внес соответственно в ментальность общества определяющего культурного вклада. Неоднородность представленного в стране ислама – еще одно препятствие на этом пути. Пассионарность разбивается о внутренние конфликты в диаспоре, миссионерская деятельность среди немцев, с любовью выпестованная и реализуемая поколениями осевших в Германии исламистов, перечеркивается террористическими атаками заезжих джихадистских «отморозков», стремящихся не обращать, а воевать.

Таким образом, даже «принадлежа» Германии, т.е. перестав быть религией мигрантов, беженцев и иностранцев и войдя во внутригерманское конфессиональное сообщество, ислам не сможет в обозримом будущем изменить идентичность Германии, при условии, что государство не изменит своей политики – отсекая радикалов, последовательно интегрировать умеренные организации и союзы в существующий конституционный порядок и в немецкую (европейскую) политическую и гражданскую культуру.

¹ Наличие такой организации – предпосылка интеграции в существующие правовые нормы взаимоотношения государства и конфессий, начало которым положили конкордаты.

Источники

1. *Bosbach W.* Rede des stellvertretenden Vorsitzenden der CDU/CSUBundestagsfraktion Wolfgang Bosbach MdB in der Debatte des Deutschen Bundestages am 02. Dezember 2004. S.4, S.7. – Mode of Acces: https://wobo.de/politische_arbeit/reden/rede-antrag-islamismus-02122004.pdf
2. BfV, Bundesamt für Verfassungsschutz. Islamismus in Deutschland. Begriff und Erscheinungsformen. – Mode of Acces: https://www.verfassungsschutz.de/DE/themen/islamismus-und-islamistischer-terrorismus/begriff-und-erscheinungsformen/begriff-und-erscheinungsformen_artikel.html
3. BfV, Bundesamt für Verfassungsschutz. Islamismus und islamischer Terrorismus – Mode of Acces: https://www.verfassungsschutz.de/DE/themen/islamismus-und-islamistischer-terrorismus/islamismus-und-islamistischer-terrorismus_node.html
4. BKA, Bundeskriminalamt. – BKA – Gemeinsames Terrorismusabwehrzentrum (GTAZ). – Mode of Acces: https://www.bka.de/DE/UnsereAufgaben/Kooperationen/GTAZ/gtaz_node.html
5. *Demirkan O.* Sie wählen ihre Heimat, nicht Erdogan. – Handelsblatt, 08.03.2017. – Mode of Acces: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/deutsch-tuerken-durchtrennt-nicht-eure-bande-zur-tuerkei/19485102-2.html>
6. DPA. Armenien-Resolution. Mordaufrufe gegen Bundestagsabgeordnete.- Die Zeit, 6. Juni 2016. – Mode of Acces: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2016-06/tuerkei-recep-tayyip-erdogan-armenien-resolution-morddrohungen>
7. DPA. Merkel erklärt Multikulti für gescheitert. – Der Spiegel, 16.10.2010. – Mode of Acces: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/integration-merkel-erklart-multikulti-fuer-gescheitert-a-723532.html>
8. *Foroutan N.* Hybride Identitäten – muslimische Migrantinnen und Migranten in Deutschland und Europa. – Aus Politik und Zeitgeschichte, 23.1.2009. – Mode of Acces: <https://www.bpb.de/apuz/32223/hybride-identitaeten-muslimische-migrantinnen-und-migranten-in-deutschland-und-europa>
9. Hoever F. – Bonner Polizeipräsident: „Das Personal reicht natürlich nie“. – Generalanzeiger Bonn. – 6. Juli 2020. – Mode of Acces: <https://ga.de/bonn/stadt-bonn/bonn-polizeipraesident-frank-hoever-im-interview>
10. *Pfahl-Traugher A.* Das Verhältnis von Islamisten und Rechtsextremisten. – Bundeszentrale für politische Bildung, 26.11.2006. – <https://www.bpb.de/politik/extremismus/antisemitismus/37977/islamismus-und-rechtsextremismus?p=all>
11. *Pick U.* Zahl der Muslime deutlich gestiegen // Tagesschau, 28.04.2021. – <https://www.tagesschau.de/inland/muslime-deutschland-studie-101.html>
12. *Schäuble W.* Der Islam ist Teil Deutschlands. – <https://www.wolfgang-schaeuble.de/wp-content/uploads/2015/04/060925sz.pdf>
13. *Seehofer H.* Der Islam gehört nicht zu Deutschland // Süddeutsche Zeitung, 15.03.2018. – <https://www.sueddeutsche.de/politik/integration-seehofer-der-islam-gehoert-nicht-zu-deutschland-1.3908644>
14. *Seehofer H.* Rede des Bundesinnenministers zur Ausbildung religiösen Personals islamischer Gemeinden (Imamausbildung) // Deutsche Islamkonferenz, 12.11.2020. – <https://www.deutsche-islam-konferenz.de/SharedDocs/Meldungen/DE/rede-seehofer-videokonferenz-imamausbildung.html>

15. Stadt Bonn hat Saudi-Arabien ein Angebot gemacht. - Generalanzeiger Bonn. – 26 Januar 2021. – Mode of Acces: https://ga.de/bonn/bad-godesberg/stadt-bonn-hat-saudi-arabien-ein-angebot-gemacht_aid-55871491
16. Trawny P. Was ist Deutsch. Adornos verratenes Vermächtnis. – Mathes & Seitz. – Berlin, 2016 – 112 S
17. Wulf Ch. „Der Islam gehört zu Deutschland“. – Handelsblatt 3.10.2010, S.3 – Mode of Acces: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/wulff-rede-im-wortlaut-der-islam-gehoert-zu-deutschland-seite-3/3553232-3.html>

Swetlana Pogorelskaja*

Islam and the new identity of Germany

Abstract. Over the past two decades, the Federal Republic of Germany has been trying hard to integrate its Moslem community into the existing legal order. How did a country that has never had an indigenous Moslem population develop such an extensive and diverse diaspora that the state is forced to seek a dialogue with it? Does Islam influence Germany's new identity?

After analyzing the formation of the diaspora and the forces represented in it, from moderate to Islamist, as well as the changing state policy towards Islam, the author comes to the conclusion that Islam will not be able to become part of the German identity. The state is currently integrating moderate Islam into the existing legal order, cutting off and marginalizing radical parts of the diaspora, which could create prerequisites for strengthening cultural penetration. However, the Moslem diaspora itself is too diverse to have a common identity. It represents different ethnic groups and different, sometimes warring, directions of Islam. "Hybrid identities" as mediums of the introduction of Islam into the public consciousness in Germany are rare, these are persons of intellectual professions or politics. Islam does not have the deep historical roots in the country that Christianity or Judaism have and has not made a decisive cultural contribution to the mentality of society. Missionary activity among Germans, conducted by local Islamists, is crossed out by terrorist attacks of visiting jihadists who seek not to convert, but to fight.

Thus, even if Islam ceases to be a religion of migrants and foreigners, it will not be able to change the identity of Germany in the foreseeable future.

Keywords: Germany; Islam; «German Islam»; German identity; hybrid identity; Islamism.

* Swetlana Pogorelskaja, Candidate of Political Science, PhD of the University of Bonn, Senior Research Associate, the Department of Western Europe and America, INION RAS, e-mail: pogorelskaja@yahoo.de (ORCID: 0000-0001-9208-5889, GND: 115267158)

Шарипова Г.У.¹
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В МАЛАЙЗИИ

DOI: 10.31249/gimm/2022.02.10

***Аннотация.** В данной статье рассматривается краткая история формирования мультикультурализма в Малайзии. Приводятся примеры развития культуры межнациональных и религиозных отношений. Рассматривается влияние религиозных учений на политику мультикультурализма.*

***Ключевые слова:** мультикультурализм; этнические группы; ислам; буддизм; христианство; полиэтническое общество.*

1. Актуальность. Политическая и этническая история любого народа в немалой степени зависит от исторически обусловленных культурных (прежде всего, религиозных) факторов и условий². Таким образом, во второй половине XX в. произошли существенные изменения в мировой политике, повлиявшие на самоидентификацию многих государств. В результате трансформировалась и форма государственного устройства, в настоящее время данная реорганизация привела к тому, что в мире существует 21 федерация, в то время когда примерно 180 государств мира являются унитарными по характеру своей территориально-политической организации. Следовательно, вопрос этнического многообразия остался открытым, что привело к появлению общей проблемы этнической самоидентификации общества. Данный вопрос рассматривался не только в этнокультурной, конфессиональной, но и в общественно-политической литературе, что демонстрирует значимость данной проблемы.

В связи с этим известный социолог из Гарварда Натан Глэйзер рассматривал вопрос глобализации и демократизации многонационального общества, продвигал идею гражданских прав социальных групп.

¹ Шарипова Г.У., базовый докторант Международной исламской академии (Узбекистан, г. Ташкент), e-mail: guzallsharipovaa@gmail.com

© Шарипова Г.У., 2022

² Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.). – 2020. 35 с.

Впоследствии он стал одним из ярких сторонников мультикультурализма¹, опубликовав книгу «Мы все стали мультикультуралистами»².

В результате все чаще стали звучать идеи равенства этнокультурного, расового, религиозного разнообразия населения. В связи с этим сторонников идеи мультикультурализма становилось все больше с каждым годом. Современные исследования проблемы культурного многообразия в условиях глобализации указывают на повсеместное распространение и популяризацию мультикультурной модели государства. Работы таких исследователей, как S. Benhabib³, A. Fleras⁴, A.S. Laden and D. Owen⁵, Parekh⁶ и многих других, доказывают актуальность вопроса этнического многообразия.

2. Методы и степень изученности. Некоторые аспекты данной темы были изучены в трудах современных ученых и исследователей, таких как Benhabib S., Р.М. Алимова, В.И. Алешков, М.В. Орлова, A.R. Embong, А.М. Кузнецов, И.Н. Золотухина, но уместно заметить, что они под векторами рассматривали несколько направлений через призму исторической, политической и экономической точек зрения.

3. Результаты исследования. Модель мультикультурной политики, которую стремится реализовать Малайзия, совмещает государственные структуры и политические институты, созданные по международно признанным демократическим образцам, с исторически сложившейся ценностной системой, присущей Юго-Восточной цивилизации. Как нынешний, так и перспективный путь развития Федерации Малайзия основывается на творческом усвоении накопленного международного опыта и на всестороннем учете национальных особенностей и культурной традиции.

¹ Мультикультурализм – политика, направленная на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий и обосновывающая такую политику теория или идеология. <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 12.02.2021).

² Glazer N. We are all multiculturalists now. – Harvard University Press, 1997.

³ Benhabib S. Transformations of citizenship: The case of contemporary Europe // Government and Opposition. – 2002. – Vol. 37. – N. 4. – Pp. 439–465.

⁴ Fleras A. The politics of multiculturalism: Multicultural governance in comparative perspective. – Springer, 2009.

⁵ Laden A.S., Owen D. Multiculturalism and political theory. – 2007.

⁶ Parekh B.C. The future of multi-ethnic Britain: Report of the commission on the future of multi-ethnic Britain. – Profile Books, 2000.

Впервые термин «мультикультурализм» был введен в науку в 1971 г. Канадским Королевским Комитетом по билингвизму¹ и бикультурализму². Мультикультурализм объяснялся тем, что – это, с одной стороны, политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, с другой стороны – обосновывающая такую политику теория или идеология. Важным отличием от политического либерализма является признание мультикультурализмом прав за коллективными субъектами: этническими и культурными группами. Такие права могут выражаться в предоставлении возможности этническим и культурным общинам управлять обучением своих членов, выражать политическую оценку и т.п.³

Стоит отметить, что сегодня существуют уникальные мультикультурные модели, соответствующие определенному типу государства. Следовательно, мультикультурная модель Федерации Малайзия возникла на основе исторического, социокультурного, политического и психологического контекста. Конечно, в ходе этого исторического периода (середины XX в.) этнические различия в Малайзии ощущались, но люди больше не относились друг к другу с таким предубеждением, как ранее. Возможно, для возникновения расовой напряженности в 1950–1960-х годах были и другие причины, но, по крайней мере, те из них, которые можно было бы отнести на счет неравенства в распределении национального богатства, удалось в значительной мере ликвидировать⁴.

Чтобы понимать масштаб проводимой политики мультикультурализма, необходимо обратить внимание на этнический состав страны.

Сегодня в Малайзии насчитывается около 180 этнических и субэтнических групп⁵, большинство из которых составляет буми-

¹ Билингвизм (от лат. *bis* – два раза и *lingua* – язык) двуязычие, владение двумя языками. <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 11.01.2021).

² Бикультурализм – (от лат. *bis* – два раза и *cultura* – образование) – одновременная принадлежность лица или группы двум культурам. <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 11.01.2021).

³ *Алешков В.И.* Мультикультурализм: к истории вопроса. Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2013. С. 5–9.

⁴ *Орлова М.В.* Китайские диаспоры в Индонезии и Малайзии. 171 с.

⁵ «Языковые права» и «лингвистические права» являются правами человека, оказывающими влияние на предпочтение или использование языка государственными органами, частными лицами и другими субъектами. Языковые права языковых меньшинств. <https://www.ohchr.org>. (дата обращения: 12.02.2022).

путера (62,5%), малайцы и коренные народы, китайцы (20,6), индийцы (6,2), другие (0,9%), неграждане (9,8%) (оценка 2019 г.)¹

Кроме того, на полуострове Малакка проживают группы аборигенных общностей, известные как оранг асли («истинные люди» – в переводе с малайского языка), численность которых составляет около 150 тыс. человек. Оранг асли, в свою очередь, подразделяются на три главные группы: семанги (негрито), сенои и протомалайцы, которые, в свою очередь, включают 18 субэтнических групп. Языки аборигенов относятся к австроазиатской и аустронезийской языковой семье².

В настоящее время в Федерации Малайзия используются несколько языков: бахаса Малайзия (официальный), английский, китайский (кантонский, мандарин, хоккиен, хакка, хайнань, фучжоу), тамильский, телугу, малайлам, пенджаби, тайский.

Стоит отметить, что в данное время в Малайзии действуют 134 живых языка, из которых 112 языков коренных народов и 22 языка некоренных народов, что в свою очередь поддерживает «языковые права» и «лингвистические права» граждан. В результате можно проследить внедрение необходимого баланса между государственным языком (языками) и обязательствами государства по использованию или уважению предпочтений языковых меньшинств. Это способствует развитию уникальной лингвистической среды. Государственная защита лингвистических прав граждан способствует сохранению языкового многообразия.

Этническая же среда Малайзии в течение всего исторического периода подвергалась изменениям, что в свою очередь благотворно повлияло и на дальнейшую интеграцию в мировое сообщество.

Так, этнические ханьцы (китайцы) являются второй по численности этнической общностью Малайзии (20,6% населения страны). Большинство их являются буддистами, даосами и конфуцианцами, и лишь небольшое количество идентифицируют себя как христиане³. Этнические ханьцы прибыли из провинции Фуц-

Embong A.R. The Culture and Practice of Pluralism in Postcolonial Malaysia // The politics of multiculturalism. – University of Hawaii Press, 2001. – Pp. 31–59.

¹ <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/malaysia/> (дата обращения: 12.01.2022).

² *Mennecier P. et al.* A Central Asian language survey: Collecting data, measuring relatedness and detecting loans // Language Dynamics and Change. – 2016. – Vol. 6. – N 1. – Pp. 57–98.

³ <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/malaysia/> (дата обращения: 12.01.2022).

зянь и Гуаньдун для торговли на территорию Индокитая, Малакки и островов Малайского архипелага¹. Таким образом, был образован торговый путь, позволивший развить не только торговые двухсторонние отношения, но и укрепить этническую связь пожелавших остаться в Малакке ханьцев. В результате увеличилось число ханьцев (китайцев) в Малакке и на островах Малайского архипелага, что повлияло на формирование этнической диаспоры в Малайзии.

Значительную позицию в стране занимает индийская диаспора (около 6,2% населения). Большинство представителей индийского сообщества – тамилы, но также присутствуют малайялисы, пенджабцы и гуджаратцы. Среди них основная часть – приверженцы индуизма и буддизма, хотя встречаются мусульмане и христиане, а также представители сикхизма².

В Малайзии также проживают выходцы из стран Ближнего Востока, Таиланда и Индонезии и их потомки. Есть здесь и европейцы (например, британцы), которые обосновались в стране с колониальных времен. Так, в Малакке существует этническая общность кристанг (малайские креолы – потомки от связей и смешанных браков португальцев и малайцев). Небольшое число выходцев из Камбоджи и Вьетнама обосновалось в Малайзии со времен войны во Вьетнаме (1965–1973)³.

Таким образом, признаки изменения национального общества мультикультурным возникли в ходе многовековой истории Малайзии, где в течение всего исторического периода прослеживается поэтапная ассимиляция коренного населения с соседними народами и странами.

Возникает вопрос: какие факторы поддерживают и поощряют религиозную терпимость и гармонию в Малайзии?

Во-первых, это Федеральная конституция Малайзии и малайзийское законодательство. Как известно, приоритет права и интересы гражданского общества позволяют укрепить межэтнические и межконфессиональные отношения.

¹ Кузнецов А.М., Золотухин И.Н. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX – начале XXI в. – Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2010. 191 с.

² <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/malaysia/> (дата обращения: 12.01.2022).

³ Кузнецов А.М., Золотухин И.Н. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX – начале XXI в. – Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2010.

Во-вторых, несмотря на то что большинство населения страны составляют мусульмане, Малайзия не является классическим исламским государством, как можно подумать, для нее свойственна модель преобладания малайцев в полиэтническом обществе.

Данное превосходство хоть и есть, но никак не сказывается на качестве жизни немусульман страны. Малайзийские правовые органы и их деятельность направлены на продвижение идеи религиозной терпимости и гармонии среди малайзийцев.

Главным аргументом в этом является 3-я статья 1-го пункта Конституции Малайзии¹, где гарантируется свобода религии, исповедуемой в любой части Федерации, что обеспечивает гарантию свобод вероисповедания в стране.

1-й и 2-й пункты 8-й статьи Конституции Малайзии² гласят: все граждане равны перед законом и пользуются равной защитой со стороны закона, при этом граждане защищены от религиозной дискриминации, что доказывает существование свободы совести и отсутствия принуждения при определении гражданином своего отношения к религии.

3-й пункт 12-й статьи Конституции Малайзии³ гарантирует невмешательство в религиозные обряды немусульманских общин. Таким образом, гарантирует своим гражданам защиту государства.

2-й пункт 11-й статьи Конституции Малайзии⁴ допускает проведение религиозной пропаганды, конечно, с учетом ее законности.

На примере Малайзии можно проанализировать различные этнокультурные, этноконфессиональные образования, сохранившие свои особенные черты, образ жизни, культурные традиции, религиозные ценности, продиктованные национальной (социальной) спецификой.

Примером тому может послужить исследование, проводимое на основе расовых и религиозных данных, опубликованных Департаментом статистики Малайзии на основе переписи населения Малайзии 2010 г., где были рассмотрены факторы, приводящие к пре-

¹ Информационный сайт: <https://worldconstitutions.ru> CONST. OF MALAYSIA 3 статья 1 пункт (дата обращения: 4 февраля 2021 г.).

² Информационный сайт: <https://worldconstitutions.ru> CONST. OF MALAYSIA 8 статья 1 и 2 пункт (дата обращения: 4 февраля 2021 г.).

³ Информационный сайт: <https://worldconstitutions.ru> CONST. OF MALAYSIA 12 статья 3 пункт (дата обращения: 4 февраля 2021 г.).

⁴ Информационный сайт: <https://worldconstitutions.ru> CONST. OF MALAYSIA 11 статья 2 пункт.

обладанию религиозной толерантности и религиозной терпимости. По данным исследования, малайзийцы предпочитают религиозные учения, пропагандирующие религиозную терпимость и гармонию¹.

Стоит подчеркнуть, что на протяжении 40 лет в стране не наблюдается жестоких столкновений на этнической почве. Малайзия показывает внешнему миру опыт межэтнического взаимодействия, при котором делается ставка на бесконфликтное существование и компромиссы².

Малайзия демонстрирует мировой общественности уникальную модель религиозного мультикультурализма в Юго-Восточной Азии.

Очень часто у многих исследователей возникает вопрос, каким образом в обществе, где преобладает ислам, процветает религиозная толерантность этнических меньшинств? Следует обратиться к религиозным учениям как мусульман, так и немусульман. Изучение религиозных учений мусульман, христиан, иудеев, буддистов и других религиозных групп позволит понять их отношение к толерантности, а также терпимость к этническим (национальным) меньшинствам³. Стоит отметить, что учения, касающиеся терпимости и гармонии, содержатся во многих религиозных трудах. Это, в свою очередь, способствует развитию учений, доказывающих необходимость религиозной терпимости и гармоничного развития общества.

Как уже было сказано, в Малайзии количественно преобладают мусульмане. Необходимо подчеркнуть, что сегодня ислам занимает второе место по численности верующих по всему миру, столь быстрое распространение ислама и его влияние на мир стали объектами исследования ученых.

Многие сходятся во мнении, что религия мусульман учит верующих терпимости и сотрудничеству как с мусульманами, так и с немусульманами. Далее будут приведены примеры из священной книги мусульман Корана.

¹ Ibrahim, Abubakar (2013). "The religious tolerance in Malaysia: An exposition." *Advances in Natural and Applied Sciences* 7(1): 90–97.

² Золотухин И.Н. Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность. С. 7–17.

³ Национальные меньшинства – постоянно проживающие на территории государства компактные этнические группы, имеющие свой язык, обычаи и традиции, формы быта. <https://w.histrf.ru/> (дата обращения: 19.01.2022).

В суре Бакара (2:256) говорится: «Нет принуждения в религии. Прямой путь уже отличился от заблуждения»¹. Коран (Бакара 2:256) четко запрещает мусульманам принуждать или заставлять немусульман переходить в ислам, необходимо, чтобы люди добровольно и осознанно принимали ислам.

В суре ан-Нахль (16:125) говорится: «Призывай на путь Господа мудростью и добрым назиданием и вежи спор с ними наилучшим образом»². Это подтверждает, что когда мусульманин желает пригласить в свою религию людей, он придерживается метода мудрого объяснения и доброго наставления.

Если мусульманин во время призыва столкнулся с нежеланием или получил отказ на свое приглашение в свою религию, то мусульманин должен придерживаться принципа уважения и понимания. Сура аль-Кафирун (109:6) «У вас есть ваша религия, а у меня – моя!»³ доказывает то, что ислам принимает существование с ним других религий и готов жить с другими религиями в гармонии и уважении. Это, в свою очередь, подтверждает приверженность ислама к религиозной толерантности. Таким образом, многочисленная религиозная группа мусульман следует вышеуказанным принципам религиозной терпимости и гармонии среди мусульман и немусульман.

Ислам утверждает достоинство человека вне зависимости от религии, цвета кожи и пола: «Мы дали достоинство детям Адама»⁴. Ислам признаёт христианство и христианское Евангелие, Иисуса как пророка Всевышнего, признает иудаизм и Тору как данную Моисеем⁵.

Стоит отметить, Господь всевышний, обращаясь к Пророку Мухаммеду, сказал: «И ты, непременно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: “Мы – христиане!”» (Аль-Маида (Трапеза):82)⁶. В данном аяте можно проследить уважение и терпимость к христианам. В том числе говорится: «Арабы, которым Бог дал власть над миром в эти дни, как вы знаете, не только не противодействуют христианству, но хвалят священников и святых, Господа нашего, помогают церквям

¹Толкование ас-Саади <https://quran-online.ru/> (дата обращения: 13.01.2022)

²<http://quran.e-minbar.com/> (дата обращения: 19.01.2022).

³<http://quran.e-minbar.com/> (дата обращения: 19.01.2022). Там же.

⁴Прохорова В. Коран и хадисы пророка. – М.: Forward Books. 2000. – 1112 с.

⁵Лянов М.М. Толерантность исламо-христианских отношений в современном мире // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 2.

⁶Коран. С. 604. Перевод смыслов автора статьи Сулеймановой З.С., с оригинала. 122 с.

и монастырям»¹. Это еще раз доказывает приверженность к религиозной толерантности.

В христианском учении также прослеживается связь с религиозной терпимостью и гармонией.

Продолжая исследование, стоит обратить внимание на религиозное учение буддизма, что, в свою очередь, имеет немало последователей в Малайзии. Согласно учению Будды, каждый человек сам должен дорасти до духовных исканий и прийти за сокровенным знанием к наставнику. Ищущий смысл жизни сам вправе выбрать то или иное учение, или же искать истинную духовность самостоятельно. Задача же насильно «спасать» или «выправлять» людей в религии никогда не ставилась ни Буддой, ни его истинными последователями². Что также, в свою очередь, описано и в буддийской священной книге Удана-Варга³.

Далай-лама XIV отметил: «У нас демократия должна быть не только в политической области, но также и в области религии. Если вы находите что-то полезное для себя, вы вправе выбирать»⁴. Данное высказывание доказывает, что буддисты поощряют свободу творческого и духовного поиска. Это способствует терпимости, уважению верований друг друга, культур, религиозных ценностей. Умение признать различия и отнестись к ним с терпением есть самый лучший показатель межконфессионального диалога.

В священной писании христиан – Евангелии от Луки (6: 27–28) говорится: «любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас», «благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас»⁵. Что доказывает терпимость ко всем религиозным верованиям.

Концепция религиозной терпимости в индуизме очень древняя. «Индуизм – это религия индивидуума, для индивидуума и по индивидууму с корнями в Веды и Бхагавад-гита. Речь идет о том, что индивидуум приближается к личному Богу индивидуальным

¹ Владимир, архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский «...А друзей искать на Востоке. Православие и Ислам: противостояние или содружество?» https://royallib.com/read/arhiepiskop_tashkentskiy_i_sredneaziatkiy_vladimir/a_druzey_iskat_na_vostokepravoslavie_i_islam_protivostoyanie_ili_sodrugestvo.html#20480

² Уланов М.С., Бадмаев В.Н. Буддийские ценности и проблема толерантности в современном мире // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 3 (75).

³ Beckh H. (ed.). Udanavarga: Eine Sammlung buddhistischer Sprüche in tibetischer Sprache; Nach dem Kanjur und Tanjur. – Walter de Gruyter, 2013.

⁴ <https://ria.ru> (дата обращения: 21.01.2021).

⁵ <https://www.bible-center.ru/> (дата обращения: 21.01.2022).

образом, в соответствии с его темпераментом и внутренней эволюцией»¹.

Необходимо учитывать: верующий при каждом упоминании собственной религии вспоминает не то, что он приверженец другой религии, а что от него требует его вероучение. Верующий, который смотрит через призму собственной религии, сможет принять религию других людей. Это научит пониманию других верований.

Стоит отметить, что всем религиям мира присущи такие понятия, как терпимость, мир, любовь, гуманизм, хотя и существует многообразие религиозных взглядов. Это позволяет проводить государственную политику, направленную на религиозную толерантность, основываясь на «Декларации принципов терпимости», содержащей «уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур» как «единство в многообразии»².

Согласно данным 2008 г., опубликованным Комитетом по делам беженцев и иммигрантов (США), Малайзия приняла также примерно 155 700 человек беженцев и вынужденных переселенцев, став, таким образом, страной «первого убежища». Большую часть среди них составили выходцы с Филиппин – 70 500 человек, из Мьянмы – 69 700 человек, из Индонезии – 21 800 человек.³

4. Заключение. Политика мультикультурализма в Малайзии позволяет сформировать устойчивые, гармоничные межкультурные и межэтнические отношения. Это дает возможность утверждать, что в демократическом, правовом, мультикультурном и толерантном обществе Малайзии наблюдается изменение взаимоотношений граждан в обществе, обусловленных исповедуемыми религиями законами каждого из них.

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении 40 лет в Малайзии не наблюдается жестких столкновений на этнической почве. Малайзия демонстрирует внешнему миру опыт межэтнического

¹ Turdieva D. M. Религиозная толерантность в Малайзии // Theoretical & Applied Science. – 2019. – №. 12. – С. 411–416.

² Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61. Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года / Век толерантности: научно-публицистический вестник. – М.: МГУ, 2001.

³ Золотухин И.Н. Проблемы национального строительства в Малайзии. С. 91–99.

взаимодействия, при котором делается ставка на бесконфликтное существование и компромиссы¹.

Малайзия демонстрирует мировой общественности уникальную модель религиозного мультикультурализма. Мультикультурализм является неотъемлемой частью государственной политики Малайзии. Это способствует укреплению межэтнического диалога как устойчивых, гармоничных межкультурных и межэтнических отношений. Многие исследователи сходятся во мнении, что такой образ жизни способствует развитию религиозной социализации², а также сосуществованию религиозных ценностей и норм других религий в мире.

Sharipova Guzal*

A brief history of multiculturalism in Malaysia

Abstract. This article discusses a brief history of the formation of multiculturalism in Malaysia, gives examples of the development of the culture of interethnic and religious relations and considers the influence of religious teachings on the policy of multiculturalism.

Keywords: multiculturalism; ethnic groups; Islam; Buddhism; Christianity; multiethnic society.

¹ Золотухин И.Н. Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность. С. 7–17.

² Религиозная социализация – это усвоение индивидом религиозных ценностей и норм общества начиная с первых лет жизни до самой смерти.

* Sharipova Guzal, basic doctoral student, International Islamic Academy of Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent), e-mail: guzallsharipovaa@gmail.com

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Атамали К.Е.¹

ИСЛАМ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ. (Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2022.02.11

***Аннотация.** Обзор основан на анализе статей, посвященных диалогу между религиями, связанному с более широким спектром вопросов: отношениями между религиями, обществом и государством. Исследователи акцентируют внимание на проблеме взаимоотношений между христианами и мусульманами и специфике диалога между двумя религиями, а также обсуждают пути достижения взаимопонимания через межрелигиозный диалог.*

***Ключевые слова:** религия; ислам; христианство; межрелигиозный диалог; межкультурный диалог; мораль; общество; толерантность.*

Введение

Тема религиозного и культурного диалога – одна из важнейших в современном мире. Авторы статей затрагивают богословские темы, беседа о которых не должна быть спором; вопросы традиции и обновления; моральные проблемы, связанные с воспитанием новых поколений в религиозно-нравственном ключе и с профилактикой экстремизма; проблемы современного развития, стоящие и перед религиями, и перед социумом в целом. Исследователи знакомят читателей со взглядами ученых XX – начала XXI в., областью интересов которых является отношение ислама к межрелигиозному диалогу. Изучив концепции видения ислама в межре-

¹ Атамали К.Е., ведущий редактор, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: mrsxeniya@ya.ru

лигиозном диалоге, авторы представляют философское осмысление ислама в связи с проблемами толерантности и понимания человека в различных культурах.

Современный мир: постсекулярность и диалог

Кандидат философских наук, муфтий шейх и председатель Духовного управления мусульман Р.И. Гайнутдин [1], обсуждает постсекулярность, которой ознаменовано начало XX в. Автор отмечает, что на пороге миллениума мировая общественность еще отчасти пребывала в иллюзии секуляризма, ведь в мире, охваченном очередным витком научно-технического прогресса и поглощенном погоней за прибылью, якобы нет места вере во Всевышнего. В «постхристианской» Европе люди стали считать себя эмпирическими существами, лишенными перспективы бессмертия и высшего Божественного надзора: словно бы не атеисты, но и не верующие, просто приземленные своевольные существа. Однако в первое двадцатилетие нынешнего века произошло мощное возвращение религии на духовную и интеллектуальную арену, стали сильнее слышны голоса мировых религий, и прежде всего ислама. Человечество возрождает полузабытые традиции, уходящие в глубь веков.

В России проблеме постсекулярности были посвящены две крупные научные конференции: «Сакральное в постсекулярном мире» (Ростов-на-Дону, 2017) и «Религиозная ситуация на Северо-Западе: религия в постсекулярном мире» (Санкт-Петербург, 2019). Это означает, что религия становится предметом серьезного обсуждения, стоит вопрос о расширении контактов с инаковерующими и людьми вне религии, что необходимо, поскольку мы все живем в одном социальном пространстве. Разные религии рисуют несколько различные картины мира и по-разному понимают Бога, и эти несовпадения как раз и требуют диалога и «перевода» смыслов, даже если люди говорят на одном языке.

Прежде всего, автор говорит об исламе и христианстве. Эти авраамические религии исходят из одного корня, поэтому им, с одной стороны, легко находить общий язык, а с другой – трудно, так как разногласия среди родственников бывают порой самыми острыми. Мусульмане, как и иноверцы, должны следовать принципу «Люби свое и уважай чужое», поскольку только это уважение может быть залогом успешного взаимодействия, товарищества

и дружбы, результативных переговоров и совместных деяний на пользу всему обществу.

Люди редко задумываются над тем, что же, собственно, такое – диалог. Диалог – это когда говорят двое. Речь может идти и о полилоге, где несколько человек говорят по очереди. Часто в политических дискуссиях не бывает ни того ни другого – это скверный пример неспособности слушать и слышать собеседника. Диалог между религиями, между культурными традициями – это разговор, где обе стороны способны с уважением выслушивать чужое мнение, принимать его во внимание и давать адекватный, благожелательный ответ. Иная культура и иная вера изначально должны восприниматься как ценность. Каждая религия – яркий цветок, вписанный в картину мира, созданного Аллахом, притом что для каждого верующего, по мысли автора, цветок именно его веры наиболее прекрасен. Так ислам относится к иным верам. Подобный подход означает, что диалог между религиями требует высокой культуры вступающих в него людей, бережного и деликатного отношения к иной вере. Каждый человек с детства должен понимать, что мы не одинаковы, что мы – не животные, борющиеся за доминирование в социуме.

Мусульмане и христиане близки по духу, объединены общей верой в Единого Вседержителя и стремлением проявлять в жизни великодушие, доброту и прощение. Именно поэтому межрелигиозный диалог требует открытости, доверия и обстоятельного знания как своей, так и чужой религии. Многократно в истории взаимодействия религий принцип противопоставления «мы – они» срабатывал в результате взаимного невежества и наветов, приводя к розни, ненависти и конфликтам. Вот почему нужно просвещать приверженцев иных религий относительно идей, традиций, ритуалов и обрядов ислама. Мусульманам также будет интересно изучать христианскую теологию и этику. Только знание дает понимание, исключает ложь, наветы и клевету. История ислама, как и христианства, извилиста и сложна, полна жестокости и несправедливости в отношении разных групп людей. Ценнейшее свойство человека – умение прощать. Прощать свою собственную историю и историю чужих заблуждений и ошибок, чтобы начинать сначала и вступать в диалог. Любая религия как земной социальный институт воплощается в деяниях несовершенных людей, способных идти на поводу у своих страстей, и это должен осознавать каждый, кто изучает как свою традиционную, так и чужую веру.

Межрелигиозный диалог ведется на разных уровнях. На обыденном уровне соседи разных религий беседуют о праздниках и обычаях, а на концептуальном уровне в беседу вступают образованные богословы. Главное, чтобы собеседники не делали из своего диалога спор о том, чья вера лучше. Такого рода спор приводит лишь к стремлению обесценить воззрения оппонента и утвердить приоритет собственных убеждений. Такого рода диалог не может кончиться согласием, потому что он изначально некорректен. Даже разговор на обыденные и общезначимые темы не должен быть спором, потому что истина рождается не в споре, а в беседе, где есть попытка найти взаимопонимание, а убеждения оппонента принимаются всерьез. Диалог происходит в первую очередь «в горизонтальной плоскости»: как между духовными лидерами религий, так и между рядовыми верующими. Процесс опосредован «вертикальными связями», поскольку лидеры задают своей пастве тон и характер межкультурного разговора. Если рассуждать о диалоге, происходящем внутри России, то помимо различий, у ведущих диалог есть много общего: все они граждане одного государства и выросли в сходных условиях. В этом случае межрелигиозный диалог выходит за рамки чисто доктринальных вопросов и затрагивает общегражданские проблемы, т.е. становится культурным диалогом в широком смысле слова. Необходимо отметить, что диалог осуществляется в различных формах, среди которых газеты и журналы, религиозно-просветительские телепередачи, различные межконфессиональные конференции, форумы и организации и т.д.

Межрелигиозный диалог затрагивает не только верующих людей, но и людей светских, неверующих. Они неизбежно вовлекаются в разговор касательно морально-воспитательных вопросов, обычаев, праздников, а также юридических, экономических и политических проблем. Вовлечение неверующих в диалог религий не носит пропагандистского характера, однако благодаря дружескому общению представителей разных вер человек может обратиться в ту или иную религию.

Обращаясь к вопросу о видах и темах диалога, автор в первую очередь упоминает богословский диалог – диалог не только о доктринальных вопросах, но и о насущных проблемах человечества с учетом особенностей каждой религии. Его первая, более узкая тема, – особенности религиозных представлений и их теологическое объяснение, а вторая, более широкая, – современный мир, увиденный как «глазами конкретной веры», так и с общих позиций. Цити-

руя папу римского Франциска, автор отмечает, что понтифик привлекает во внимание позиции духовных лидеров иных вер и находит с ними значимые точки соприкосновения по вопросам взаимодействия, дружбы и братства. Богословский диалог не замкнут внутри чисто теологического круга и обращен одновременно к рядовым верующим, которые слушают и читают послания своих пастырей.

Другой важной темой межрелигиозного диалога является тема традиций и обновлений в связи с изменениями в обществе и культуре. Ее инициаторами тоже являются религиозные лидеры, замечающие социальные и культурные сдвиги. Жизнь трансформирует и христианские, и мусульманские представления в соответствии с современными реалиями, которые требуют допустимых изменений в некоторых морально-этических, социальных и обрядовых вопросах. Благодаря глобализации ислам уже не может восприниматься в отрыве от западных реалий и от диалога культур. В межрелигиозных и межкультурных диалогах очень важно не остаться на позициях ретроградности, но и не отступить от фундаментальных основ веры в погоне за современностью.

Традиционные нравственные представления христиан и мусульман, по мысли автора, очень близки: кроме веры, фундаментом морали в обоих случаях выступают сочувствие, великодушие и щедрость. И та и другая вера со своей моральной проповедью обращены ко всем народам мира, поэтому исключают представление о «богоизбранности» какого-то одного этноса или культуры. Похвальные и осуждаемые человеческие качества тоже сходны, как то: смирение, честность и храбрость, верность и стремление к справедливости, доброта и милосердие. Осуждению подвергаются лживость и предательство, самовлюбленность и агрессивность, пьянство и наркотики. Таким образом, у представителей двух важнейших систем веры нет принципиальных противоречий в их взглядах на мораль. Верующие обеих религий так же, как и неверующие россияне, ценят традиционные составляющие российской гуманистической культуры, противостоящие идеям радикальной свободы личности и вседозволенности. Традиционные российские духовно-нравственные ценности, которые объединяют многонациональную и многоконфессиональную страну, отражены в президентском указе о стратегии национальной безопасности. Это способствует продуктивному разговору о современном воспитании и профилактике любых экстремистских проявлений, основанных на противопоставлении «мы – они». Хотя внимание обычно

уделяется в основном исламскому радикализму, на христианской почве также случаются крайние проявления ненависти и к инакововерующим. Обратившись в прошлое, мы видим и терроризм атеистический. Поэтому диалог о предупреждении любого радикализма есть важная задача межрелигиозного общения. Обе религии через своих представителей и организации должны распространять дух миролюбия, убежденность в том, что любые проблемы должны решаться переговорами и мирными методами.

В круг компетенций участников религиозно-морального диалога входит множество тем, связанных с особенностями современной жизни, например, воспитание детей, в том числе и религиозное. Стоит отметить, что моральная тема межкультурного и межрелигиозного диалога имеет отношение к образованию и воспитанию не только детей, но и взрослых, поскольку нравственное развитие человека длится всю жизнь. Порой опыт верующих не только своей, но и иной религии оказывается востребован и ценен, а искренний и открытый разговор усиливает желание покаяться и изменить жизнь к лучшему.

Завершается статья анализом перерастания межконфессионального диалога в совместный диалог религий с обществом, государством и бизнесом. Тесно связывая финансовый капитал и безнравственность, папа Франциск отмечает: могущественные интересы пытаются создать новую культуру, обслуживающую элиту, что играет на руку финансовым спекулянтам и рейдерам. Поскольку мусульмане отвергают ростовщичество, им трудно мириться с тем, что финансовый капитал стал доминирующим в современном мире. Поэтому мусульмане со своей стороны должны привлекать общественное внимание к проблеме сдерживания финансовой экспансии и оказывать духовную поддержку медицинской, образовательной и просветительской сферам. Процесс информатизации и цифровизации в современном мире остановить нельзя, но совместная задача христианства и ислама состоит в том, чтобы будущие поколения не остались игрушкой социальных сетей. Взаимное согласие конфессий в этих вопросах открывает путь совместной борьбы за духовность.

Ученые о мусульманском взгляде на межрелигиозный диалог

А.К. Токсанбаев [2], аспирант кафедры философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного уни-

верситета, посвящает статью взглядам ученых XX – начала XXI в. на отношение ислама к межрелигиозному диалогу. Автор начинает с определения понятия «диалог», указывая на его древнегреческое происхождение, в переводе означающее «беседа», «разговор». Сократ рассматривал диалог на основе вопросов и ответов, Платон же основывался на философии драмы и художественной литературы. Главное условие диалога – равенство его участников. Автор приводит несколько мнений различных философов о диалоге, но отмечает отсутствие точного определения понятия. Так, австрийский и израильский философ М. Бубер полагал, что бытие – это диалог между человеком и Богом, человеком и миром, который проявляется в соблюдении человеком Божьих заповедей. Российский философ М.М. Бахтин утверждал, что быть – значит общаться диалогически.

Бытует несколько типов межрелигиозного диалога, которые применяются на практике многими государствами и обществами в соответствии с критерием «интенция»: миротворческий, полемический, когнитивный и партнерский. Миротворческий межрелигиозный диалог направлен на разрешение проблем социального, культурного и религиозного характера; проводится на «низовом» (встречи между рядовыми гражданами) и «высоком» (диалог между лидерами религиозных конфессий, государств и т.д.) уровнях. Площадкой для диалога на высоком уровне могут служить различные форумы и съезды, например Съезд лидеров мировых и традиционных религий, который возник в 2003 г. и проводится каждые три года в Нур-Султане (Астана). Почетными участниками Съезда были папа Иоанн Павел II, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, король Иордании Абдалла II и многие другие.

Второй тип диалога – полемический, в ходе него каждая из сторон пытается доказать истинность и превосходство своего вероучения над остальными. Таким образом, полемический диалог равен миссионерству, когда главной целью выступает распространение догматов своей религии. Подобные встречи и споры вели между собой на протяжении всей истории мусульмане, христиане и иудеи, где каждая сторона критиковала другие авраамические религии по теологическим вопросам. Следующим типом диалога является когнитивный межрелигиозный диалог, где одной из главных целей является знакомство с другими религиями, их догматами и духовными практиками. Причинами вступления в когнитивный диалог зачастую являются интеллектуальное любопытство, стремление понять духовное переживание и поговорить на интере-

сующие вопросы. Когнитивный диалог применяется на практике католическими монахами, которые участвуют в духовных практиках индуистов и буддистов. В Западной Европе мусульмане организуют в Рамадан праздничные ужины, куда приглашаются религиозные лидеры различных конфессий для более близкого знакомства с исламом и его культурой. Четвертым и последним типом межрелигиозного диалога является партнерский, который направлен на избавление человечества от таких общемировых проблем, как бедность, преступность, экстремизм, терроризм, война и т.д. Для достижения определенных целей верующие различных конфессий забывают о теологических догматах и исторических обиходах.

Автор приводит мнения ученых об исламе в межрелигиозном диалоге. Так, американо-палестинский исследователь и философ Исмаил Раджи аль-Фаруки выступал за налаживание взаимоотношений между религиями и культурами с позиций ислама. Он разработал концепцию «естественная религия» («дин аль-фитра»), которая предполагает, что все люди по своей природе (фитра) обладают внутренней скрытой религиозностью и объединены в универсальное религиозное братство. Аль-Фаруки предлагал строить взаимоотношения не на религиозности, а на рациональности, считая главной целью диалога достижение истины. Во избежание теологических споров он полагал этические вопросы более подходящей темой для обсуждения из-за своей универсальности.

Автор обсуждает позицию богослова и бывшего президента Ирана С.М. Хатами, который в 2001 г. на заседании ООН выдвинул свою концепцию «диалог цивилизаций». Это ответ на труд «Столкновение цивилизаций» известного американского ученого С.Ф. Хантингтона, уверенного, что не удастся избежать конфликта между западным и мусульманским мирами. Согласно его взглядам, диалог возможен лишь там, где соблюдаются открытость и искренность между участниками, умение слышать и слушать собеседника, стремление к достижению взаимопонимания и приближению к истине. Когда речь идет о диалоге цивилизаций, то участники не должны насильно навязывать друг другу свой образ жизни, культуру, мировоззрение и т.д., а главным условием успешного диалога является толерантность. Хатами считает, что ученые, политики и интеллектуалы должны осмыслить культурные и духовные основы всего человечества и донести полученные знания до каждого народа. Некоторые мусульманские исследователи также критикуют работу «Столкновение цивилизаций»,

утверждая мысль об изначальной заложенности в исламе всех качеств участия в диалоге. Так, в Коране говорится, что людям следует интересоваться традициями и бытом других народов, а в Сунне присутствуют диалоги с иудеями, христианами и даже курайшитами Мекки.

Во Франции активным участником мусульманско-христианского диалога является исследователь Мерад Али, который призывает две общины пойти навстречу друг другу, чтобы противостоять механистическому обществу. Он опасается, что в угоду обогащению заинтересованные круги будут подталкивать мусульман и христиан к конфликтам. Единственный выход – диалог, построенный на обоюдном уважении и толерантности. Продолжая тему мусульманско-христианских отношений, автор выделяет Махмуда Айуба из Центра религиозных исследований Университета Торонто, который приводит основные исторические моменты, отталкивающие две конфессии друг от друга. Так, мусульмане обвиняли христиан в искажении Евангелия, а христиане считали ислам ересью, что порождало ненависть, недоверие и страх. Также сильное влияние оказывали религиозные войны и колониальное господство. Для налаживания межрелигиозного диалога мусульмане и христиане должны выйти за рамки истории взаимоотношений двух религий и стремиться понять, что говорит Бог мусульманам через христианство и христианам через ислам.

Автор полагает, что турецкий исследователь А. Бетюль предлагает интересный подход к выстраиванию межрелигиозных отношений. Он считает компаративную теологию и размышления над писаниями современными формами межрелигиозного диалога. Несмотря на пользу изучения верующими священных текстов других религий, турецкий специалист полагает, что главным недостатком является сосредоточение лишь на текстах и игнорирование ритуальной части религии. Стремление понять другую религию через призму своей невозможно и неправильно, утверждает он, поэтому участникам диалога необходимо разяснять собеседникам понятия и концепции своих религий.

Идея межрелигиозного диалога с позиции ислама не обошла стороной и видных современных российских ученых и исследователей. Например, первый заместитель председателя Духовного управления мусульман РФ Д.В. Мухетдинов замечает, что адекватный мусульманский подход к религиозному многообразию состоит в непредвзятой оценке каждой религии и старании выделить в ней божественное измерение. Мухетдинов отмечает сложив-

шуюся в России уникальную «евразийскую» религиозность, которая, среди прочего, сочетает в себе искреннее Богоискательство, духовную трезвость, пансакральность, гибкость, миролюбие и отзывчивость.

Коранический подход к межрелигиозному диалогу

А.М. Кахаев [3], аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, посвящает статью обзору текстов Корана и Сунны, в которых устанавливается диалог между различными религиями и культурами. Цель исследования – показать важность развития межконфессиональных отношений и познакомить читателя с кораническим подходом к межрелигиозному диалогу на основе веротерпимости. Особое внимание автор уделяет отношению к представителям других конфессий в ранний период развития ислама.

Идея межконфессионального диалога начала оформляться на международной арене в 1930-е годы. Под межрелигиозным диалогом автор понимает позитивное общение и совместную деятельность представителей разных конфессий для достижения единогласия между религиями и укрепления духовно-нравственных устоев общества на основе братства, единства, справедливости и веротерпимости. Основной целью диалога является вопрос о мирном сосуществовании и взаимодействии различных религий, что является необходимой для многоконфессионального общества практикой. Автор рассматривает демонстрируемые Кораном и Сунной примеры веротерпимости и гуманного отношения к представителям различных конфессий. Так, в одном из аятов говорится о признании всех 104 священных книг, ниспосланных пророкам, среди которых Коран, Тора, Евангелие и Псалтырь. Коран призывает мусульман проявлять доброту ко всем мирным людям, даже если они не исповедуют его религию. Основным правилом отношения мусульманина с представителями других конфессий является справедливость. Утверждается необходимость проявления инициативы в межрелигиозном диалоге между мусульманами и людьми Писания (христианами и иудеями). Условиями диалога с представителями других религий являются этика, мудрость, отказ от фанатизма, разумный подход и опора на доказательства.

Согласно кораническим правилам, все люди созданы Всевышним, образуют единую семью и имеют одного праотца – Адама. Различия между людьми являются одной из причин их встреч,

знакомств, сотрудничества и обмена знаниями. Коран подчеркивает тесную связь между мусульманами и христианами, призывает сотрудничать с последователями других конфессий на благо установления правосудия и безопасности. Одним из примеров межконфессионального диалога в Сунне является Худайбийское мирное соглашение, пророк Мухаммад заключил его с многобожниками-курайшитами Мекки. Также Пророк составил Мединское соглашение, которое регулировало отношения мусульман с немусульманами и призывало положить конец враждебным отношениям с иудеями. Другими словами, принадлежность к разным религиям не является преградой для взаимоотношений мусульман с немусульманами.

Проведенный анализ отношений мусульман с представителями иных конфессий позволяет сделать вывод о том, что Коран призывает уважительно относиться к праву людей на свободное вероисповедание. Коран говорит о необходимости межрелигиозного диалога и указывает на единогласие между исламом, христианством и иудаизмом. Примеры из жизни пророка Мухаммада свидетельствуют о важности миролюбия, этики и уважительного отношения мусульман к немусульманам.

Заключение

На протяжении существования человечества культуры и религии вступали в различные отношения друг с другом: войны, мир, богословские диспуты, гонения и т.д. С течением времени, благодаря резкому техническому прогрессу, мир изменился, что кардинально сказалось на странах: перестали существовать монокультурные сообщества. Общемировые процессы не обошли стороной и религиозную сферу. Диалог между религиями и культурами занимает важное место, поскольку прослеживаются случаи, когда заинтересованные круги политизируют религию ради материальной выгоды, чем побуждают возникновение радикальных экстремистских направлений, стремящихся установить свой мировой порядок.

Межрелигиозный диалог исследуется с точки зрения науки во многих странах мира. Ученые стремятся проследить точки соприкосновения с представителями других религий, при этом не отходя от собственных религиозных догматов. Они предлагают различного рода решения: от проведения круглых столов между политиками и религиозными деятелями до попытки познать религиозные доктрины друг друга посредством изучения священных

писаний. Важным условием для проведения успешного межрелигиозного диалога является толерантное отношение, и результат прямо зависит от академической и политической элит, которые имеют большое влияние на сознание простых граждан.

Изучив концепции видения ислама в межрелигиозном диалоге, авторы приходят к мнению, что межрелигиозный диалог с точки зрения ислама представляет собой открытое уважительное общение, при котором участники интересуются традициями, верованием и изучают священные писания друг друга. Важным в вопросе выстраивания коммуникаций между религиями является рациональное мышление. Однако в мировой практике зачастую появляются определенные заинтересованные лица, политизирующие ислам и продвигающие радикальные взгляды, и это отрицательно сказывается на отношениях между религиями и культурами. Единственным путем недопущения возникновения подобных ситуаций выступает диалог, построенный на обоюдном уважении и толерантности.

Литература

1. *Гайнутдин Р.И.* Диалог религий, диалог культур // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2021. Т. 17, № 3. С. 27–44.
2. *Токсанбаев А.К.* Мусульманский взгляд на межрелигиозный диалог // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 2 (140). С. 52–59.
3. *Кахаев А.М.* Развитие межрелигиозного диалога на основе справедливости и веротерпимости // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 57–60.

Ksenia ATAMALI*

Islam and interreligious dialogue (Analytical Review)

Abstract. The review is based on the analysis of articles dedicated to the dialogue between religions and related to a wider range of issues: relations between religions, society and the state. The researchers focus on the problem of the relationship between Christians and Moslems and the specifics of the dialogue between the two religions, and also discuss ways to achieve mutual understanding through interreligious dialogue.

Keywords: religion; Islam; Christianity; interreligious dialogue; intercultural dialogue; morality; society; tolerance.

* Ksenia Atamali. Asia and Africa Department member, INION RAS.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2022 – 2 (324)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Корректор О.П. Шамова
Компьютерная верстка
К.Л. Синякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/V – 2022 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 7,7 Уч.-изд. л. 7,2
Тираж 250 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 28

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У